ДИАНА СПЕНСЕР

Виктория Балашова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

И сегодня, спустя почти 20 лет после своей трагической гибели, леди Ди, или, по-другому, Диана Спенсер (1961–1997), принцесса Диана, так же, как и прежде, глядит на нас с обложек глянцевых журналов. Для многих поколений женщин она остается кумиром, образцом, которому хочется подражать. Но что скрывается за красивым фасадом? Недюжинный ум, доброе сердце… Или что-то еще? Писательница и психолог Виктория Балашова называет ее смерть самоубийством длиною в жизнь, а саму принцессу — женщиной, которая не умела быть счастливой. А если так, то счастье ей не смог бы подарить ни один, даже самый лучший мужчина в мире, будь он хоть британским, хоть каким-то другим принцем…

знак информационной продукции 16+

- Виктория Балашова
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 1961–1980 ГОДЫ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ 1980–1981 ГОДЫ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая

- ЧАСТЬ ПЯТАЯ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ДИАНЫ СПЕНСЕР
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Виктория Балашова
Диана Спенсер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Диана Спенсер родилась в самом начале шестидесятых — 1 июля 1961 года. Замуж за принца Чарльза она вышла ровно через 20 лет — 29 июля 1981 года. И эти первые 20 лет ее жизни,

самые, как окажется позже, счастливые и безмятежные годы, совпали с интереснейшей эпохой, эпохой свинга, Битлов, сексуальной революции и первых полетов в космос. Могла ли будущая принцесса избежать влияния времени и, выйдя замуж, стать незаметной тенью английского принца? Нет, Диана вошла в историю, твердой рукой вписав свое имя в список ярчайших событий и людей 1960–1970-х годов.

Давайте вспомним, что же такого особенного случилось в те годы. В шестидесятые соотечественники принцессы Дианы взорвали мир музыки: появляются *The Beatles, Pink Floyd, Deep Purple, Led Zeppelin.* В США на сцену выходят *The Doors,* Боб Дилан, Элвис Пресли, Фрэнк Синатра, Элла Фицджеральд. Рок-группы выпускают первые альбомы, которые позже будут считать классикой жанра. Кроме рок-движения страны охватывает движение хиппи — в 1969 году проводится фестиваль в Вудстоке, символ хиппи, рока и свободного секса.

В те же годы появляются фильмы, чьи названия навсегда будут вписаны в историю кинематографа: «Завтрак у Тиффани», «Моя прекрасная леди», первые серии бондианы, «Фантомаса», «Человека-паука». Это время режиссеров Вуди Аллена, Альфреда Хичкока, Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, актеров Луи де Фюнеса, Жана Маре, Брижит Бардо, Жана Поля Бельмондо, Софи Лорен, Марчелло Мастроянни, Одри Хепбёрн, Марлона Брандо, Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор. Американская актриса Грейс Келли в 1956 году вышла замуж за князя Монако, став своеобразным первопроходцем на тяжком пути золушек, примеривших на себя корону. Нельзя не упомянуть и другой символ эпохи шестидесятых — семидесятых — Жаклин Кеннеди. Всего два года она была первой леди США, с 1961 по 1963 год. В розовом костюме от Шанель — еще один символ — Жаклин стала свидетельницей убийства мужа. После, в конце 1960-х годов, ей сделал предложение знаменитый миллионер Аристотель Онассис… Обе женщины, и Грейс, и Жаклин, выходят из тени мужей, активно участвуя в политической, культурной и просветительской общественной деятельности.

А что происходило в мире литературы? Конечно, продолжая «женскую» тему, мы должны отметить выход нашумевшей книги французской писательницы Эммануэль Арсан. Первое издание романа «Эммануэль» датируется 1959 годом. В 1974 году по нему сняли одноименный фильм. С той поры Эммануэль Арсан считается родоначальницей сексуальной революции, которая вихрем пронеслась по Европе и Америке, напрочь сметая устоявшиеся семейные ценности. Активно расшатывают взгляды обывателя и другие книги: «Убить пересмешника», «Пролетая над

гнездом кукушки», «Сто лет одиночества»… Автор опубликованного в 1951 году романа «Над пропастью во ржи» (несколько лет запрещенного во многих странах, включая родину писателя США) Джером Сэлинджер в шестидесятые писал новеллы, продолжая идти против течения: его идеи — это сплав мистики, нигилизма, дзен-буддизма.

В других сферах жизнь также не стояла на месте: в 1960-е полетел в космос Юрий Гагарин, Алексей Леонов впервые вышел в открытое космическое пространство, американцы высадились на Луне. Тогда же заработали первые лазеры и видеомагнитофоны; прошла испытание водородная бомба; в Японии началось регулярное движение высокоскоростных поездов; появились пассажирские сверхзвуковые самолеты; была проведена первая успешная операция по пересадке сердца.

Изменения, происходившие в обществе, не могли не коснуться и политики. С одной стороны, разжигалась холодная война, строилась Берлинская стена, шла печально знаменитая война во Вьетнаме, во Франции разгорался социальный кризис, приведший к смещению с поста президента Шарля де Голля. С другой стороны, в нескольких странах произошло «экономическое чудо», на десятилетия поставившее их на высшую ступеньку пьедестала по уровню жизни и темпам развития. Был заключен договор о нераспространении ядерного оружия. Получили независимость 32 африканские страны, в США приняли закон о запрете расовой дискриминации.

Таким образом, первые десять лет жизни Дианы Спенсер проходили на фоне активных изменений в обществе, которые естественным образом находили свое отражение в жизни ее семьи. Одним из ярких примеров явился развод родителей Дианы — в классе она будет единственным ребенком из неполной семьи. Устои рушились: то, что было когда-то незыблемым, расшатывалось…

1970-е годы ознаменовались следующими конфликтами: продолжением войны во Вьетнаме, гражданской войной в Камбодже, началом войны за независимость в Бангладеш, военными переворотами в Чили и Пакистане. Помимо всего прочего, бывшие британские колонии провозгласили независимость. А в науке и технике, не прекращаясь, шел процесс изобретения новых хорошо знакомых нам и сегодня приборов, средств информации и коммуникации: «мыши» для компьютера, мобильной телефонной связи, микропроцессора *Intel,* был представлен самый массовый персональный компьютер *Apple.* В конце 1970-х родился первый ребенок в результате искусственного оплодотворения, в космосе состоялась стыковка

советского и американского кораблей. Возникли первые коммерческие компьютерные игры. Сексуальная революция продолжала свое шествие. Вышли первые книги Стивена Кинга. На сцене царили *ABBA, AC/DC, Queen.*

На 1960–1970-е годы пришлась и вторая волна феминизма. Стал популярным лозунг «Освобождение женщин». Феминистки предложили женщинам осознать, что их личная жизнь непосредственно отражает культурное и политическое неравенство с мужчинами. Таким образом, хиппи, сексуальная раскрепощенность, получившие невиданное распространение наркотики, феминизм и, как ни парадоксально, широкое освободительное движение в странах третьего мира слились воедино, явившись неким «землетрясением» для всего старого и консервативного. Если ранее девочек воспитывали в том духе, что они должны посвятить себя семье — мужу, детям и хозяйству, то в 1960–1970-х годах феминистки призывали женщин получать высшее образование и делать карьеру.

В целом те времена спровоцировали всплеск всего, что мы имеем в полном расцвете сегодня, как положительного, так и отрицательного, того, что стало нормой для XXI века: гремучей смеси низкого и высокого, грязного и возвышенного, отсталого и прогрессивного, безверия и духовности, одиночества и постоянного ощущения себя «посреди толпы».

Диана Спенсер, воспитанная в старых, добрых английских аристократических традициях, оказалась перед странным и тяжелым выбором, который преследовал ее до самых последних дней. С одной стороны, она должна была бороться за свою семью, отстаивая интересы мужа, детей и всего королевского семейства перед публикой и без устали преследовавшей ее прессой. Диана сильно старалась, даже во вред самой себе, собственному здоровью и психике. С другой стороны, она до такой степени стала популярной фигурой на мировой сцене, что увести ее в тень, затушить разгоревшийся огонь популярности было уже не под силу ни самой принцессе, ни ее знатной родне.

Диана навсегда останется символом борьбы между старым и новым, представительницей иного поколения женщин, у которых за красивым фасадом скрывались недюжинный ум, доброе сердце и стремление, как тогда казалось, соединить несоединимое. Современная женщина должна быть благодарна Диане Спенсер и другим ярким личностям тех лет. Именно они своим мучительным и горьким примером научили нас соединять вроде бы невозможные вещи: патриархальную, в хорошем смысле, семью и самореализацию в совершенно иных областях. Ни одна оголтелая феминистка никогда бы не сделала для нас подобного:

истинная свобода достигается не путем отрицания вечных ценностей, а путем обретения внутренней гармонии. Принцессе Диане так и не удалось привести чаши весов в равновесие, но бог знает, как она к этому стремилась…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 1961–1980 ГОДЫ

Глава первая
ЗОЛУШКА ГОЛУБЫХ КРОВЕЙ

Сказка о Золушке, пожалуй, отстояла свое право на непреходящий «Оскар». Никакие другие сказки о спящих красавицах, принцессах на горошине, царевнах-лягушках не снискали такой славы, как легенда о несчастной замарашке, делавшей всевозможную грязную работу по дому и вознагражденной за свои труды волшебным балом во дворце, а после и свадьбой с принцем. По большому счету сказочный принц очень похож на Чарльза — супруга Дианы. Он не пытается смотреть девушкам в глаза и душу, он смотрит на ноги, впору ли туфелька. Учитывая недолгую работу Дианы в качестве воспитательницы и такой же недолгий опыт по самостоятельной, тщательной уборке собственной квартиры и квартиры старшей сестры (не сводной, а родной, к тому же не бесплатно), широкая публика окрестила принцессу новоявленной Золушкой. Многие забыли, однако, про то, что Диана Спенсер могла дать фору принцу в плане благородного происхождения. И таким образом, Диана и Чарльз, поженившись, сделали друг другу одинаковое одолжение. «Туфельку», конечно, принц примерял, но ему не пришлось носиться с ней по всему королевству.

«…старые семейства вигов, такие как Кавендиши, Расселы, ее (Дианы) собственный род и еще одна-две фамилии, гораздо древнее и знатнее, чем королевская семья. Это они возвели на трон Ганноверскую династию, хотя ее представители были обычными немецкими принцами, пришли из ниоткуда и даже не говорили по-английски… Парламент сделал Георга I монархом под давлением олигархии вигов, в которой семья Дианы играла очень важную, основополагающую роль. Поэтому, говоря о браке Дианы с принцем Чарльзом, нельзя сказать, что она сделала прекрасную партию — в этом браке она стояла выше мужа, а не наоборот».

* * *

Дабы не утомлять читателя длинным перечнем знатных предков Дианы по отцовской и материнской линиям, остановимся лишь на некоторых фигурах. В основном исследователи биографии принцессы делают акцент на самих Спенсерах, то есть на отцовской линии. Много места в книгах эта небольшая часть

генеалогического древа не занимает. Даже сама Диана пишет: «Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Елизаветой еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве». И тут Диана, всегда поддерживавшая образ «обыкновенной», простой девушки, попавшей в сети монаршей семьи, немного грешит перед истиной. Представьте сами: всякая ли «обыкновенная» семья будет близка к королевской? И всякая ли бабушка будет иметь возможность запросто подружиться с наследницей престола? Золушка из сказки была бедна и далека от королевского дворца. Именно поэтому ей и пришлось воспользоваться помощью доброй волшебницы — личности поистине фантастической и нереальной, в противовес вполне земным образам отца, восьмого графа Спенсера, и бабушки, подружки королевы.

Крайне редко встречаются и упоминания о том, что предки Дианы восходят ни много ни мало к английским королям, и особенного акцента на этом не делают: зачем рушить имидж несчастной Золушки, которая случайно познакомилась с принцем, а потом горько пожалела о своем визите на «бал»? Когда во дворце князя Монако появилась простая американка Грейс (пусть и известная к тому моменту актриса), то сей факт действительно взорвал общественное мнение. Статус знаменитости лишь усугублял положение «простушки» — актерская профессия у знати никогда не считалась почетной. А вот на Диану никто при дворе не смотрел свысока (в отличие от Камиллы Паркер-Боулз, которая с самого начала вызывала лишь презрительные усмешки)…

Итак, проскочив несколько поколений, начнем с пары Элизабет Вернон и граф Саутгемптон. Именно их старшая дочь выйдет замуж за представителя Спенсеров, Уильяма, откуда и потянется ниточка, связывающая по мужской линии Диану с Вернон и Саутгемптоном. Пара жила во времена правления Елизаветы Тюдор и прославилась более всего тесным знакомством с Шекспиром — граф являлся покровителем знаменитого драматурга, который посвятил ему как минимум две поэмы. Саутгемптон также был одним из фаворитов королевы, а его жена до замужества служила у нее фрейлиной.

Предки графа, конечно, знатны в своем роде, но предки Элизабет Вернон по материнской линии представляют куда больший интерес. Так повелось, что в Англии да и во многих

других странах титулы передаются сыновьям. Если старший сын по каким-то причинам не наследует титул, он передается младшим. Но женщины из этого списка исключены. Более того, если женщина выходила замуж за человека, стоявшего ниже ее на социальной лестнице, она теряла свое положение в обществе. Очень быстро забывались и высокородное положение, и титулы предков. Сыновья в новой семье наследовали то немногое, что мог предоставить им отец. Неудивительно, что по старинной традиции мало кто вспоминает о предках Элизабет Вернон, а значит, и о предках Дианы Спенсер.

История матери Вернон уходит корнями в 1340 год, когда у английского короля Эдуарда III появился на свет сын Джон Гонт, первый герцог Ланкастерский, основатель дома Ланкастеров, представитель династии Плантагенетов. От первой жены у него родился будущий король Англии Генрих IV, свергший с престола Ричарда II. Однако к Диане ведет линия не от первой жены, а от третьей, которая вначале была любовницей Джона Гонта, а потом уже официально вышла за него замуж. Все дети от этого брака были признаны как Джоном, так и папой римским. Среди детей — Джоанна Бофорт (она является предком Элизабет Вернон, а соответственно и Дианы Спенсер) и Джон Бофорт. Внучка Джона Бофорта вышла замуж за Тюдора, и в этом браке родился будущий король Англии Генрих VII, а его дочь Джоанна стала женой шотландского короля Якова, откуда и появлялись все будущие короли Шотландии, а начиная с Якова VI (он же после смерти Елизаветы Тюдор король Англии и Шотландии Яков I) короли Англии и Шотландии, ведущие свою линию вплоть до наших дней.

Ричард II также признавал детей от третьего брака Джона Гонта законнорожденными, но свергнувший его с престола кузен Генрих специальным указом запретил потомкам отца от третьей жены наследовать корону. Решение его считалось не вполне законным, и впоследствии, как мы видим, именно по этой линии продолжилась передача власти. В любом случае Джон Гонт являлся сыном короля, а соответственно в крови его потомков течет королевская кровь.

Если в двух словах говорить о предках графа Саутгемптона, то отметим, что они всегда становились влиятельными фигурами при королях, которым служили. В частности, мужчины этого рода состояли в одном из сильнейших религиозных братств, неформально существовавшем еще с 1180 года, — братстве торговцев тканями и шерстью. Членами братства были некоторые английские монархи (включая ныне правящую Елизавету II), что однозначно указывает на его особый статус.

Со стороны отца, конечно, назвать семью «обыкновенной» тоже язык не поворачивается. Стоит лишь упомянуть внука седьмого герцога Мальборо (сын Роберта Спенсера) Уинстона Черчилля. Среди достойных упоминания предков и герцогиня Девонширская, урожденная Спенсер. Герцогиня прославилась не только своей необычайной красотой, но и сумасшедшими карточными долгами, которые она оставила после смерти. «Она так активно участвовала в деятельности партии вигов — и так хорошо играла в карты! — что стала самой знаменитой женщиной своего времени». Кроме того, в течение долгого времени Джорджиане пришлось мириться с унизительным положением, в котором она оказалась из-за измены мужа. Любовницей супруга была ее близкая подруга, но герцогиня решила терпеть создавшуюся ситуацию и жила с любовниками под одной крышей…

Почему же Диана, в жилах которой текла кровь великих предков, не вписалась в семью принца? Почему она постоянно жаловалась на сложности, непонимание и подчеркивала свое «золушкино» положение при дворе? Почему считала себя отверженной, не принятой монаршей родней? Как ни странно, быть может, дело именно в ее происхождении: принцесса мгновенно обнаружила «горошину», спрятанную под матрасами, и почувствовала себя неуютно. История первых двадцати лет жизни Дианы, с одной стороны, наиболее счастливых, с другой — наполненных разного рода грустными событиями, сформировала характер неоднозначный, сильный и слабый одновременно…

Глава вторая
РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Естественно, ждали мальчика! В этом бы вопросе и развернуться феминисткам — даже во второй половине XX века восьмой граф Спенсер мог передать титул только мальчишке. Считалось, что если нет сына, то и продолжателя рода тоже нет, имей граф хоть десяток дочерей. Вопрос был куда как актуальным: у Спенсеров родилось две девочки, а третий ребенок, мальчик, радовал родителей совсем недолго — он умер буквально в считаные часы после родов. Поэтому новорожденная просто обязана была родиться мальчуганом. Тем не менее судьба распорядилась по-своему и подарила миру девочку. Родители опешили и, пребывая в шоке, не сразу придумали ребенку имя.

«Если бы брат остался жив, я бы никогда не появилась на этом свете», — утверждала позже Диана, постоянно подчеркивая свою ненужность ни для родителей, ни для супруга. Как же в таком случае быть с братом, который появился на свет три года спустя? Получается, и он мог жаловаться на то, что теоретически, если бы не умер младенец мужского пола, не появился бы на свет… Впрочем, судьба девятого графа Спенсера интересует людей только в связи с его старшей сестрой.

Детство детей четы Спенсер проходило в Парк-хаусе — этот дом в начале XX века предоставил деду Дианы король Георг V. Парк-хаус стоял на территории частной резиденции Виндзоров в Норфолке — местности, заполненной поместьями высокородных особ. Королева Виктория купила дворец в 1862 году для сына и его молодой жены. Сандрингем представляет собой величественное здание с эркерными окнами. На территории замка расположены конюшни, вольеры для собак и голубятня. Именно в этом замке умер отец Елизаветы II, а потому она ежегодно в день смерти короля приезжает в Норфолк почтить его память.

Парк-хаус изначально строился как дом дня многочисленных гостей королевского семейства. Дед Дианы, барон Фермой, вместе с женой поселился там в 1931 году. Происхождение барона подпортила американская линия — его мать была американкой, наследницей крупного состояния. А жена барона вообще вышла из семьи производителя красок. Пару из-за низкого происхождения в Норфолке недолюбливали, но известно, что король и королева их у себя принимали, «не одобряя подобного снобизма и остракизма».

Возле дома располагались бассейн, теннисный корт и площадка для игры в крикет. По сравнению с дворцом Парк-хаус выглядел малюткой: всего десять комнат. Конечно, для прислуги стояли отдельные коттеджи: «хозяева усадьбы содержали шесть человек прислуги, включая дворецкого, повара и гувернантку». На первом этаже, по обыкновению, размещались кухня и классная комната. Кроме того, рядом находилась комната-музей: там все стены покрывали фотографии и афиши *The Beatles.* На втором этаже располагались спальни и детские.

Судя по воспоминаниям, Диане нравился небольшой дом. Впоследствии, в 1983 году, королева передала Парк-хаус дому инвалидов, но Диана продолжала туда наведываться. А вот фамильное поместье своих предков она недолюбливала, хотя Олторп вполне может конкурировать с королевскими замками. Дом славится великолепной коллекцией картин, антиквариата и библиотекой. Чего стоит одна только картинная галерея — она простирается на 35 метров в западном крыле здания. Ныне Олторпом владеет младший брат Дианы, Чарльз. На территории поместья находится также и ее могила.

Но в те времена, когда Диана была еще маленькой, полновластным хозяином в доме являлся ее дед — седьмой граф Спенсер, отличавшийся поистине сварливым нравом. Да и старинное здание с многочисленными коридорами, галереями, сплошь увешанными величественными портретами, не настраивало на романтический лад. Это теперь Чарльз на главной странице сайта, который представляет Олторп вниманию потенциальных посетителей, пишет: «Иногда я забываю, насколько величественным и значимым с точки зрения истории является Олторп; потому что для меня это просто родной дом». А когда-то он выражался несколько иначе: «Это было кошмарное место для впечатлительного ребенка. Поездки туда были для нас сущим наказанием».

* * *

Как бы то ни было, а первые несколько лет Диана постоянно жила в уютном Парк-хаусе в нескольких шагах от королевской резиденции. Фактически с принцем они были добрыми соседями. До поры до времени мирное существование ребенка ничем не омрачалось. Диана, как большинство детей из аристократических семей, имела гувернантку, но и родители ее вниманием не обделяли. Впрочем, ребенок из обычной семьи, скорее всего, не воспринял бы аристократические традиции с радостью. Дети

большую часть времени проводили без родителей, даже ели они до семи лет отдельно. Но хуже стало, когда мать и отец начали ссориться.

Причин этих ссор и охлаждения между супругами называют несколько. Во-первых, жена после рождения сына посчитала свой долг исполненным и захотела свободы. Она зачастила в Лондон, предпочитая столицу тихому, консервативному Норфолку. В Лондоне она познакомилась с Питером Шанд-Кидом. К моменту знакомства Питеру исполнился 41 год, он был женат и имел троих детей. К плюсам можно отнести лишь его прекрасное финансовое положение: из Австралии, куда семья уехала в 1961 году, он вернулся богатым и успешным бизнесменом. Фундамент его благополучия заложил еще отец — сыну оставалось не растерять унаследованные богатства.

Второй причиной охлаждения называют разницу в возрасте между отцом и матерью Дианы: Френсис была на 12 лет младше мужа. Однако эта теория сразу кажется странной и неправдоподобной, так как любовник Френсис родился всего-навсего на год раньше мужа, а соответственно, разница в возрасте здесь не имела никакого существенного значения.

Третья причина видится наиболее важной: Френсис и Джон Спенсер обладали разными характерами, и с годами, видимо, разница ощущалась все сильнее. К тому же пылкая Френсис влюбилась и отчаянно желала уехать от мужа. Мать Дианы представляет собой интересный тип женщины. Сама Диана никогда не считала себя на нее похожей, упоминая среди «наследства» длинные ноги да красивое лицо. Уверенность в себе, считала Диана, унаследовала старшая сестра Сара — до поры до времени вечная соперница младшей сестры. Если посмотреть на фотографии Френсис, то и правда заметно очевидное сходство между матерью и дочерью. Но и разница тоже бросается в глаза: Диана улыбается открыто и искренне, а губы ее матери сжаты в узкую полоску — она улыбается, словно бы делая одолжение, свысока поглядывая на мир…

Не поспоришь с одним: Френсис постоянно, с юношеских лет и до старости, демонстрировала сильный характер и умение идти к своей цели по головам тех, кто попадался ей на пути. Родилась Френсис в том же доме, где позднее появились на свет и ее дети, — в Парк-хаусе, ведь именно ее отцу король предоставил во временное пользование это здание. Кстати, Морис Фермой, отец Френсис, заседал в парламенте и, говорят, очень нравился избирателям. Умение общаться с людьми передалось Диане, конечно же, от него: «Он умел с каждым найти общий язык… Посещая местные больницы, он присаживался на постели

пациентов и сразу же вникал в их трудности».

Френсис родилась в тот же день, когда умер король Георг V. Несмотря на это, из дворца в Сандрингеме от королевы в Парк-хаус пришло поздравление. С детства матери Дианы прививались аристократические манеры и задавались весьма четкие цели. Рут Фермой быстро оставила в прошлом воспоминания о собственном простом происхождении. Она дружила с королевой и являлась ее фрейлиной, обладала жестким, сильным характером, воспитывая дочерей в строгих, консервативных традициях. Обе девушки удачно вышли замуж, несказанно порадовав Рут. Уже в 14 лет, появившись на ярмарке невест, Френсис впервые во всю мощь проявила свой характер: ей понравился Джонни Олторп, будущий отец Дианы, и несмотря на его помолвку, Френсис в 17 лет удалось с ним обручиться…

Джона Олторпа продолжали называть Джонни, даже когда он из безусого мальчишки превратился в солидного мужчину. Родился он в семье, в которой кровь не была подпорчена, как у Фермоев, связями с «простолюдинами». Уже упоминавшийся свирепый хранитель замка Олторп седьмой граф Спенсер отличался суровым нравом, неприятием всего нового, буржуазного и неаристократического. Его боялись не только внуки — в свое время Джонни тоже натерпелся страху. «Поездка домой (из школы) вызывала у него ужас. Он прятался в тени вагона, надеясь, что отец забудет его забрать. В Олторпе царила гнетущая атмосфера». Мать для Джонни, и не только для него, являлась светом в окошке: Синтия активно занималась благотворительностью, ее очень любили люди. С этой стороны Диане тоже было от кого унаследовать способность помогать страждущим. Если дед по отцовской линии вел свой род как раз от Спенсеров и Елизаветы Вернон, то бабушка Синтия родилась в семье герцога Аберкорна. Родовое имение Аберкорнов расположено в Северной Ирландии, где прадед Дианы служил губернатором.

Образование Джонни Олторп получил характерное для аристократа того времени: окончил Итон, служил в Королевском полку, учился в Королевском сельскохозяйственном колледже. По отзывам его знакомых, парнем он был неплохим, милым и дружелюбным, однако умом не блистал. Зато благодаря службе при королевском дворе свадьбу с Френсис будущий восьмой граф Спенсер сыграл в Вестминстере при скоплении огромного количества людей и в присутствии королевы. Вначале молодые люди были страстно влюблены друг в друга, что и привело к разрыву прежней помолвки Джонни. Его бывшая невеста имела знатное происхождение в отличие от Френсис: ее отцом являлся

граф Лестер; семья владела и по сей день владеет солидным замком в Норфолке, который выглядит мрачновато, но величественно. Титул графа Лестера переходил из семьи в семью три раза. Во второй раз его носил знаменитый фаворит Елизаветы I Тюдор — Роберт Дадли… Бывшая невеста Джонни была среди шести тщательно отобранных девушек, которые сопровождали королеву Елизавету во время ее коронации. Позже она, конечно, вышла замуж.

Джонни предпочел яркую и веселую Френсис. Кроме бойкого характера и красивого личика жена обладала немалым состоянием. Необходимо отметить, что аристократическое происхождение вовсе не гарантировало приличного дохода. Напротив, содержание старинных домов, участие в подобающих статусу мероприятиях (балы, охота, скачки и т. п.), учеба в самых престижных заведениях обходились семьям чрезвычайно дорого. А работой, приносящей соответствующие деньги, графы и герцоги обычно себя не обременяли. Поэтому именно семья Френсис оплатила немалые свадебные расходы, а после смерти отца молодая пара переехала в Парк-хаус.

Кроме того, Френсис подарила мужу ферму в 600 акров, где он и воплощал в жизнь свои сельскохозяйственные навыки. Жена же в это время пыталась подарить ему наследника. В 1955 году родилась Сара, старшая сестра Дианы, за которой сначала будет ухаживать принц Чарльз. Джейн родилась в 1957 году. Передышки молодой супруге не давали: между 1957 и 1961 годами (когда родилась Диана) у Френсис было две беременности, закончившиеся неудачно: в результате первой случился выкидыш, а родившийся в 1960 году сын умер, не прожив и дня. Последним ребенком в семье стал долгожданный наследник — он родился в 1964 году.

Безусловно, следовавшие одна за другой беременности вымотали Френсис как физически, так и морально. От нее постоянно требовали мальчика, а после смерти малыша даже отправляли на специальное обследование, будто врачи реально могли выявить что-то неладное в здоровье матери. В то же время Джонни оставался самим собой: его тяготила ответственность за растущее семейство, а былые беззаботные деньки канули в Лету. Пропасть между супругами росла, и ни один из них не пытался ее уменьшить.

Диана будет постоянно вспоминать ту пору: ссоры между родителями, которые она слышала через закрытые двери, последовавший затем развод. События развивались стремительно. А учитывая все еще царивший в аристократическом обществе патриархальный уклад и воспитание, полученное Френсис, они

развивались просто с угрожающей скоростью. В 1964 году родился наследник, а уже в 1966 году мать Дианы познакомилась со своим будущим вторым мужем. Ее вновь не смущает несвободное положение избранника. Летом 1967 года Френсис и Джонни принимают решение пожить врозь, и она уезжает в Лондон. В 1968 году любовник Френсис Питер Шанд-Кид разводится. Ее собственный бракоразводный процесс начинается спустя пару месяцев; в следующем году она получает свободу, теряет детей, опеку над которыми получает Джонни, и снова выходит замуж.

За 15 лет Френсис успела дважды побывать в браке, уведя женихов от других женщин, шесть раз забеременеть и родить четверых детей. Дальше ее жизнь замедлит свой бег. Счастья брак с Питером не принесет: в итоге супруг уйдет от Френсис и век свой доживать будет под боком у первой жены…

Во время бракоразводного процесса произошел еще один инцидент: мать Френсис встала на сторону брошенного мужа. Детей недаром оставили с отцом: во-первых, были свежи воспоминания о недавнем участии Френсис в суде при разводе четы Шанд-Кид; во-вторых, даже мать не бросилась ее защищать; в-третьих, общество тогда порицало разводы — сексуальная революция пока коснулась только наркоманов и хиппи, английское же великосветское общество тогда устояло. Сейчас мы можем лишь усмехнуться, узнав о порицании, которое высказали Френсис. Ее собственная дочь разведется с принцем, а сын трижды будет женат (Чарльз жив и здоров, что не мешает ему увеличить эту цифру).

Рут Фермой, заняв сторону зятя, настроила всю семью против дочери. Морис, давно покоившийся в могиле, не смог встать ни на свою защиту, ни на защиту дочери: Рут во всем винила его американских предков, оставивших дурное наследие Френсис. Во время похорон Рут семейство Фермой сядет отдельно от Френсис, и никто не скажет ей ни слова. Она не будет достойна их соболезнований. Крайности? Однозначно. Люди, окружавшие Диану, были непоследовательны и просто не обладали способностью хоть чуть-чуть сопереживать ближнему.

Младшие дети, Диана и Чарльз, шести и трех лет соответственно, отъезд матери из Парк-хауса восприняли болезненно. Им позволялось навещать ее по выходным, но еженедельное вынужденное расставание давалось им с трудом. Почему же Диана позже разведется, имея за плечами подобный личный опыт? С одной стороны, дети, пережившие развод родителей, часто страстно желают не повторить их ошибок и сохранить семью любой ценой. Однако, когда цена становится

слишком высокой, они разрубают гордиев узел, прекрасно помня, что на разводе жизнь не заканчивается и счастье можно постараться найти вторично. Тут и кроется великий конфликт: Диана пыталась строить прочное здание, одновременно расшатывая его…

* * *

Ужасным последствием развода стала для Сары и Дианы булимия. Интересно, что данное заболевание в основном характерно для представительниц обеспеченных семей. Булимия отличается двумя основными признаками: приступообразное, неконтролируемое поглощение еды и очищение желудка после приступа при помощи слабительных. Болезнь часто начинает развиваться с тринадцатилетнего возраста. Девочки, страдающие булимией, одиноки и склонны к депрессиям. К сожалению, еда не приносит им желаемого облегчения — объевшись, они испытывают чувство вины, а не удовольствие. Так как эти люди держат свою манию в секрете, а внешне, в отличие от больных анорексией, они ничем не отличаются от остальных, то часто окружающие не сразу узнают о мучающей их страсти к еде.

С другой стороны, по словам самой Дианы, в школе не одна она страдала от неуемной страсти к еде: «Я ела и ела. Попросить меня съесть три куска копченой рыбы и шесть буханок хлеба — было одним из самых смешных развлечений в нашей школе». И еще: «Я ощущала себя какой-то изолированной, обособленной». И в этих двух высказываниях нет противоречия: страдающих булимией действительно отличают замкнутость, скрытность, вялость и пониженная энергетика. Диана, уже выйдя замуж за Чарльза и став публичным человеком, очень страдала от повышенного внимания к своей персоне. Учитывая ее диагноз, можно понять, насколько сложно ей было постоянно перебарывать в себе необщительность и депрессии. В школьные годы Диане также приходилось несладко, хотя она, как и впоследствии, все равно упорно боролась за место под солнцем и самоутверждалась в глазах окружающих…

* * *

Мать уехала неожиданно. Диана вспоминала позже, как на ее глазах мама села в машину, куда положили чемоданы, и больше не вернулась. Дети не понимали, что произошло, и никто не

потрудился им разъяснить ситуацию. По словам Френсис, муж не впустил ее в дом, когда она приехала навестить малюток. Для них долгое время мать оставалась предательницей, бросившей их на произвол судьбы. Старшие же дочери уже проводили большую часть времени вне дома — в Англии издавна детей с младых ногтей отправляли в школы, где они не только учились, но и жили, лишь на выходные и каникулы возвращаясь домой.

«Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувствовали себя почти самостоятельными, — вспоминала Диана. — Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет».

Френсис брала детей на выходные, а в воскресенье в слезах возвращала дочь и сына обратно в Парк-хаус. Диану в данной ситуации изводило многое. Она постоянно считала себя обязанной делать выбор между отцом и матерью. Известна история про то, как и мать и отец купили ей платья на выход, но девочка решила вовсе никуда не идти, не в силах отдать предпочтение одному из нарядов. Согласно воспоминаниям навещавших в ту пору Парк-хаус гостей, Диана выглядела вполне довольным жизнью ребенком. Внутреннее смятение копилось и практически никак не выплескивалось наружу, если не считать, конечно, отклонений в еде и слез по ночам.

После отъезда матери за детьми присматривали няни. Они сменялись с удручающей частотой и вели себя по-разному, порой обращаясь с ребятами жестоко: одна подсыпала им в еду слабительное, другая била Диану по голове ложкой, третья запирала детей в комнате. Те тоже не вели себя как ангелы, постоянно бунтуя против женщин, пытавшихся, по их мнению, заменить им мать.

До девяти лет Диана училась в местной школе и имела возможность жить дома. Особых талантов в ней не отмечали. Она неплохо рисовала и любила заниматься спортом, но в изучении других предметов не преуспевала. Кроме того, брат утверждал, что Диана частенько говорила «не то чтобы неправду, но явно ощущала потребность приукрасить действительность». Между братом и сестрой отношения постепенно накалялись — они соперничали друг с другом, и Диана, будучи старше Чарльза на три года, в мелких потасовках одерживала верх, а он всегда с удовольствием слушал высказываемые Диане замечания и радовался, когда ее уличали во лжи…

Родители заваливали детей подарками, не пытаясь иначе

решить возникшие в семье проблемы. В 1969 году ситуация немного улучшилась: в жизнь Дианы и Чарльза вошел отчим, Питер Шанд-Кид. Он быстро поладил с детьми, и визиты в новый дом матери стали приносить радость и удовольствие. Однако в то же самое время отец отправил Диану в другую школу, находившуюся вдали от дома. Девятилетняя девочка испытала очередной стресс, не понимая, зачем ее жизнь снова пытаются разрушить. Позже школа придется ей по душе, но вначале Диана восприняла перемену как наказание. В день отъезда «девочка испуганно прижимала к груди плюшевого зеленого бегемота (воспитанницам разрешалось брать с собой в постель только одну мягкую игрушку), а в другой руке держала клетку с морской свинкой». Отец тот день называет кошмарным — собственный ребенок казался ему осиротевшим и глубоко несчастным.

Школа, в которую отправили Диану, была расположена в том же графстве Норфолк, где проживала семья Спенсер. Она предназначалась для обучения детей от двух до тринадцати лет. Начиная с семи лет, дети могли жить в школе на полном пансионе. Внешне здание школы выглядело весьма солидно — это был старинный двухэтажный особняк с примыкающей территорией в 30 акров. Родителям обещали высокий уровень образования их отпрысков, а также широчайший спектр дополнительных культурных и спортивных мероприятий. Стоимость обучения при полном пансионе составляла около шести тысяч фунтов за семестр. Основной курс дисциплин, который проходили дети, включал в себя математику, английский и иностранные языки, историю, географию, физкультуру, религиоведение, уроки музыки и компьютерную грамотность. Дополнительно можно было учиться танцам и верховой езде. Кормили детей просто и без особых изысков, что, впрочем, для англичан является нормой: рыба с жареной картошкой, курица с рисом, пицца, сосиски с фасолью, омлет с грибами, лазанья…

Диана в новой школе быстро освоилась. Она увлекалась балетом, и это увлечение останется на долгие годы. «Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в „Лебедином озере“. Обожаю Чайковского, особенно этот балет!.. Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая. Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность…» В приведенных словах вся Диана: принижать свои данные и сваливать на них вину за неудавшееся будущее или обвинять в неудачах расставшихся родителей было ее любимым занятием.

На уроках Диана вела себя тихо и скромно. Она не любила

отвечать у доски, даже по тем предметам, которые ей давались хорошо. Например, девочка с удовольствием писала длинные сочинения по литературе, но устно не могла вымолвить ни слова. Про свою память позже Диана говорила так: «Когда мы отправлялись в новую страну, я, которая ничего не знала из географии или истории (в этом не вина преподавателей, они старались вложить нужные знания), спокойно прочитывала большой текст и легко его запоминала. Но стоило закончиться визиту, как этот же текст легко исчезал из моей памяти, словно влажной губкой стирали написанное на доске. Так уж устроена моя память, она цепкая и крепкая, но недолгая и не желает подчиняться правилам».

Память так же работала и в школе: Диана готовилась к экзаменам, но проваливала один за другим, и думается, проблема здесь не только в волнении (Диана утверждала, что ей было наплевать на результат), а в краткосрочном характере запоминания информации. Сестры учились куда лучше: Сара прекрасно сдавала по шесть экзаменов, а Джейн одиннадцать. При этом Диана не сдавала ни одного, даже на пересдаче. Однако она не считала, что хорошая учеба как-то помогла сестрам в жизни: «И это им пригодилось? Ничуть».

Если в классной комнате Диана слыла ничем не примечательной тихоней, то за пределами класса она отличалась веселым характером, считалась хорошей подругой и заводилой во многих мероприятиях, а частенько любила и пошалить.

Однозначного мнения по поводу состояния психики Дианы в то время нет. Некоторые считают ее постоянное упоминание развода родителей и своего ужасного в связи с этим положения преувеличением, той самой неправдой, которую брат называл «приукрашиванием действительности». Точнее, это не приукрашивание, а, напротив, придание картинам детства мрачных тонов. Многие люди, видевшие Диану в детстве, описывают ее жизнь как вполне счастливую и беззаботную. Слезы по ночам и внутреннюю неустроенность вспоминает сама Диана, и иных тому доказательств не существует. Причиной большей части проблем, вставших перед ней в браке с Чарльзом, принцесса считала именно развод родителей. С одной стороны, Диана осуждала бабушку, принявшую всецело сторону отца и отрекшуюся от изменницы-дочери. С другой — сама никак не готова была простить мать: «Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника… Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты».

Воспоминания родственников и друзей семьи Спенсер порой

тоже разнятся: то они видят перед собой тихую, печальную девочку, то веселую и озорную. Обстановку в доме описывают похожим образом: то она гнетущая, ужасная и несчастливая, то замечательная и уютная. Видимо, истина таится где-то посредине. Естественно, развод не мог не отразиться на жизни детей, на настроении отца, на общей атмосфере в семье. Диана, как и любой другой ребенок на ее месте, очень хотела, чтобы родители не расставались. В то же время ей не были чужды обычные детские забавы и развлечения. Она забывала о своих переживаниях, увлекаясь игрой или занятиями спортом. Другое дело, что с годами горькие воспоминания вытеснили счастливые мгновения. Кто знает, как бы сложилась семейная жизнь Дианы, если бы вытеснение произошло с точностью до наоборот…

* * *

Когда девочке исполнилось 12 лет, настала пора опять перевести ее в новую школу. В Уэст-Хит уже учились старшие сестры, и отец не стал искать лучшей альтернативы хорошему. Школа Уэст-Хит открылась в 1865 году и переехала в величественный особняк Эшгроув-хаус, возведенный в XVII веке, в 1932 году. Учебное заведение имеет солидную историю, прекрасно зарекомендовав себя среди представителей высших слоев населения. Однако интересно немного забежать вперед и рассказать в двух словах о том, чем стал Уэст-Хит после гибели Дианы и Доди Аль-Файеда. «Так совпало, что школа начала процедуру банкротства 1 сентября 1997 года, буквально на следующий же день после того, как, к большому сожалению, она (леди Диана Спенсер) и ее друг Доди Аль-Файед были убиты». Откуда подобная категоричность? Почему школьное руководство, несмотря на результаты расследования гибели Дианы, проведенного королевской семьей, пишет на сайте Уэст-Хита, что она была убита?

Ответ прост: отец Доди Аль-Файеда выкупил школу, и сейчас она принадлежит его благотворительному фонду. Известно, что Аль-Файед-старший не смог смириться со смертью сыны и Дианы и не признал результатов официального расследования. Теперь Уэст-Хит специализируется на обучении детей, имеющих определенные проблемы. Некоторые из них вынужденно прервали свое обучение и должны наверстать упущенное, кто-то страдает от определенного рода заболеваний. Перечень проблем, которые берется решать школа, широк: булимия, анорексия, аутизм, синдром дефицита внимания при гиперактивности, депрессии.

Многие перенесли серьезную психологическую травму, были исключены из других школ, пытались покончить с собой. Так, благодаря знаменитой ученице школа получила вторую жизнь, а дети — шанс вновь обрести себя…

* * *

Вернувшись опять в прошлое, мы видим, как Диана взрослеет и пытается найти свое место под солнцем. Вспоминая Уэст-Хит, она говорила, что провела там самые счастливые дни своей жизни. Школа и до того, как ее приобрел благотворительный фонд Аль-Файеда, ставила своей целью воспитать в ученицах «гражданский дух» через помощь больным и престарелым. Диана взяла шефство над старушкой, жившей неподалеку от школы. Она покупала ей продукты, помогала по дому и просто беседовала с одинокой женщиной за чашкой чаю.

Кроме того, ученицы навещали умственно и физически отсталых детей в одной из больниц графства. «Им приходилось сталкиваться с такими тяжелыми больными, что вызвать улыбку на лице пациента почиталось редкой удачей… Многие новички испытывали страх перед больными, не знали, как подступиться к несчастным. Диана же, напротив, безо всякого усилия взялась за эту работу. Благодаря природному чутью ей удалось наладить контакт со многими из своих бессловесных подопечных, и достигнутый успех давал ей ощущение, что она действительно чего-то стоит».

В учебе Диана продолжала оставаться серой мышкой, но увлечения спортом и танцами в полной мере компенсировали ей скуку классной комнаты. Диана получала награды на соревнованиях по прыжкам в воду, не переставала заниматься балетом и училась играть на рояле. В Уэст-Хите подобные занятия только приветствовались: школа не успела впитать в себя веяния нового времени — революции лишь начинались, кружа голову молодежи, но не проникая в общество настолько глубоко, чтобы менять систему образования. А направлено образование для девушек было в основном на подготовку к браку, акцент делался на «душевном комфорте и хорошем поведении, а не на академических успехах».

Здесь надо отметить, что хорошее поведение отличало в полной степени Джейн Спенсер, в то время как Сара и Диана любили похулиганить. Особенно сумела выделиться своими «фокусами» Сара: она прекрасно училась, но и хулиганила отменно. Старшая сестра, которой Диана долгое время

восхищалась и подражала, любила выпить, за что ее даже выгоняли из школы. «Я пила, потому что мне было скучно, — говорила она. — Я пила все подряд…» Диана не пошла в полной степени по стопам Сары, но выговоры за дерзкие выходки получала. На них ее частенько провоцировали подруги: Диана любила биться об заклад, например, спорить на количество еды, которую она слопает, или на то, что она сможет покинуть ночью спальню и прокрасться к воротам школы в кромешной тьме.

После первых же замечаний, о которых стало известно родителям, мать Дианы призналась, что подобного поведения от дочери не ожидала. Но, видимо, лишь потому, что не жила вместе с дочкой: та отчебучивала в Парк-хаусе и не такое в попытках выставить за дверь очередную няню или просто поразвлечься, затащив пони на кухню. Однако саморазрушение не входило в планы Дианы в той степени, в какой оно повлияло на жизнь Сары. Девочка в целом учителей не раздражала, и сверстницы ее любили. У Дианы хватало изобретательности не только на проказы, но и на добрые дела, в частности, как мы видели выше, на общение с больными детьми. «Она даже ухитрялась танцевать с больными на инвалидных колясках — катила кресло, стоя перед ним, лицом к лицу с инвалидом, а не сзади, как это делали другие».

С самого детства Диана представляла собой клубок противоречий: скованность и общительность, депрессивные состояния в противовес умению радоваться жизни, скромные успехи в учебе, но достижения в спорте и танцах, страдания из-за развода родителей, но вера в сказочную любовь, описываемую в романтических историях Барбары Картленд. Имя автора женских романов еще всплывет в этой книге. А пока лишь отметим: Диана жила во многом в мире иллюзий. Школа Уэст-Хит регулярно вывозила воспитанниц в лондонские театры, и Диане посчастливилось несколько раз посмотреть свой любимый балет «Лебединое озеро». Что касается Барбары Картленд, то стоит только посмотреть на ее фото в весьма немолодом возрасте, чтобы понять — эта женщина сама является воплощением образа принцессы из сказки. Писательница прожила ни много ни мало 99 лет, издала более шестисот любовных романов тиражом более миллиарда экземпляров! Сайт Картленд похож на домик Барби — розовый мир выдуманных героев, живущих жизнью, которая не имеет ничего общего с жизнью реальных людей. Красивые платья, перья, меха, высокие прически — на фотографиях шикарная женщина, ставшая для многих кумиром и заветной мечтой…

Диана называла Барбару Картленд своей «обожаемой писательницей». С настоящим миром сталкиваться не хотелось

самым категорическим образом. Даже помощь инвалидам носила характер театрального представления. Впрочем, реальность настырно и с завидным постоянством вмешивалась в жизнь Дианы, внося в нее диссонанс и, как говорят китайцы, «делая волны».

Глава третья
ЛЕДИ ДИАНА

Очередным поворотом в жизни Дианы стала смерть деда, седьмого графа Спенсера. Умер он в 1975 году, когда внучке исполнилось 14 лет. Как и в стародавние времена, для семьи подобное происшествие означало целый калейдоскоп событий. Во-первых, отец Дианы теперь именовался восьмым графом Спенсером. Из милого Джонни он превратился в человека, унаследовавшего титул, а стало быть, начал играть более значимую роль в высшем английском обществе. Его дочери, соответственно, превратились в леди, а сын стал виконтом и единственным претендентом на титул девятого графа Спенсера.

Если читатель подумает, что для Дианы подобные перипетии ничего не значили, то ошибется. Она напишет впоследствии: «Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы, соответственно, леди Сара, леди Джейн и леди Диана. Я — леди Диана Спенсер!» Восклицательный знак в конце поставлен неспроста: Диана вовсе не была чужда тщеславию и вполне отдавала себе отчет в том, насколько высоко на иерархической лестнице стояло ее семейство.

Вторым изменением в жизни семьи стал переезд в Олторп. Отец унаследовал дом вместе с пятью тысячами гектаров земли и многочисленными хозяйственными постройками. Ранее дети не очень жаловали семейное гнездо, но тут неудобный и помпезный замок превратился в родовое поместье, которое они обязаны были почитать, уважать и любить. Сравнения с Парк-хаусом замок не выдерживал не по причине внешнего убранства, а потому, что он был холодным, «стариковским обиталищем, соответствующим эдвардианским вкусам нашего деда» — так вспоминал Олторп младший брат Дианы. Далее он писал: «Повсюду царил запах трамперовского масла для волос и раздавалось тиканье дедовских часов. Часы тикали негромко, словно звук впитывался в дубовый паркет и гобелены на стенах». Чарльз — мастер по части художественного слова, недаром он стал писать исторические романы и сумел прославиться на этой стезе. Но большая доля истины в его словах есть.

Третьим моментом, связанным со смертью деда и передачей титула, являлось изменение положения не только новоявленного графа Спенсера, но и его детей в обществе. Конечно, Джонни, как единственный наследник по мужской линии, и ранее выглядел

достойно в глазах местной аристократии. За два года до смерти деда, на балу, посвященном совершеннолетию Сары, уже было понятно, что на «сцене» появилась значимая фигура. «Бал состоялся в старинном замке Касл-Райзинг в Норфолке, и гости подъезжали в старинных каретах к парадному входу, залитому светом пылающих факелов… Никто не сомневался, что Сара сделает самую блестящую партию».

Безусловно, старшую сестру старались пристроить первой. Сначала ей прочили в мужья Джеральда Гросвенора герцога Вестминстерского. Их отношения были бурными, но закончились к 1977 году — как раз к тому моменту, когда Сара познакомилась с принцем Чарльзом, который, по словам некоторых общих знакомых, никогда и не испытывал к старшей сестре Дианы особенных чувств, пытаясь лишь утешить ее после разрыва отношений с Джеральдом: ведь Сара после этого впала в депрессию и перестала есть, ее вес резко снизился.

Джеральд был завидным женихом. А уж если принять во внимание его последующий финансовый взлет, то даже весьма завидным. «Много лет Джеральд Гросвенор возглавлял список самых богатых людей Великобритании. Потомственный аристократ, к которому принято обращаться не иначе как „ваша светлость“, владеет огромными земельными угодьями в Соединенном Королевстве. Правда, в 2004 году он пропустил вперед российского олигарха Романа Абрамовича, а затем и индийского бизнесмена Лакшми Миттала. И тем не менее Гросвенор, шестой герцог Вестминстерский, виконт Белгравии и прочая, и прочая, остается одним из главных богачей Британии: его личное состояние оценивается в семь миллиардов фунтов стерлингов». Женился Джеральд в 1978 году, практически сразу после разрыва с Сарой, на весьма примечательной особе. Наталья Филлипс — прямой потомок Александра Сергеевича Пушкина и российского императора Николая I, а также английского короля Георга II.

Судьба постоянно словно бы насмехалась над старшей сестрой Дианы. Прекрасная ученица, она тем не менее была исключена из Уэст-Хита за пьянки. Красавица, блестящая дебютантка оказалась брошенной девушкой Гросвенора, а позже ее оставил и принц Чарльз. Жена Джеральда, ко всему прочему, станет хорошей подругой Диане, будет крестной ее сына Уильяма. После смерти Дианы принц Чарльз пригласит Джеральда наставником к Уильяму. «Они говорили обо всем, что могло быть полезно для мировоззрения наследника престола, — от истории до проблем сельской Англии. И даже о самом сокровенном — погибшей матери Уильяма и его брата…»

Четвертой переменой, напрямую не связанной со смертью деда и переездом в Олторп, стало появление в жизни семейства Спенсер подруги Джонни, будущей мачехи его детей. Она только начинала с ними знакомиться и выстраивать отношения. Отдельный рассказ о Рейн Легги, графине Дартмутской, пойдет в следующей главе.

Пока же отметим: ситуация накалялась, дом деда никак не мог заменить Диане Парк-хаус. Однако и здесь в историю вкрадывается противоречие: по воспоминаниям друзей и слуг, первое время Диана с братом чувствовали себя вполне счастливыми. Слуги говорят о Диане, как о простой, домашней, веселой девочке, любившей проводить время на кухне (что повелось еще с Парк-хауса). Она была не прочь сама приготовить пудинг и угостить им потом всех своих близких, включая прислугу.

Когда Диану будут впоследствии называть Золушкой, то, конечно, не забудут упомянуть ее умение вести домашнее хозяйство. Диана не только иногда готовила, но и стирала, гладила одежду свою и брата. Интересно, что «увлечение» глажкой сохранится у нее до самых последних дней жизни. В Лондоне незадолго до свадьбы с Чарльзом она будет гладить рубашки своим друзьям мужского пола и даже после свадьбы не изменит этой привычке. Однажды она постирала и погладила для Рори Скотта целую стопку рубашек и принесла их «прямо к Сент-Джеймсскому дворцу, где Рори нес караул: тогда ей уже приходилось соблюдать конспирацию, чтобы избежать назойливых репортеров». А в год своей гибели Диана гладила одежду подруг во время совместной поездки в Пакистан…

Психологи часто говорят, что физические упражнения помогают человеку отвлечься, а организму вырабатывать эндорфины — гормоны радости и счастья. Диана никогда не отличалась усидчивостью и склонностью проводить время за учебниками. А вот спорт, танцы и, как видим, активная работа по дому пришлись ей по душе. Скорее всего, на подсознательном уровне она чувствовала положительный эффект от подобных занятий, к которым всегда прибавлялась забота о больных и обездоленных. Собственные обиды, страхи и депрессии уходили на задний план, когда Диана видела страдания других людей.

В Олторпе она имела куда больше пространства для своих увлечений, чем в Парк-хаусе: сам дом был куда больше, а уж пространство вокруг него и вовсе не шло ни в какое сравнение. Диана танцевала в огромных залах замка, каталась на перилах лестниц, играла в крикет, ездила на лошадях, устраивала пикники. Мачеха вносила коррективы в жизнь обитателей

Олторпа, за что ее и невзлюбили дети. Диана не даст и этому чувству ненависти угаснуть с годами. В ее сердце, открытом, готовом помочь чужим мучающимся людям, не было места для понимания близких.

Среди тех, с кем сошлась Диана в Олторпе, были камердинер и его жена. С ними она любила провести время, приезжая в замок из школы на выходные или каникулы. Жена камердинера считала Диану совершенно лишенной высокомерия, застенчивой, «чудесной девушкой» и добавляла: «Ее любили все». Думается, Диана могла наладить отношения и внутри семьи, но она была упряма и не умела прощать. Даже королева-мать позже отмечала это качество: «Знаете, с женщинами из рода Спенсеров так нелегко!» А родственница Дианы продолжила мысль королевы: «Они никогда и ничего не прощали. Это была их фамильная особенность. Мне кажется, Диана не умела дружить и поддерживать личные отношения именно в силу этой особенности».

С учебой в ту пору дела как шли плохо, так и продолжали идти: Диана заваливала экзамен за экзаменом. Ее собственные воспоминания, по обыкновению, немного разнятся от воспоминаний других людей. Например, директриса школы Уэст-Хит не припоминает, чтобы Диана к ней приходила заплаканной и расстроенной по поводу отставания в учебе. «Не помню, чтобы мне приходилось ее успокаивать и приносить ей таблетки перед экзаменами, хотя с другими девочками такое случалось. Я не замечала, чтобы ее охватывала паника на экзаменах». Сама Диана все валит в одну кучу — и зависть к брату-отличнику, и собственную тупость, и даже полноту.

Друзья вторят директрисе: они не думали, что Диана глупа. Причинами неудач они считали что угодно, но не отсутствие ума: банальную лень, неумение концентрироваться на нелюбимых занятиях, нежелание даже приниматься за дело (в то время как, например, танцами она могла заниматься часами, и несмотря на не самые выдающиеся данные, в этом Диана достигла весьма впечатляющих успехов). Есть и те, кто вспоминает о полученной в результате развода родителей психологической травме: «Ей хватало сообразительности, но не хватало уверенности. В состоянии эмоциональной травмы трудно сосредоточиться на обучении, поэтому она и не достигла больших успехов в школе. Ее сознание просто блокировало способность концентрироваться, впитывать и обрабатывать информацию».

К области психологии относится еще одно объяснение: Диана была «ребенком замещения», то есть ребенком, родившимся после смерти предыдущего младенца. В 1964 году появилась одна из

первых работ, посвященных глубокому анализу поведения детей, зачатых в процессе скорби по недавно умершему. Интересно, что выводы, к которым пришли авторы исследования и которые доказывают психологи, продолжающие изучать данный феномен, полностью применимы к характеру Дианы. Дети, «заменяющие» родителям умершего ребенка, обычно безынициативны, несостоятельны, их преследуют страхи, различного рода нервные расстройства. Умерший ребенок навсегда становится для них незримым соперником (вспомним слова Дианы о том, что она бы вовсе не родилась, если бы не смерть младенца, и о том, что она была для родителей разочарованием, так как появилась на свет девочкой). Страшнее то, что замещающие дети склонны к суицидам и в принципе считают смерть возможностью стать ближе родителям — ведь последние оплакивают умершего ребенка и постоянно идеализируют его. Состояние таких детей называют «не быть собой». Свои ошибки они считают чужими: в неудачах нет их вины, а есть вина родителей или кого-то еще. Такие дети постоянно требуют от окружающих, особенно от родителей, заверений в любви к ним. Как и в случае с Дианой, очень часто рождение девочки печалит обоих родителей, так как отец ждет мальчика, а мать чувствует вину за подобный «прокол» и в то же время понимает, что ей предстоят как минимум еще одни роды.

С одной стороны, размышления психологов далеко не беспочвенны и прекрасно объясняют неоднозначный характер Дианы. С другой стороны, те же психологи постоянно призывают не зацикливаться на травмах, полученных в детстве, и уж тем более не придумывать себе беды и горести, которых не существовало. То самое богатое воображение, о котором говорил брат Дианы, порой служило ей плохую службу, а воспоминания принцессы, написанные уже во взрослом состоянии, подтверждают: она никого и ничего не сумела до конца простить близким. Ее рождение, развод родителей, успехи в учебе брата и сестер, переезд в Олторп, женитьба отца (а позже к этому списку прибавятся папарацци, члены королевского семейства и муж) — всё продолжало изводить Диану до последних дней ее жизни. Только дети будут избавлены от обвинений: «Уильям и Гарри — единственное счастье, которое мне подарила судьба».

Так или иначе, но к шестнадцати годам Диане пришлось оставить школу. Она не сдала ни одного экзамена и далее пошла по стопам многих девушек из аристократических семей Англии: ее отправили в частный пансион в Швейцарии. К тому моменту в доме прочно утвердилась мачеха — отец женился на Рейн Легги в июле 1976 года, не оповестив о торжестве детей, что, впрочем,

можно объяснить открытой неприязнью, которую они уже вовсю питали к подруге отца. Видимо, проще их было поставить перед свершившимся фактом, что, однако, не прибавило во взаимоотношениях детей с Рейн ни любви, ни тепла.

Глава четвертая
МАЧЕХА

Судьба в очередной раз посмеялась над Дианой, не просто «подарив» ей мачеху, но женщину, которая являлась дочерью ее любимой писательницы Барбары Картленд. Читатели уже поняли, что с самого первого появления в доме Рейн не снискала себе славы, несмотря на все попытки установить с детьми если не дружеские, близкие отношения, то хотя бы нейтральные.

Рейн родилась в 1929 году, и позже ее мать утверждала, что отцом является не первый муж, а пятый герцог Сателенд, а то и сам принц Георг, четвертый сын короля Георга V (писательница сама не была уверена в отцовстве). Но брак с первым мужем распался, а дочь превратилась в красавицу и стала дебютанткой года в 1947 году. Сразу же после дебюта Рейн обручилась, а в 1948 году вышла замуж за наследника титула графа Дартмутского Джеральда Легги. В этом браке, несмотря на активную жизненную позицию Рейн, родилось четверо детей. В 1962 году ее муж унаследовал титул и стал девятым графом Дартмутским, а Рейн, соответственно, графиней.

В 23 года Рейн уже заявила о себе: она была самым молодым членом Вестминстерского городского совета и посвятила этой работе 17 лет, занимаясь планированием городской архитектуры и ландшафта. Затем Рейн избрали представителем Ричмонда в совете лондонского муниципалитета. На данном посту она заинтересовалась вопросами защиты окружающей среды и охраной старинных зданий. Кроме того, будущая мачеха Дианы председательствовала в Комитете развития объединения «Ковент-Гарден», а также ездила в Стокгольм на заседание рабочей группы исторической конференции ООН 1972 года по защите окружающей среды. Впечатляет, не правда ли?

Яркая личность Рейн вызывала к себе разное отношение. Одни ее позицию называли «воинствующим консерватизмом» и «бессмысленным максимализмом». Другие считали Рейн замечательной женщиной, энергичной и умеющей добиваться поставленных целей. Несмотря на консервативные взгляды и аристократическое происхождение, она каким-то чудесным образом умудрялась сочетать большую общественную работу с воспитанием четверых детей и организацией светских приемов. «Слишком легко недооценить эту женщину, — писала тогда о Рейн газета „Гардиан“, — красивую, безукоризненно одетую, принадлежащую к высшей аристократии, которой все достается

легко и без усилий. Но за лакированной внешностью скрывается исключительно способный политик, умеющий вежливо, но твердо настаивать на своем».

С Джонни графиня Дартмутская познакомилась в 1972 году, когда возглавила Управление по историческим архитектурным объектам Совета Большого Лондона (*GLC)*. На этом посту она познакомилась с седьмым графом Спенсером, а затем и с Джонни. Старый граф к Рейн относился очень хорошо, и она не раз посещала Олторп, привозя в подарок трости, пополнявшие его любимую коллекцию. А вот с детьми отношения не заладились с первой же встречи. Не очень значительное, но запомнившееся Диане событие произошло тогда же, в 1972 году. Рейн пригласили летом в гости в Парк-хаус, где за столом дети, сразу почувствовав к женщине неприязнь, начали отвратительно себя вести. Рейн старалась не обращать на это внимание, но к концу встречи из-за стола удалились и Сара, и вечно подражавшая ей Диана…

Второй раз младшие Спенсеры увидели Рейн в следующем году на праздновании совершеннолетия Сары в Касл-Райзинге. Приглашенных было около четырехсот человек, но Рейн обратила на себя внимание: она помогала Джонни в организации торжества и даже выбрала наряды для отца и Сары. Гости пару заметили, и слухи об их романе с тех пор не утихали. Однако только после смерти седьмого графа Спенсера Рейн окончательно утвердилась в жизни Джонни. Начиная с лета 1975 года она постоянно появлялась в Олторпе, помогая отцу Дианы осваивать замок и окрестности.

Детей в ее поведении выводило из себя всё. Рейн вела себя как хозяйка, устанавливая в их семейном гнезде свои порядки. Старый дед Спенсер их тоже не устраивал, будучи донельзя консервативным. Но и Рейн, пытавшаяся вносить изменения, категорически им не подходила. Дом, конечно, требовал немалых вложений. Именно Рейн начала поворачивать дело так, чтобы замок приносил хоть какой-то доход. Первым нововведением стали экскурсанты, которым позволили осматривать старинный Олторп с его картинной галереей и коллекцией антикварной посуды. Говорили, Диана во время подобных визитов сидела тихонько у камина, от души играя роль несчастной Золушки. На примыкающей территории открыли кафе и киоск с сувенирами, количество прислуги сильно сократили, к тому же распродали за бесценок (по мнению детей) картины, антикварную мебель и посуду…

Естественно, свадьба с Джонни, состоявшаяся после развода Рейн с графом Дартмутским, не прибавила ей популярности

среди детей. Они были в ярости! Диана посчитала такой поступок отца настоящим предательством. «Отец женился, не просто не спросив нас, нравится ли нам эта мегера в качестве мачехи, но и вообще не поставив в известность, даже не пригласив на свадьбу! Интересно, чего они ожидали в ответ? Ответом могла быть только ненависть! Разве можно любить ту, которая подло забрала у тебя любимого отца, так пренебрежительно отнеслась к тебе, словно ты вещь в кладовой, которую можно задвинуть подальше и забыть».

Если не учитывать всю подоплеку данной истории, то понять «праведный» гнев Дианы можно. Но, зная о негативных чувствах, которые питали к Рейн дети, об их умении шкодить, хулиганить и выживать неугодных им людей из родного дома (стоит вспомнить вереницу нянь, многие из которых ушли из Парк-хауса далеко не по собственной воле), удивительно ли, что молодожены (заметим, люди на самом деле немолодые) не пожелали рисковать и ставить под угрозу собственное бракосочетание.

Судить о чувствах других людей сложно, но некоторые выводы напрашиваются сами. О Рейн пишут: «Она страстно желала выйти замуж за Джонни», «Рейн твердо решила сделать Джонни своим мужем», «Рейн буквально околдовала Джонни». Но с какой стати жене графа Дартмутского так желать нового бракосочетания? Она не состояла в разводе, имела детей и приличный достаток, титул и общественное положение. «Ей всегда хотелось иметь грандиозный загородный дом — у Джеральда Дартмута ничего подобного не было», — пытаются объяснить поведение Рейн и таким способом. Родовое поместье Дартмутов — Блейк-Ли — проигрывает по размаху Олторпу, но стоило ли ради замка ломать копья? Друзья пары вспоминают, что Джонни и правда влюбился, а Рейн заботилась о нем всеми силами (несчастье, случившееся с графом в 1978 году, доказало, насколько новоиспеченная супруга была сильно привязана к нему, как всеми силами вела борьбу за его жизнь).

В тот момент, когда Джонни решился подумать о себе, он по большому счету имел на это полное право. Дети подросли: Саре в 1976 году исполнился 21 год; через четыре года после ряда неудачных романов она стала женой племянника ненавистной мачехи. Джейн было девятнадцать, но замуж она вышла раньше старшей сестры — весной 1978 года, за помощника личного секретаря королевы. Из всех детей личная жизнь, хотя бы внешне, удастся лишь у нее. Диане в 1976 году — 15 лет. Она заканчивала школу Уэст-Хит, отец намеревался отправить ее в Швейцарию в частный пансион для девочек, далее, видимо, надеясь удачно пристроить дочь замуж. Чарльзу, самому младшему из всех детей,

исполнилось двенадцать. Он прекрасно учился, его будущее в качестве наследника титула было предопределено. И хотя Чарльз с удовольствием озорничал на пару с сестрой, все же он был более сдержан в проявлении своих эмоций.

Мать Дианы оставила супруга, как мы помним, в 1968 году, закрутив роман с Шанд-Кидом. Конечно, за подобный проступок Диана ее осуждала, жалея одинокого отца. Но почему же тогда не дать и ему возможность построить свою личную жизнь, которая доселе была подчинена детям, оставшимся на его попечении? Джонни было нелегко принимать на себя управление огромным замком Олторп. Рейн, готовая взвалить на себя (по каким бы то ни было причинам) заботы по благоустройству дома и старавшаяся еще получать от него прибыль, пришлась как нельзя кстати. «Джонни всегда тянуло к сильным женщинам, а Рейн была куда динамичнее и энергичнее Френсис. После развода Джонни был очень одинок. Элегантность Рейн, ее остроумие и красота сразили его наповал. Неуверенный и медлительный, он предоставил Рейн полную свободу действий… Она могла стать для него матерью и организовать его жизнь. Кроме того, между ними возникло сильное физическое влечение…»

Активность Рейн безумно раздражала детей, хотя они фактически в Олторпе не жили. Диана пишет, что мачеха лишила ее родного дома, но тут, скорее всего, она грешит перед истиной: родным домом на протяжении всего детства являлся уютный Парк-хаус. В Олторпе поселился Джонни, а дети уже разъехались и собирались в замке раз-два в месяц, что объясняется их поочередным пребыванием на выходные и каникулы то у отца, то у матери. Не чудовищным ли преувеличением кажутся следующие слова Дианы: «В моих резких сменах настроения, приступах булимии и неспособности к усидчивой учебе виноваты мои родители и эта женщина! В шесть лет почувствовать себя брошенной матерью, в пятнадцать преданной отцом и затем выкинутой из дома чужой женщиной и остаться спокойной и уравновешенной едва ли возможно».

Диана была твердо уверена: ее предали мать и отец, воспитывая чужих детей, растрачивая любовь на кого угодно, но не на собственных отпрысков. У второго мужа Френсис было трое детей от первого брака, у Рейн — четверо. Сказать с уверенностью, что Френсис и Джонни уделяли им повышенное внимание, пожалуй, нельзя. Двое из четверых детей Рейн были старше Спенсеров (на шесть и два года старше Сары), а дети Шанд-Кида вообще постоянно проживали с его первой женой. Даже приняв во внимание тот факт, что истина всегда кроется где-то посредине, очевидно одно — не так уж ужасно было

положение Дианы, как она его рисует в воспоминаниях.

Надо отметить, дети не сидели сложа руки. Они пытались выжить мачеху всеми им доступными способами. Диана и Сара открыто, прямо в лицо высказывали ей свое мнение. Однажды Чарльз во время приема пригласил мачеху на танец и попытался на глазах у гостей столкнуть ее в бассейн. Ему это не удалось, но факт остается фактом. Перед посторонними людьми дети вели себя отвратительно. Они старались избегать мачехи и не обменивались с ней и парой фраз. Гости всегда ощущали холод в их отношениях с Рейн. В ее присутствии дети любили достаточно громко, чтобы она слышала, напевать песенку «Рейн, уйди» — по-английски «дождь» и имя мачехи произносились одинаково. В свою очередь, дети жаловались, что им не хватает места в собственном доме из-за расселившихся на ночлег по многочисленным комнатам гостей, на формальность организуемых праздников.

Пребывание Рейн в Олторпе Диана называла «наглым хозяйничаньем». А Сара не скупилась на комментарии газетчикам с самого начала семейной жизни Джонни и Рейн. Сара не выбирала выражений: «Когда ее спросили об отношениях лорда Спенсера с леди Дартмут, она ответила, что ее отец сейчас находится в постели с леди Дартмут и она не хочет их беспокоить». Позже Диана свалит часть вины за плохие отношения с мачехой на старшую сестру: «Сейчас я думаю, что если бы она тогда нашла со мной общий язык, либо я не поддалась бы давлению Сары и не стала воевать с мачехой, я выросла бы совсем другой и многих проблем моей жизни удалось бы избежать». Помните, точно так же Диана рассуждала и про остальные события своей жизни — «если бы я стала балериной…».

Отец Дианы умер в 1992 году, за пять лет до гибели дочери. До этого он успел прожить счастливую жизнь со второй женой. Дети их, наконец, оставили в покое, но, как показало будущее, Рейн они не простили. Последние годы чета Спенсер устраивала приемы и много путешествовала. Именно Рейн подарила Джонни эти годы спокойного семейного счастья. Ее заслугу не отрицают, но и не трактуют однозначно…

Осенью 1978 года граф Спенсер неожиданно упал во дворе своего дома. В больницу его отвезли со страшным диагнозом: кровоизлияние в мозг. Все дети быстро приехали к больному отцу. Врачи были настроены пессимистично. Они не давали больному шансов, предсказывая скорую смерть. Возле палаты, естественно, находилась и Рейн. Но Джонни прожил один день, потом другой, и Рейн решила перевезти его в лондонскую

больницу, где ему могли помочь более квалифицированные специалисты. Мгновенно Джонни сделали сложнейшую операцию, но его состояние не улучшилось. Несколько месяцев он лежал там в состоянии комы. Рейн не отходила от постели больного, но одновременно прилагала все усилия, чтобы не допускать детей к отцу. «Сиделки получили указание не допускать детей в отдельный бокс, где лежал почти без признаков жизни граф Спенсер». Сара, как самая задиристая, отправлялась на «сражения» с мачехой, дабы прорваться к отцу. Джейн, как самая вежливая и спокойная, при встрече с Рейн продолжала здороваться. Диана? Диана постоянно рыдала. «Преданность Рейн не тронула сердца детей Джонни». И даже потом, когда состояние его стало критическим, а Рейн, использовав все связи, сумела найти в Германии недавно открытое новое лекарство, могущее помочь в данном случае, ее не приняли и не простили. Рейн рисковала: лекарство еще не было апробировано в полной мере и не было пущено в продажу. Но она убедила как производителей, так и врачей в Лондоне. Лекарство совершило чудо — зимой 1979 года Джонни выписали из клиники, и Рейн продолжила ухаживать за ним дома.

Возникает вопрос: чем руководствовалась она, не позволяя детям видеть родителя? Диана честно признается, что слов благодарности за спасение отца Рейн от них не услышала. Война продолжалась. И месяцы вражды, когда Джонни в коме лежал в больнице, не забывались. Не исключено, что мачеха просто не хотела дать детям возможность воспользоваться состоянием Джонни и заставить его изменить завещание, лишив ее каких-либо имущественных прав. Может быть, она боялась негативного влияния детей на отца, зная их невоздержанный характер, истеричность и упертость. Точно сказать сложно, но ей, несмотря на одержанную над болезнью победу, этого не простили.

Много лет спустя Аль-Файед попытался примирить Диану с мачехой. Отец уже покоился в могиле, и Диана с удивлением заметила слезы в глазах Рейн: «При упоминании о папе я увидела в глазах у Рейн настоящие слезы». Однако благодарна Диана была мачехе вовсе не за любовь к отцу: «Теперь, подумав, я поняла, что Рейн действительно не воспользовалась возможностью заработать на воспоминаниях о моем детстве, а ведь могла бы наговорить репортерам уйму всяких гадостей о моем поведении». Диана, в свою очередь, мачеху не щадила, направо и налево рассказывая о ее ужасном «внедрении» в семейство Спенсер.

После смерти Джонни Рейн выкинули из Олторпа в одночасье. Туда переехал Чарльз, унаследовав замок вместе с

титулом девятого графа Спенсера. Лучше, чем Диана, описать происходившее в 1992 году нельзя: «Мой брат Чарльз… сразу после смерти отца… буквально вышвырнул мачеху из Олторпа! Я с удовольствием помогала. Мы запретили ей выносить любую вещь, если она не куплена лично ею, а все ее личные вещи засунули в мешки для мусора и выкинули вниз с лестницы. Я лично проследила, чтобы в нашем семейном замке не осталось никаких следов пребывания этой женщины и ее мерзких отпрысков. Когда через несколько месяцев в каком-то углу обнаружилась книга, забытая кем-то из ее детей, я буквально растерзала несчастный предмет, чтобы сжечь его в камине!»

Да, иногда мачехам достается куда больше, чем падчерицам. Золушки бывают жестоки, хладнокровны и злопамятны. Рейн получила в наследство немалую сумму денег и дом в Лондоне, но саму суть происходившего в Олторпе это не меняет: любимица всего мира, мать двоих сыновей, женщина, которая фотографировалась с больными и обездоленными, произносила пламенные речи во имя всеобщего добра и взаимопонимания, жестко и хладнокровно выпроводила из дома женщину, спасшую ее отца от смерти и сделавшую его жизнь счастливой.

Рейн и по сей день здравствует. Она еще раз вышла замуж, но развелась, вернув, вопреки обыкновению, предыдущий титул, и нынче вновь именуется графиней Спенсер. Во время суда, происходившего в Лондоне после гибели Дианы, она была немногословна, так и не сказав ни одного дурного слова о ненавидевшей ее падчерице. Леди Спенсер входит в совет директоров магазина *Harrods,* принадлежащего Аль-Файеду, в котором установлена мемориальная доска в память о Диане и Додди Аль-Файеде. Говорят, иногда даже приходит поработать за прилавком…

Глава пятая
ШВЕЙЦАРИЯ И ПРИНЦ

На фоне внутрисемейных перемен происходили изменения и внешние: Диана взрослела и, как говорилось выше, отправилась продолжать обучение в Швейцарию. Уехала, как водится, вопреки собственной воле: создается ощущение, что она вообще бы не училась, если бы не вечно отправлявшие ее в разные школы родители. Но так как Диана в Швейцарию попала в 16 лет, то ей хватило настойчивости убедить отца вернуть ее очень быстро обратно.

Пансион в Швейцарии, несмотря на желание девушки оттуда удрать, был не чета предыдущим школам: в нем особенно на учебе не настаивали, делая акцент на занятиях по кулинарии, кройке и шитью, ведению домашнего хозяйства и изучению французского. Также в школе девушки занимались спортом, а именно лыжами. Пансион *Institut Alpin Videmanette* закрылся в 1991 году, но до того здесь учились девушки из обеспеченных семей. Он был расположен в местечке Ружмон, которое находилось в регионе Женевского озера неподалеку от других знаменитых швейцарских горнолыжных курортов. Французскому здесь учили неспроста — это так называемая французская часть Швейцарии. По большому счету Ружмон представляет собой не слишком большую деревню (население в 2014 году составляло около девятисот человек, основная часть которого люди среднего и пожилого возраста).

В свое время подобных пансионов в Швейцарии насчитывалось более тысячи. *Finishing school* можно перевести как «частная школа для девушек из состоятельных семей, в которых учат правильному поведению в обществе» — длинно, зато полностью отражает суть этого учреждения. Считалось, что для девушки важно закончить свое обучение (оттого и слово *finishing* в названии) именно подобным образом: научившись этикету, правилам сервировки стола и аранжировки цветов, девушки были полностью подготовлены к замужеству. Подобную школу в Швейцарии посещала и Камилла, вторая жена принца Чарльза.

Уже в 1960-х годах популярность швейцарских «институтов благородных девиц» начала падать. Феминизм, акцент на настоящей учебе, а не на подготовке к семейной жизни сыграли в этом важную роль. Как видим, Диане уже было скучно в рамках узкой, весьма специфической направленности пансиона, тем более в горной деревушке. Сейчас подобных школ практически не

осталось, но те, что есть, начинают перестраивать свою политику, принимая на обучение женщин любого возраста, предлагая им курсы любой длительности. Жены бизнесменов, дипломатов — то есть женщины, которым опять потребовалось знание этикета и других тонкостей ведения «высокого» домашнего хозяйства, приезжают в такие школы восполнить пробелы в своем «женском» образовании…

Диана, отметим, чувствовала необходимость (а скорее, у нее к этому была природная склонность) научиться хорошо готовить, прибраться в доме. Но скука, навеянная пребыванием в Альпах, заставила Диану умолять отца вернуть ее домой. Единственным развлечением в пансионе стали горные лыжи. Как и ранее, спорт не переставал привлекать юную леди. «На деле Диана целыми днями каталась на лыжах и болтала по-английски с соседкой по комнате Софи Кимбол. Изнывая от скуки и бессмысленности школьных занятий, Диана не чаяла, как удрать из Швейцарии. Она засыпала родителей письмами, умоляя позволить ей вернуться домой. В ход был пущен самый веский аргумент — они бросают на ветер немалые деньги. И это возымело свое действие: Диана вырвалась на волю».

Несмотря на свою настойчивость, вернулась она из пансиона практически через год после отъезда из Англии. И за это время случились важные события, одно из которых является ключевым в ее биографии — Диана познакомилась с принцем Чарльзом. Приехав в ноябре 1977 года на каникулы, она попала с корабля на бал: в их доме в Олторпе собирались принимать принца. Сара успела с ним познакомиться летом на скачках. К тому моменту ее роман с герцогом Вестминстерским закончился, и она пребывала в глубокой депрессии. На сей раз депрессия выражалась в отказе от еды: Сара страдала не только от приступов булимии, но и от приступов анорексии. Любые нервные срывы приводили к печальным последствиям.

Сара сильно похудела, и на скачках принц Чарльз даже напрямую спросил ее, не анорексией ли она страдает. А Саре постоянно казалось, что она неимоверно растолстела. Ведь согласно моде тех лет следовало быть худышкой. Иконой для девушек стала знаменитая модель Твигги, которая при росте 169 сантиметров весила 45 килограммов. У Сары параметры были еще хуже: «рост Сары составлял сто семьдесят сантиметров, а весила она чуть больше тридцати шести килограммов». Думается, Чарльз был в курсе современных тенденций, и отношениям с принцем страшная худоба девушки не помешала. Впрочем, курс лечения ей пройти пришлось: в клинике, где позднее будут лечить Диану, Сара оказалась в 1977 году.

Нельзя не остановиться в двух словах на неудачном романе Чарльза и старшей сестры Дианы. Неизвестно, в принципе, познакомилась ли бы Диана с принцем, если бы вначале не случилось его знакомства с Сарой. Той было 22 года, за плечами пьянки и многочисленные любовные истории, толком никакого образования и взбалмошный характер. Но Сара отличалась привлекательной внешностью и, кроме взбалмошности, веселым нравом. «Не знаю, что с ней было бы, не появись принц Чарльз, — вспоминает Диана. — О… это было совершенно немыслимо. Сара снова на высоте! Рассталась с самым богатым наследником Англии, зато получила самого завидного. Чарльз умный, спортивный, вежливый, сдержанный, но главное — он принц! Никакие Гросвеноры не могли годиться ему в подметки уже из-за одного этого. У Сары всегда и всё было лучше всех, она молодец». Вот так странно прокомментирует позже Диана начало знакомства сестры с принцем.

О любви никто и не заикался. Сара — молодец, потому что сумела понравиться принцу, что однозначно важнее денег, так как тут они явно проигрывают титулу и положению в обществе. Несколько раз Сара встречалась с принцем в течение лета, и многие посматривали на нее как на возможную кандидатуру на роль невесты. Тут, правда, следует оговориться: Чарльз был влюбчив, непостоянен и не склонен завязывать серьезные отношения. История с Дианой будет стоять особняком. Впрочем, Чарльз будет последователен. Еще в 1975 году, загнанный в угол и понимающий, что от него ожидает страна и королевская семья, он рассуждал в интервью о браке и любви: «Большинство людей имеют неправильное представление о том, что такое любовь. Это намного больше, чем просто влюбиться и так прожить всю оставшуюся жизнь. В основе брака лежит дружба. Вы разделяете интересы и мысли друг друга, возникает чувство привязанности. И по-настоящему счастлив тот, кому удается встретить человека красивого как внешне, так и внутренне. Для меня брак — один из самых ответственных поступков в этой жизни. Совместная жизнь — это то, над чем нужно работать… Выбирая себе спутницу, я не позволю, чтобы моим разумом руководили чувства».

Могла ли Сара или любая другая девушка принца сыграть подобную роль? Однозначно нет. Думается, Сара это прекрасно понимала, однако, как и ее сестра, любила витать в облаках, к тому же ей льстило внимание публики и прессы, сделавшей из нее звезду сезона. Она позабыла о своем не самом прекрасном «послужном списке», включавшем алкоголь и нервные расстройства, и наслаждалась вниманием принца. Нельзя сказать, что оно безраздельно принадлежало Саре. Они не так часто

встречались те два неполных года, пока длился их платонический роман (или некое подобие дружбы). Но каждая встреча происходила во время мероприятий, которые широко освещала пресса. В свете рамп блистала и Сара.

«В это время Чарльз встречался с множеством красивых девушек из высшего и не самого высшего общества… Все его романы начинались на матчах по поло». Для иллюстрации сказанного можно привести лишь несколько примеров. Самый известный — Камилла, нынешняя жена принца, отношения с которой начались в 1970 году и, как мы видим, не закончились по сей день, отчасти подтверждая слова принца о дружбе и любви, которая «намного больше, чем просто влюбиться». Следом идет Аманда Натчбулл, с которой принц встречался время от времени с 1974 по 1979 год и даже делал ей предложение (девушка мудро ответила отказом). Девина Шеффилд приходила на ланч с королевой, но тут ее бывший друг рассказал прессе, что жил с ней, и все рухнуло. Анна Уоллес также удостаивалась чести быть представленной королеве, но рассталась с Чарльзом, вовремя увидев его неугасавший интерес к Камилле.

Из принца ухажер был никудышный. Избалованный всеобщим вниманием, он палец о палец не мог ударить, чтобы завоевать девушку или ее удержать. Они липли к нему сами, как и Сара, ослепленные статусом: «главное — он принц!» «Он мог делать все, что захочет, и держать девушек на расстоянии. Он назначал свидания тогда, когда это было удобно ему, и никогда не заезжал за своими избранницами. Девушкам приходилось самим заботиться о транспорте — эта участь миновала только самых близких подруг. Чарльз никогда не дарил им цветов и крайне редко делал подарки». Да и зачем все это, в самом деле? Главное — он принц!

Сара была неглупа. Понимала ли она, что ее взаимоотношения с Чарльзом бесперспективны с точки зрения брака? Прошлое невесты принца должно быть безупречно, а ее прошлое никак не назовешь идеальным. Сара сама положила конец истории, понаговорив репортерам и об анорексии, и о пьянках, и о «тысячах бойфрендов». Ее воображение, видимо, было не менее богатым, чем у Дианы. Она усугубила положение, приврав про бесплодие и предложив опубликовать откровенные фото, демонстрировавшие ее страшную худобу. Какой принц захочет жениться на девушке после подобных признаний?

А главное, Сара разглагольствовала о своих чувствах к Чарльзу: «Я не влюблена в принца Чарльза. Я — девушка легкомысленная, меня не устраивают старомодные долгие ухаживания. Если бы помолвка между нами произошла, то вы бы

об этом уже знали. Я не собираюсь замуж, я ни в кого не влюблена — ни в мусорщика, ни в короля Англии. Если он сделает мне предложение, я откажу. Он еще не готов к браку… Наши отношения похожи на отношения брата и сестры, ничего больше…» Трудно сказать, была ли это игра на опережение — предложения Чарльз Саре не делал и, судя по всему, делать не собирался. Или Сара в очередной раз попросту сглупила. Но после этого интервью, которое она дала по возвращении из поездки в Швейцарские Альпы, куда Чарльз пригласил ее вместе с другими гостями зимой 1978 года, отношения пары разладились.

Впрочем, на тридцатилетие принца Сару все же пригласили… вместе с Дианой. Судя во всему, она всегда была частью компании, сопровождавшей Чарльза. Красивая, общительная девушка из знатной семьи, почему нет? А вот серьезные намерения принц по отношению к Саре вряд ли когда-либо имел.

* * *

Известна фраза Сары о том, что она выступила в роли эдакого Купидона, сведя вместе принца и свою младшую сестру. Это действительно так, но лишь отчасти. На самом деле, конечно, подобных планов Сара не вынашивала. Когда Чарльз начал оказывать Диане знаки внимания, пусть вначале пустяшные и ничего не значащие, Сара сердилась и ревновала принца к сестре. То ли завидовала зарождавшемуся успеху шестнадцатилетней Дианы, то ли предчувствовала, что именно она может сделать невозможное и заполучить Чарльза в качестве мужа.

Скорее всего, верно первое предположение. В 1970-х годах еще действовало правило, по которому, если девушке за двадцать и она не замужем, ее записывают в старые девы. Становиться бизнес-леди тогда большинству и в голову не приходило, а вот уютно устроиться за мужем, жаждали многие. Сара начала сдавать позиции. Она видела, что на сцену выходит младшая сестра, которая скоро станет первой на ярмарке невест от семьи Спенсеров.

Вторая сестра Джейн в апреле 1978 года вышла замуж. Надо сказать, что она никогда не пыталась конкурировать с сестрами. В супруги ей достался сын управляющего Сандрингема Роберт Феллоуз, старше невесты на 16 лет. Никаких скандалов, никаких проблем с нервами — Джейн спокойно обручилась с ним за год до свадьбы, затем так же спокойно жила в браке, без скандалов, измен и разводов, родив супругу троих детей. На свадьбе Диана выступала в роли подружки невесты и, по ее собственным словам,

грезила о принце… Придется вернуться все-таки в ноябрь 1977 года.

Диана вспоминает, что увиделась с принцем практически в чистом поле. Чарльза пригласили в Олторп на охоту, после которой подразумевался обед в замке. Именно во время охоты принц и наткнулся на «очаровательную девочку-подростка». «День был ненастный, и Диана оделась по погоде: высокие резиновые сапоги поверх вельветовых брюк, ветровка с плеча Сары. Она чувствовала себя нелепой и старалась держаться на заднем плане». Правда, биографы принца утверждают, что он увидел перед собой не нелепое создание, а веселую и энергичную девушку, радостную и уверенную в себе.

Нестыковка в описании Дианы похожа на те, что ранее давали гости и друзья Спенсеров, когда видели ее в детстве: то она несчастная и печальная, то озорная и счастливая. В ситуации с Чарльзом, видимо, Диана и правда робела, но внешне уже достаточно владела собой, чтобы не показывать свою застенчивость. В год ее шестнадцатилетия многие отметили, как девушка изменилась: «Она заметно похорошела, повеселела, стала вести себя более раскованно — словом, расцвела… Конечно, Диана не превратилась в светскую львицу, отнюдь: она по-прежнему легко смущалась. Не знала, как себя вести. Но уже теперь было видно, что она будет пользоваться большим успехом».

Внутренняя зажатость сохранялась, что нормально для шестнадцати лет. К тому же, пока Диана большую часть времени проводила в школах, где царили строгие нравы, девушек обязывали одеваться и причесываться определенным образом. Диана признает, что к моменту знакомства с принцем не умела ни толком одеваться, ни пользоваться косметикой. Однако именно это и могло его привлечь. После толпы девиц, умело кокетничавших с ним, простота и искренность Дианы, безусловно, подкупали.

После охоты Чарльз вернулся в замок и во время танцев даже соизволил пригласить Диану. Она опять перечисляет, вспоминая этот эпизод, свои недостатки: «Я была толстой, нескладной, абсолютно нестильной девушкой без макияжа, зато умела производить много шума, и ему это нравилось». Глядя на фотографии Дианы, не скажешь, что она ужасно выглядела и точно не была толстой. Хотя, наверное, дух Твигги витал везде, да и на фоне Сары Диана смотрелась более пухлой. Но она уже тогда была фотогенична и на снимках порой получалась весьма неплохо. А к анорексичкам Чарльз вряд ли питал большую симпатию.

После танцев принц попросил Диану показать ему знаменитую картинную галерею Олторпа. Сара тут же «нарисовалась» возле сестры, и та, поняв намек, ретировалась. Диана трактует эпизод несколько иначе — сестра просто их сопровождала и не давала Диане слова сказать. Та, впрочем, не возражала: «Я не сумела бы ничего путного рассказать о изображаемых персонажах, во-первых, потому что слишком волновалась, во-вторых, потому что просто почти ничего не знала». О Саре она пишет, что сестра вешалась принцу на шею, чем его и оттолкнула. Тут хотелось бы поспорить: Чарльза однозначно оттолкнуло откровенное интервью, датируемое 1978 годом. После охоты в Олторпе он продолжал приглашать Сару, но, как написано выше, скорее, он воспринимал ее как часть, говоря современным языком, великосветской тусовки.

После первой встречи с принцем Диана, по словам подруг, только о нем и говорила, а в школе над кроватью появились его портреты. Девушка считала принца грустным и печальным, а, как известно, это больше, чем красота, привлекает молоденьких золушек.

Следующая встреча Дианы и Чарльза произошла на его тридцатилетие — то есть в ноябре 1978 года. Пригласили и Сару, и Диану. Джейн уже была замужем, и если ранее еще какую-то угрозу сестрам представляла, то сейчас они соперничали только друг с другом. Чарльз на дне рождения не обращал внимания на обеих, приглашая на танцы разных партнерш, но ни разу сестер Спенсер. Казалось, Диану он даже не вспомнил (что неудивительно, ведь они виделись год назад), но девушка была на седьмом небе от счастья, окончательно потеряв голову от любви. Сара же потеряла голову от злости: она ясно поняла, что ее время прошло.

После праздника по случаю тридцатилетия принца и вплоть до 1980 года, когда отношения Чарльза и Дианы начали стремительно набирать обороты, пара виделась случайно на различных мероприятиях, вроде охоты и балов, где кроме Дианы присутствовало еще множество народу. Чарльз не стремился к общению с Дианой и старательно пытался найти себе невесту — следовало выполнять данное народу и семье обещание жениться после тридцати.

В 1979 году он активно встречался с Амандой Натчбулл, а после с Анной Уоллис. Обеих общество воспринимало серьезно, но помолвки не случилось. Диана мелькала то тут, то там, над ее влюбленностью в принца насмехались, но пока из этого ничего серьезного не выходило. Однако Диана не сдавалась и упрямо шла к своей цели. На ее стороне были бабушки: королева-мать и

ее подруга Рут Фермой. Они всячески пытались свести принца с Дианой, но активные действия предприняли в 1980 году, когда стало ясно, что, во-первых, он сам их не предпримет, а во-вторых, когда он расстался с предыдущими пассиями. Если не считать вечную Камиллу, то путь для Дианы был расчищен.

Просто так подобные дела не вершатся. Диану, по ее же собственным словам, о готовящемся сватовстве предупредили заранее, «заручившись при помощи бабушки — леди Фермой, что взбрыкивания вроде сестриного не будет». Диана надеялась, со временем Чарльз влюбится в нее по-настоящему, а пока берегла себя, точнее, свою девственность, как зеницу ока и не ввязывалась ни в какие сомнительные предприятия. «Я, наивная дурочка, полагала, что Чарльз, хорошенько меня разглядев, влюбился. Или, по крайней мере, откликнулся на мое чувство. А меня просто выбирали, как очередную лошадь для конюшни. „Лошадка“ подходила — была крепка, здорова, родовита и, что очень важно, девственна. Это надо умудриться — сохранить девственность почти до двадцати лет! Никому и в голову не приходило, что я всерьез собиралась замуж за принца».

Сложно судить, насколько искренне Диана полюбила Чарльза. Встречая его, она постоянно хохотала, привлекая внимание принца, и восторженно смотрела на него влюбленными, сияющими глазами.

С одной стороны, девушка, начитавшись любовных романов Барбары Картленд, где скромные девственницы только и делали, что выходили замуж за принцев, вполне могла искренне полюбить. Ее интерес никто не пытался пошатнуть. Позже, как всегда, Диана обвинит всех и вся в том, что ей не открыли глаза на связь Чарльза с Камиллой, хотя Сара говорила об их отношениях, но, по мнению Дианы, не сделала на этом нужный акцент. «Я все равно не понимала: любовница до свадьбы, а когда женится, принесет клятву у алтаря, все изменится». И дальше: «Наверное, если бы Сара ожидала такого поворота событий, она бы поговорила со мной серьезно».

Историю в школе Диана выучила плохо: иначе бы помнила об адюльтерах, к которым были так склонны все английские короли, — их никогда не смущали клятвы у алтаря. Потом незаконнорожденные дети начинали претендовать на престол, их то признавали, то лишали этой привилегии, но суть дела от этого не менялась. Наивности Дианы можно позавидовать, но, учитывая ее изолированность от общества до определенного возраста, в нее можно и поверить.

С другой стороны, девушка была не так проста, как кажется. Стоит вспомнить отношения с родителями, нянями и мачехой.

Диана с легкостью выкрашивала свою жизнь в черный цвет, обвиняя окружающих в ее во многом надуманных бедах, а значит, могла с той же легкостью придумать и любовь к принцу. Брат вранье Дианы назвал «приукрашиванием действительности». Здесь это выражение вполне уместно: Диана приукрасила действительность и упрямо пошла завоевывать сердце самого знатного холостяка Англии, как раз по ту пору и пообещавшему англичанам создать семью. За Дианой ухаживали, но она поддерживала с мужчинами лишь дружеские отношения — берегла себя для принца. В отличие от Сары она понимала, что на карту поставлено многое, если не всё.

Сестра, кстати, к 1980 году решит остепениться и выйти замуж, благо подвернулся достойный жених. Характер трудно изменить, поэтому неудивительно, что Сара в последний момент отменила свадьбу. В итоге ее перенесли с февраля на май, но в целом, несмотря на рождение троих детей, личная жизнь Сары так и не задалась. А у Дианы, которая была младше Сары на шесть лет, оставался запас времени, и с восемнадцати до двадцати лет она тратила его исключительно на завоевание принца…

Глава шестая
ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРЦА

Золушкино счастье все-таки нужно заработать не только преданностью и верностью обожаемому предмету. Диана фактически жила двойной жизнью: борьба за сердце Чарльза — одно, а веселое времяпрепровождение в компании друзей — другое. Кроме того, Диана пыталась работать и жить самостоятельно. Мы оставили ее в 1978 году, когда она, вернувшись в Англию, начала просить родителей позволить ей жить в Лондоне одной. Мать и отец проявили единодушие и пообещали дочке самостоятельность с восемнадцати лет.

Пока суть да дело, на три месяца Диану отправили пожить в семью друзей Спенсеров. Джереми и Филиппа Уайтекеры жили в графстве Хэмптоншир. Девушка следила за их маленькой дочкой, убирала в доме и готовила. Лондон тем не менее продолжал манить, и Диана в письмах родителям настаивала на переезде. Мать сдалась, предложив Диане пожить пока в ее квартире. Френсис с мужем большую часть времени проводила в Шотландии, поэтому год до совершеннолетия Диана прожила на Кэдоган-сквер вместе со школьной подругой Лаурой Грейг и Софи Кимбол — той самой девушкой, с которой познакомилась в швейцарском пансионе. Когда Диана выйдет замуж за принца, Лаура станет ее фрейлиной. Позже Диана будет крестной матерью дочерям обеих своих подруг.

Район, в котором они поселились, известен на всю страну тем, что там расположены самые дорогие дома в королевстве. Кроме жилых домов там находятся образовательные и дипломатические учреждения. Здания из красного кирпича на площади строились во второй половине XIX века. Они образуют замкнутое пространство, внутри которого раскинулся сад, куда доступ имеют только жители домов Кэдоган-сквер.

Поселившись у матери, Диана, конечно, не имела возможности самостоятельно оплачивать возникавшие расходы. Родители отнеслись к этому с пониманием и постоянно помогали дочери. Девушка не бездельничала, но ее занятия существенного дохода не приносили. Сначала она пошла на трехмесячные кулинарные курсы. В детстве, проводя много времени на кухне, Диана часто готовила простые, незамысловатые кушанья, потчуя ими слуг и близких. На престижных курсах дочек баронов и герцогов учили делать более замысловатые блюда. «Как бывало в детские годы, Диане трудно было устоять перед искушением

полакомиться тем или иным „учебным пособием“, и ее не раз заставали за дегустацией очередного экзотического соуса. Диана закончила обучение, прибавив в весе несколько фунтов, но зато получила диплом, официально подтверждавший ее кулинарное мастерство». Как раз в то время ее отец лежал в коме в лондонской больнице. Диана не стала бросать учебу, продолжая ездить на метро в Уимблдон, одновременно стараясь навещать Джонни, чей покой строго охраняла Рейн.

В отсутствие отца мать пыталась найти Диане приличную работу. Ничего высокооплачиваемого или хотя бы престижного (сестры Дианы, например, работали в журнале «Vogue») девушке без образования, а главное, без особого желания делать что-то серьезное, придумать было невозможно. Зато тут имелся превосходный шанс потрудиться Золушкой: сидеть с детьми, убираться, работать официанткой на приемах. Правда, все это Диана делала исключительно в семьях богатых людей, в престижных районах Лондона. В качестве няни Диану любили приглашать к себе подруги старших сестер, также работа находилась с помощью агентства, специализировавшегося на подобных «работницах» из высшего общества. Пока девушки не находили себе мужей, многие из них старались не сидеть без дела, а активно тренировались вести хозяйство и ухаживать за детьми, пусть и чужими.

Кроме кулинарных курсов Диана посещала автошколу. С первой попытки ей не удалось сдать экзамены, но со второго раза она права получила. В свободное время Диана ходила в гости или вместе с подругами принимала друзей у себя. Несмотря на полученную свободу, Диана на сомнительные удовольствия время не тратила: она не курила, не пила и не любила шумные клубы. На выходные частенько ездила к отцу или в загородные дома родителей подруг. Круг друзей в основном составляли девушки, с которыми Диана училась в школах. Сложно сказать, отчего она не окунулась с головой в разгульные лондонские развлечения. Может быть, действительно существовала договоренность с бабушкой, которая просила внучку немного подождать и побороться с искушениями в надежде выйти замуж за принца. А может, и на самом деле Диана не была склонна к подобному времяпрепровождению.

Вскоре мать нашла для дочери прекрасное место, которое стало бы для нее отличным приложением двух талантов: умения танцевать и умения ладить с детьми. Френсис пристроила Диану преподавателем балета в младшие классы в балетной студии на Бромптон-роуд. Принадлежала студия известному педагогу, преподававшей танцы не одному поколению детей из

королевской семьи. Неудивительно, что студия оказалась на улице, где были расположены дорогие дома, пятизвездочные отели, лучшие рестораны, множество известных магазинов, включая знаменитый универмаг Харродс, принадлежавший Аль-Файеду.

Балетная студия Бетти Вакани существовала несколько десятков лет. Сама Бетти родилась в 1908 году и преподавала танцы в королевском дворце даже во время Второй мировой войны. Тогда умение танцевать считалось обязательным навыком для представителей аристократии и детей толстосумов. «Расцвет школы пришелся на пятидесятые, когда, как вспоминала Бетти, „роллс-ройсы“ и „бентли“ выстраивались в длинный ряд возле школы в конце занятий, а няни садились по периметру танцпола в ожидании, когда их подопечные закончат урок». А занятия в королевском дворце продолжались и после войны. Принц Чарльз, по словам Бетти, удивлял ее своим серьезным отношением и энтузиазмом.

Бетти никогда особенно не комментировала работу Дианы в ее студии. Она сказала одну лишь фразу, которая, однако, проливает свет на истинное положение дел: «Она (Диана. — *В. Б.)* скорее вела активную социальную жизнь, что отвлекало ее от карьеры учителя танцев». А ведь балетная студия, казалось бы, была воплощением мечты Дианы: пусть она сама не стала балериной, но имела прекрасную возможность привить любовь к балету маленьким детишкам. Но Диана из студии ушла уже через три месяца — ее взяли на работу с января 1979 года, а уехала она во Французские Альпы в марте. После поездки в студии Диану не видели.

Причин ухода называют две: официальная «прилизанная» версия состоит в том, что Диана во время катания на лыжах повредила ногу. «На крутом спуске Диана упала и получила серьезную травму: разрыв сухожилий в области голени. Следующие три месяца пришлось ходить в гипсе: поврежденные ткани срастались медленно. Травма перечеркнула мечты о карьере учительницы танцев». Судя по словам Бетти, Диана не особенно и стремилась к этой карьере. Конечно, травма ноги — причина уважительная, однако девушки, выбравшие себе путь, связанный с балетом, берегут ноги как зеницу ока, да и уезжать на отдых с друзьями по первому их призыву, только устроившись на работу, не самый лучший способ на ней удержаться.

Вторая версия представляется более похожей на истину. Диану работа напрягала. Все-таки пришлось учить с десяток двухлетних малышек! Понятное дело, в классе присутствовали бдительные мамаши и няньки. Диана смущалась и чувствовала

себя не в своей тарелке. Покинула работу она без объяснений, а когда ей позвонили узнать, что произошло, сослалась на ту самую травму ноги. Понятное дело, девушки ее положения в обществе не считали себя обязанными отчитываться о прогулах и объясняться с работодателями. К тому времени более чем когда-либо стало очевидно, что Диане трудно справляться с долгосрочными обязательствами, хотя она и не была склонна к безделью. «Она не болталась без дела, — говорил Роберт Спенсер. — В ее характере было заложено делать что-то полезное». Диане нужно было занять себя, но она меняла одну временную работу на другую — с низким уровнем стресса, ненапряженную, как, например, уборка в доме или работа приходящей няней, что находилось в согласии с ее приятной манерой вести себя. Позже, описывая свой опыт, она в насмешку называла своих работодателей «бархатными ободками для волос»[1] и выражала возмущение из-за того, что никто не говорил ей спасибо за выполняемую работу.

Понять Диану можно — она, в конце концов, принадлежала к высшему слою британской аристократии, и в крови у нее не было умения трудиться изо дня в день, дабы заработать на хлеб насущный. К тому же в школе она не отличалась усидчивостью, умением концентрироваться на поставленной цели, не делала ничего постоянно и подолгу. Даже длительное обучение танцам скорее походило на хобби — большую часть времени Диана танцевала для себя, не признавая своих способностей и талантов. По сути, никакого долгого увлечения у нее никогда не было. А когда человеку не нужно обеспечивать себя, когда счета всегда оплачены и есть крыша над головой, то и беспокоиться не о чем, кроме как занять свободное время.

Диану нельзя осуждать за это: неумением трудиться отличались многие представители аристократии (да и сейчас отличаются). Ее друзья вели похожий образ жизни, и если она хотела ехать с ними кататься на лыжах, то почему какая-то работа должна ей мешать? В Альпы тогда Диану пригласила подруга — Мэри Энн Стюарт-Ричардсон. У родителей Мэри было в горах собственное шале, где вначале и поселилась Диана. К сожалению, в семье в то время случилось несчастье, и обстановка не способствовала веселью. В тех местах отдыхают люди определенного круга, и неудивительно, что вскоре Диана получила новое приглашение, на сей раз от сына богатого виноторговца Саймона Бэрри. В доме Саймона гостило несколько человек, и практически все стали друзьями Дианы на многие годы вперед. Они вспоминают девушку, присоединившуюся к компании, как хохотушку, пытавшуюся за громким смехом скрыть застенчивость. Скорее всего, именно так и было: Диана, и

общаясь с Чарльзом, громко разговаривала и смеялась: по ее же собственным словам, она «делала шум».

Каталась на лыжах Диана хорошо, сказывались опыт, полученный в Швейцарии, и ее любовь к спорту. Саймон Бэрри, явно унаследовавший от отца предпринимательскую жилку, основал тогда вместе с друзьями по Итону компанию по организации лыжного отдыха «Лыжник Боб». «Диана без труда завоевала почетный титул и вскоре вела себя как заправский „Боб“. Лихо лавировала на спусках, взвизгивая голосом мисс Пигги — персонажа юмористического шоу…» После полученной травмы Диана не уехала домой, а осталась коротать время с товарищем по несчастью, Адамом Расселом. Иногда ей приписывают близкие отношения с Адамом (правнуком бывшего премьер-министра Великобритании). В 1979 году, окончив Оксфорд, молодой человек уехал на год путешествовать, что принято делать во многих западных странах (это так называемый *gap year,* который берут молодые люди либо перед поступлением в университет, либо после его окончания перед выходом на работу). Какие бы отношения ни связывали Адама и Диану, после возвращения в 1980 году у Адама уже был непобедимый соперник — принц Чарльз.

Некоторые авторы приписывают Диане до обручения с принцем, помимо отношений с Адамом, множество других романов. Наличие пресловутой девственности, о которой столько говорит Диана, оспаривается. Первым ее мужчиной даже называют друга брата Чарльза, Даниела Уигина (младше Дианы на три года). «Нельзя сказать с точностью, что именно он лишил Диану девственности, но точно не Чарльз». Откуда у авторов подобная уверенность, сказать сложно. Все друзья, как один, на редкость единодушно утверждают, что Диана поддерживала с мужчинами в те два года, которые прожила в Лондоне самостоятельно, лишь дружеские отношения. Подруга Дианы вспоминает: «Не могу похвастаться особой проницательностью, но у меня всегда было такое чувство, что она знает, что делает, и сама отдает себе в этом отчет». Рори Скотт, который ухаживал за Дианой, вторит ее подруге: «Она была чертовски привлекательна как женщина, и мои чувства к ней отнюдь не были платоническими. Однако наши отношения не выходили за рамки дружбы. Приходилось соблюдать дистанцию…»

Думается, свидетельства друзей вполне соответствуют истинному положению вещей. Во-первых, вспомним о беседе Дианы с бабушкой и достигнутой «джентльменской» договоренности о пристойном поведении. Ставки были слишком высоки, чтобы рисковать блестящим будущим в качестве жены

принца. Тем более что горький пример Сары стоял перед глазами. Во-вторых, судя по многочисленным воспоминаниям, Диана и правда была застенчива и неопытна. Если Сара еще в школе умудрялась выкидывать вполне взрослые «номера», то шалости ее сестры носили детский характер. В-третьих, если бы Диана была опытной и искушенной, то и с Чарльзом вела бы себя иначе, не как малое дитя. Даже Камилла не принимала девушку всерьез, считая ее неопытной, серой мышкой. В-четвертых, «круг ее знакомых составляли порядочные, хорошо воспитанные молодые люди». В наше время фраза звучит несколько наивно, но факт остается фактом: юноши были ровесниками Дианы или чуть старше. Кто-то из них имел более богатый опыт в общении с противоположным полом, кто-то менее. Но в целом это были юноши, которые в силу возраста (и действительно полученного воспитания) на первое место пока ставили не секс, а дружеские вечеринки, приятное времяпрепровождение и другие развлечения. Принц Чарльз, напротив, имел уже богатейший опыт, несколько подружек и многолетнюю любовницу. Однако он пристально следил (и ему в этом активно помогали) за репутацией потенциальной невесты. Если бы у Дианы и в самом деле была куча любовников, об этом, как и в случаях с предыдущими подругами Чарльза, стало бы точно известно репортерам и королевской семье…

При всей наивности, когда это было ей нужно, Диана проявляла чудеса настойчивости и упрямства в достижении цели. Скорее всего, на тот момент карьера учительницы танцев ее не интересовала. Да, Диана взрослела в сложное время: в конце 1970-х в обществе еще не наступило отрезвление: если, как писал Карл Маркс, в его время по Европе ходил призрак коммунизма, то при Диане по Европе и Америке разгуливала самая что ни на есть реальная сексуальная революция. Диана читала любовные романы Барбары Картленд, а на прилавках уже лежали сочинения Эммануэль Арсан, Сиднея Шелдона (его первые романы по степени откровенности эротических сцен сильно отличаются от последних), Джеки Коллинз (чьи романы Картленд назвала «грязными и отвратительными»)… Но Диана сумела избежать искушения и вела себя два года так, как и следовало себя вести потенциальной невесте принца. Впрочем, она практически ничем не рисковала. Если бы план бабушки провалился, то в 20 лет Диана вовсе не осталась бы у разбитого корыта.

* * *

Летом 1979 года Диана, как ей и обещали, переехала в собственную квартиру. Точно назвать источник финансирования покупки сложно: по одной версии, девушка получила наследство после смерти богатой американской родственницы, по другой — родители не собирались отступать от данного слова и скинулись на квартиру. Третий вариант самый простой — квартиру купила мать (Френсис всегда была куда лучше обеспечена, чем Джонни Спенсер). Последняя версия вполне вероятна, так как всем дочерям первые квартиры покупала именно она. Так или иначе, Сара, работавшая риелтором в крупной компании, присмотрела для сестры приличную жилплощадь, и она была в июле приобретена.

Адрес той квартиры Дианы скоро станет известен не менее, чем Бейкер-стрит, куда когда-то поселил своего героя Конан Дойль. Коулхерн-корт, 60, — квартира с тремя спальнями и гостиной комнатой, в которой Диана жила с 1 июля 1979-го по 23 февраля 1981 года. Естественно, дом находится в престижной и дорогой части Лондона. В плохой район Диану ни родители, ни завидовавшая ей сестра не поселили бы — не комильфо. Описать дом, где располагалась квартира Дианы, можно следующим образом: «Коулхерн-корт — это блок шикарных зданий в несколько этажей, примыкающих друг к другу, построенный между 1901–1904 годами из красного кирпича и белого известняка. В нем расположено 213 роскошных квартир; блок состоит из трех домов, имеет ландшафтный сад, в который есть доступ только для жильцов. В 1979 году квартиру купили за 50 тысяч фунтов. В 1998 году квартира Дианы продавалась за 450 тысяч фунтов. Сегодня квартиры в этом блоке продаются за 1 миллион 400 тысяч фунтов. После свадьбы Дианы Френсис продала квартиру покупателям из Японии за 100 тысяч фунтов, что было по тем временам очень хорошей сделкой».

Довольно быстро дом, в котором жила Диана, стал местом паломничества журналистов. Они даже снимали квартиру в здании напротив, чтобы постоянно иметь возможность следить и фотографировать потенциальную невесту принца. За день до того, как официально была провозглашена помолвка принца с Дианой, ее вывезли из дома в королевскую резиденцию. Подругам она оставила записку: «Ради бога, звоните мне — я чувствую, вы мне будете нужны».

Кто же жил вместе с Дианой? Как всегда, старые подруги: знакомая со школы Кэролайн Бартоломью, уже упоминавшаяся Софи Кимбол, позже Анна Болтон и Вирджиния Питман. У всех подруг впоследствии Диана была крестной их детей. С девушек хозяйка взимала по 18 фунтов ренты в неделю. Все по очереди

убирали квартиру, но Диана вносила наибольшую лепту: «Она надевала резиновые перчатки и хлопотала по хозяйству. Квартира ведь была ее собственная, и она страшно этим гордилась». Даже на двери спальни Дианы красовалась табличка «Chief Chick» — главная девушка (а на жаргоне — главная «телка», «чикса»).

После переезда жизнь Дианы не сильно переменилась. Она разъезжала по Лондону на новой маленькой машине, немного хулиганила в духе своих школьных проказ и умудрялась не переступить ту черту, которую строго провела для нее бабуля. «По вечерам они с Кэролайн любили подурачиться: звонили наугад незнакомым людям, обнаружив смешную фамилию в телефонной книге, совершали набеги на квартиры и машины друзей… Несчастные вскакивали посреди ночи, разбуженные телефонным звонком или стуком в дверь, по утрам не могли открыть машину, потому что замки были чем-то заклеены. В одно прекрасное утро приятель девушек Джеймс Гилби собирался, как всегда, выехать в свой офис на новенькой „альфа-ромео“, но с ужасом обнаружил, что сверкающая полировка заляпана смесью муки и яиц, присохшей не хуже цемента». Друзья в долгу не оставались: могли прицепить к машине Дианы консервные банки, и она, сразу не заметив подвоха, гремела ими на всю улицу. Кого-то за подобные проказы и в тюрьму сажали, но детям из высшего общества, аристократам, прощалось всё. Да и в полицию на друзей жалоб не подавали.

Поселившись в квартире, Диана продолжала поиски работы, и вскоре ее пригласили воспитательницей в детский сад. «Юная Англия», так называлось учреждение, была основана в начале 1960-х годов неподалеку от Вестминстера. Дети от трех до пяти лет ходили в садик пять дней в неделю, а с двух до трех лет посещали его днем три раза в неделю. Именно с последними и работала Диана. Так как у нее оставалось свободное время, она устроилась няней к американской чете Робинсонов, которые и не подозревали, какую аристократку голубых кровей наняли. Согласно их воспоминаниям, Диана никогда не говорила о своей семье, не раскрывала подробностей своего происхождения, хотя американцы и задавали ей иногда вопросы. «Когда ее спрашивали, как она провела выходные, она отвечала, что была „за городом“, а если навещала Джейн в Кенсингтонском дворце, то говорила, что присматривала за племянником в Кенсингтоне». Про парикмахерскую, в которую ходит, говорила, что это «парикмахерская рядом с домом» (что, скорее всего, соответствует истине, только надо знать, в каком районе находится дом), про брата говорила, что он учится, не упоминая названия Итон.

Можно ли назвать подобное поведение истинной скромностью, ведь за пределами дома Робинсонов Диана не скрывала своего происхождения, да и круг друзей не позволял о ней судить как-то иначе. Видимо, здесь объяснение более простое и банальное: для американцев титулы по сути ничего собой не представляют. Узнав позднее, кто работал в их семье, Робинсоны, конечно, решили вставить и свое слово в общий хор воспоминаний. Но так ли важно им было в конце семидесятых, кто сидит у них дома с детьми, тем более, учитывая тот факт, что сиживала Диана с множеством детей друзей и подруг. Сама Диана и вовсе опровергает мысль о простодушии ее работодателей. Девушка работала в садике и няней у Робинсонов фактически до последнего момента своей незамужней, свободной жизни. И Мэри Робинсон, по мнению Дианы, была «самой толковой» ее советчицей. «Мэри, относившаяся ко мне весьма доброжелательно, пару раз осторожно заводила разговор по поводу моих отношений с принцем, но вовсе не пытаясь что-то выведать[2]. Вернее, Мэри выведывала, но не для себя, а для меня самой. Она пыталась навести меня на размышления о том, что же я люблю в Чарльзе и люблю ли я его самого. Мэри осторожно намекала, что принц может оказаться несколько не таким, каким видится в грезах, что не мешает присмотреться к нему поближе».

Но куда интереснее другая подработка Дианы — вскоре после переезда ее наняла собственная сестра Сара. Мотивы у сестры могли быть самыми разными: от желания унизить до банального стремления сэкономить на приходящей прислуге. Платила Сара сестре один фунт в час, что все биографы считают крайне низкой оплатой. На сегодняшний день официальное жалованье помощницы по дому составляет десять фунтов в час (существует, конечно, целый класс домработниц-нелегалов, которым платят сущие копейки, а то и ничего не платят, обеспечивая им лишь стол и крышу над головой). Учитывая инфляцию, один фунт на конец 1970-х годов не представляется таким уж плохим вариантом. Впрочем, образ Золушки из Дианы все лепили весьма старательно, не принимая во внимание многие факторы, в частности тот, что ей в принципе не очень нужна была настоящая работа…

Сара на тот момент проживала вместе с подругой Люсиндой Крейг-Харви. Люсинде Сара посоветовала не стесняться и поручать сестре любую работу по дому. «Диане приходилось пылесосить, мыть полы, стирать и гладить». Многие домохозяйки в этом месте улыбнутся и будут не против получать хотя бы фунт в час за обычную работу по дому, которую они регулярно делают и совершенно бесплатно. Золушка из сказки действительно

трудилась, успевая перебрать крупу и пошить за ночь платья для злобных сестер, но Диана, подъезжавшая к дому сестры на новом авто, чтобы там прибраться, не очень вписывается в образ несчастной замарашки. К тому же нельзя вырывать данный эпизод из контекста: Диана с удовольствием занималась работой по дому, с детства любила бывать на кухне, готовить и гладить.

Таким образом, к моменту помолвки с Чарльзом Диана мало изменилась по сравнению с детскими годами. Естественно, она повзрослела, но в ее характере сохранились те же противоречивые черты: она была застенчива и не любила шумных компаний незнакомых людей, она ничем серьезно не увлекалась и даже любимому занятию балетом не хотела предаваться всей душой. Диана по-прежнему любила спорт и работу по дому, не завязывала серьезных отношений с мужчинами, не любила учиться и читать умные книжки (подруги ей советовали хотя бы чуть-чуть читать газеты). Ее мир был скорее похож не на мир Золушки, а на мир Спящей красавицы, которая ждала своего принца. Два года прошли, как во сне. Окунуться в реальность пришлось сразу после свадьбы, а точнее, уже после официальной помолвки. Пришлась ли Красавице она по душе? Не очень. Ее не заставляли больше убираться за фунт в час и сидеть с чужими детьми, зато пришлось испытать невиданную доселе ответственность за собственную судьбу, судьбу детей и, как это ни высокопарно звучит, за судьбу целой страны…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 1980–1981 ГОДЫ

Глава первая
СПЯЩИЙ ПРИНЦ

В 1980 году бабушкин план вошел в последнюю стадию. Стало ясно, что будить надо не красавицу или принцессу, а самого принца, который, по логике, должен был во всю прыть скакать на белом коне навстречу своему счастью. Но Чарльз обращал мало внимания на Диану, если вообще обращал. Одной из важнейших помех, которая вставала на пути, являлась пресловутая Камилла Шэнд (после первого замужества — Камилла Паркер-Боулз), с которой Чарльз познакомился в далеком 1970 году.

История романа Чарльза с Камиллой изобилует всяческими перипетиями. Еще до знакомства с принцем, в 1967 году, Камилла влюбилась в Эндрю Паркер-Боулза. «Паркер-Боулз, офицер гвардии, красавец, страшно нравился женщинам. Он то и дело изменял Камилле, которая тоже не была скромницей. Ей нравился Чарльз, но любила она Паркер-Боулза». Решись тогда Чарльз на брак, позволили бы ему жениться на Камилле? Сомнительно. Даже девушки с куда более прочной репутацией не проходили экзамена, а что уж говорить о Камилле, чей разгульный образ жизни был достоянием общественности. И в самом деле, поход Чарльза как офицера военно-морского флота почти на год в Карибское море выглядит как ссылка, в которую отправили принца превентивно, дабы противостоять чарам Камиллы и потушить огонь разгоравшегося между ними романа.

Камилла не стала рассчитывать на неустойчивые отношения с Чарльзом. Она прекрасно понимала, что им не дадут пожениться. К тому же влюблялась она часто и в итоге добилась своего: Эндрю Паркер-Боулз не стал дожидаться, пока ее уведет к алтарю кто-то другой, и сделал Камилле предложение. Существует и другая версия развития событий: «После отъезда принца заговорили о свадьбе, но тридцатитрехлетний Эндрю все еще сомневался. И тогда Камилла, как заправская интриганка, разместила в „The Times“ сообщение о помолвке. Жениху ничего не оставалось, как жениться на настойчивой мисс».

Пышная свадьба состоялась в июле 1973 года. Узнав о торжестве, которое происходило в его отсутствие в Англии, Чарльз, по словам очевидцев, очень расстроился. А так как Камилла не собиралась прекращать с ним отношения, то, когда он возвратился, они продолжили встречи даже во время ее беременности, мило воркуя друг с другом. Чтобы не ездить к

любимой на сколько-нибудь дальние расстояния, Чарльз даже купил неподалеку от семейного гнезда Паркер-Боулзов поместье Хайгроув-хаус. Пара не стеснялась проводить время вместе, и когда Камилла забеременела, крестным отцом родившегося в декабре 1974 года ребенка, естественно, стал не кто иной, как принц Чарльз.

В 1978 году у Камиллы родилась дочка. А королевская семья все больше беспокоилась за Чарльза: он не переставал видеться с Камиллой, хотя одновременно заводил и другие романы. Однако Камилла всегда оставалась рядом — чуть дальше, чуть ближе, но из жизни принца она не исчезала. Миссис Паркер-Боулз стала для Чарльза не просто любовницей, а главной советчицей. Когда все дружно подыскивали ему подходящую невесту, она не сидела в стороне и принимала в отборе кандидаток самое активное участие. Зачем ей это было нужно? Скорее всего, тут Диана права: любовница принца не желала терять завоеванные с годами позиции. Она не хотела видеть рядом с Чарльзом реальную соперницу, которая оттеснила бы ее, а то и вовсе убрала с дороги. «Я не подозревала, что моей неожиданной сторонницей стала… Камилла. Просто ее вполне устраивала молодая влюбленная девочка в качестве жены любовника. Камилла надеялась, что я не смогу конкурировать с ней в постели и буду вести себя тихо, как мышка. Моя соперница называла меня серой мышкой!»

Бабушки Диану приметили еще в 1978 году на свадьбе ее сестры Джейн. Но даже через два года, летом 1980-го, Чарльз все время проводил с Камиллой. Он танцевал с ней на поло-балу, не смущаясь посторонних взглядов и присутствия ее мужа. Судя по всему, Камилла тоже понимала, что принцу следует жениться. Тем же летом Диану начали сватать ему куда активнее, чем ранее. Давняя любовница не противилась данному выбору, и отчасти ее мнение о Диане оказалось верным: многолетнюю войну Диана Камилле проиграла…

Таким образом, благодаря действиям бабушек, отсутствию противодействия со стороны Камиллы и советам ближайшего окружения Чарльза встреча с Дианой в июле 1980 года в Петуорте была хорошо подготовлена. Вряд ли Диана вела себя там по заранее оговоренному сценарию. Пожалуй, расчет делался именно на ее наивность, простодушие и молодость, которые должны были привлечь искушенного Чарльза. Конечно, он понимал, что девушку прочат ему в невесты, но оба играли свои роли вполне естественно, а от них ничего особенного и не требовали. Чарльз ненадолго перестал флиртовать с другими женщинами, включая любезную его сердцу Камиллу, а Диана просто оставалась сама собой — милой хохотушкой,

наслаждавшейся пребыванием возле грустного принца (образ грустного и печального Чарльза постоянно всплывает в ее воспоминаниях — удачный, романтический образ, привлекающий юных дев: «он был так одинок», «он казался таким печальным»).

В Петуорт Диану пригласил сын хозяев (его отец дружил с принцем Филиппом, а мать была фрейлиной королевы). Чарльз, обожавший поло, приехал поиграть за команду «Синие черти». После матча состоялся пикник, и Диану посадили возле принца. Разговор зашел о гибели лорда Маунтбеттена: за год до этого ирландские боевики заложили на его яхте взрывное устройство; старый друг и советчик принца погиб. Диана проявила поразившую Чарльза чуткость, сказав, что во время похорон ее сердце разрывалось от боли за него. Весь день Чарльз не отходил от Дианы, осыпая девушку знаками внимания, и даже предложил ей уехать с ним. Диана проявила мудрость и ехать с принцем в Лондон отказалась, сославшись на правила вежливости: уехать значило бы проявить бестактность по отношению к пригласившим ее хозяевам.

Сочувствие, которое выразила Диана Чарльзу, не осталось им не замеченным. Ему всегда не хватало обычного человеческого тепла, и в Петуорте он сумел оценить порыв девушки, проявившей такое тонкое понимание его чувств. «Он всегда был склонен жалеть самого себя, и многие отмечали эту черту как главную слабость его характера». Некоторые биографы отмечают, что Диана сама подняла тему смерти лорда Маунтбеттена, зная, насколько принц переживал из-за его гибели. А так как лорд играл роль и отца, и друга, и советчика, то ее слова «вам нужен кто-то, кто бы о вас заботился» и «это неправильно, что вы один, рядом с вами должен быть близкий человек» отозвались в его сердце соответствующими эмоциями.

Кроме того, во время пикника Диана упомянула и свое увлечение классической музыкой. Чарльз, получивший от девушки отказ поехать вместе с ним обратно в Лондон, тем не менее вспомнил о ней, когда чуть позже собрался посетить Ройал Альберт-холл, чтобы послушать «Реквием» Верди. После концерта планировался ужин в Букингемском дворце. Диану на концерт сопровождала бабушка леди Фермой — конечно, даже в таком невинном времяпрепровождении следовало соблюсти все нормы морали. Принц не лично приглашал Диану, а через своих помощников. Сохранилась его записка камердинеру: «…я хочу пригласить леди Диану Спенсер (внучку леди Фермой) на воскресный концерт в Альберт-холле и затем на ужин в Букингемском дворце». Это был официальный выход, оговоренный и распланированный заранее.

Впрочем, подруга Дианы по-своему вспоминает этот эпизод: «Я пришла домой около шести часов вечера, а Диана собиралась уходить: „Скорее, помоги, у меня через 20 минут свидание с Чарльзом!“ Что тут началось! Нужно было вымыть голову, высушить волосы феном, выбрать платье, одеться… Но мы уложились ровно в 20 минут. Однако, позволю спросить, разве прилично приглашать девушку так поздно?» Не думается, что Чарльз нарочно не предупредил Диану заранее, ведь, судя по его записке, он планировал пригласить ее на концерт и не собирался делать это в последний момент. Но в записке стояла и другая фраза: «Узнайте, можно ли устроить эту встречу». Есть мнение, что Чарльз таким образом высказывает неуверенность в согласии Дианы. Весьма маловероятно, что не знавший отказов принц сомневался в ответе. Тем более в приглашении ничего не пристойного не содержалось. Скорее, он ожидал ответа от приближенных. С той же Камиллой Чарльз спокойно встречался без вмешательства посторонних. В случае с Дианой он, видимо, уже начал понимать, насколько эти отношения могут стать серьезными, и не собирался подвергать репутацию девушки риску. Возможно, Диану пригласили заранее, но окончательно подтвердили договоренность в последний момент. Не исключено и то, что она сама до последнего момента не верила в удачу…

Встреча на концерте не разочаровала Чарльза. Он пошел дальше и пригласил Диану провести с ним выходные на королевской яхте «Британия». «Яхта „Британия“ — старейший корабль королевского флота Великобритании. В период ежегодной Каусской регаты принц Чарльз принимает на ней многочисленных гостей: своих немецких родственников вместе с принцессой Александрой и ее супругом, друзей, участвующих в регате». Регата, проводимая с 1826 года на острове Уайт, является крупным событием в светской и спортивной жизни Великобритании. Ее проводят в начале августа с субботы по субботу. В это время организуется множество мероприятий, включая живые концерты, коктейльные вечеринки и фейерверки.

Понятно, что Чарльз во время подобного события не мог уделять Диане много внимания и перепоручил заботу о девушке своим близким друзьям и личному секретарю. По этому поводу существует два взаимоисключающих воспоминания Дианы, в которых она сходится лишь в одном: ей не хватало внимания Чарльза, а его друзья были гораздо старше ее, и она в их компании чувствовала себя неуютно. «У него было много друзей… Я ужасно боялась, но они меня практически не замечали». И все же они обращались с ней слишком уж дружелюбно, слишком покровительственно. «Шагу мне не давали

ступить», — жаловалась Диана подругам. В чем все сходятся, так это в отношении к Диане слуг и экипажа: она, как и раньше, быстро снискала симпатии простых людей.

Дело двигалось медленно, но в верном направлении: примерно через месяц, в сентябре, Диану пригласили в королевский замок Балморал на Бреймарские игры. Балморал — это частная шотландская резиденция королевской семьи с 1852 года. Кроме величественного замка на территории находятся болота, леса, поля, где можно встретить оленей, пони и других животных. Примерно в часе езды от замка, в Бреймаре, проводится ежегодный «слет», или народные шотландские игры, названные в честь расположенного поблизости городка и замка. Бреймарские игры впервые посетила английская королева Виктория в 1848 году, и с тех пор королевская семья не пропускала ни одного мероприятия. В программе — народные шотландские танцы, метание кейбера (шотландская забава по метанию ствола дерева), игра на волынке, эстафетная гонка, прыжки в длину, бег в мешках для детей, метание молота, спринт, бег по пересеченной местности и перетягивание каната.

Диана поселилась с приехавшей в Балморал сестрой Джейн и ее мужем в специальном отдельном коттедже для придворных. Чарльз звонил ей и постоянно приглашал то на ланч, то на рыбалку: «Не хотите ли присоединиться к нам на прогулке или отправиться на барбекю?» Когда из Дианы пытаются «лепить» современную Золушку, простую, обычную девушку, попавшую во дворец на бал, то в ход пускается всё. Например, в Балморал она собиралась второпях (как и на концерт в Альберт-холл) и с собой взяла всего одно вечернее платье, надеясь купить что-нибудь на месте. «Я наивно полагала, что в Балморале, на природе можно пожить в свое удовольствие с бесконечными пикниками, сельскими развлечениями, мало подвергаясь различным ограничениям, особенно ритуалу. На всякий случай я взяла с собой всего одно вечернее платье, да у меня и не было десятка, во всяком случае, подходивших для королевского приема не было. Мой гардероб был довольно скромен, к тому же я просто полагала, что сумею съездить в ближайшие магазины и что-то купить в случае необходимости».

Странная наивность, если не сказать безалаберность. Даже Золушке Фея быстро наколдовала бальное платье и туфельки, а тут все вполне можно было продумать заранее и без помощи сказочной волшебницы. К тому же Джейн уже бывала в замке и, несмотря на то, что не находилась в самом ближайшем окружении королевы, наверняка знала обычаи и правила, которые там царили. Впрочем, Диана не попала впросак: она как-то

обошлась своим гардеробом, хотя правила в Балморале существовали, и притом достаточно жесткие: «Те, кому удавалось благополучно миновать все ловушки этого запутанного лабиринта, негласно именуемого „балморалским экзаменом“, могли вздохнуть с облегчением: благосклонность королевской семьи была гарантирована. Если же новичок вел себя неподобающе, он исчезал с королевского небосклона так же быстро, как исчезают туманы с шотландских холмов».

А среди правил, конечно, существовал дресс-код, согласно которому в брюках разрешалось появляться только на рыбалке и охоте. Именно на рыбалку чаще всего Диана и сопровождала Чарльза — возле реки они проводили много времени наедине. Принц учил девушку забрасывать удочку, а она с удовольствием шлепала с ним по болотам, утопая «по уши» в грязи. Думается, ее интерес к подобным прогулкам был искренним, а не умным способом «приручить» Чарльза. Здесь ведь сразу приходят на ум детские и школьные забавы Дианы. Она любила активный отдых, спорт, а не заумные беседы за столом, где приходилось к тому же находиться под пристальным взглядом придворных и членов королевского семейства. Еще находясь в замке Олторп, Диана ненавидела приемы мачехи и считала нелепыми изысканные наряды Рейн. Поэтому сбежать к речке для нее было делом естественным. Ну а принц, напротив, к такому поведению дам не привык и радостно обучал свою новую подругу правильно насаживать на крючок червяка.

Возвратившись, Диана продолжала вести себя куда как верно. Камилла, по словам знакомых, считавшая Диану «бестолковой» и не видевшая в ней никакой угрозы, немного просчиталась. Именно в начале отношений с принцем Диана своей простотой и юношеским глуповатым задором снесла все препятствия, которые теоретически могли возникнуть на ее пути к сердцу Чарльза. После рыбалки она докладывала королеве, что лучше ее сына рыбака в мире не сыскать, что с червяками она уже справляется куда как ловко именно благодаря его помощи. Принцу Филиппу Диана помогала жарить бифштексы, а после вызвалась помочь убрать посуду. Опять-таки сомнений эти воспоминания не вызывают — Диана любила хлопотать по хозяйству, отлично готовила и ничего зазорного в том, чтобы помогать всем и вся, не видела.

Первое серьезное столкновение с папарацци произошло там же, в Балморале, и из него Диана тоже вышла с честью. Журналисты попытались сделать фотографию принца и Дианы с другого берега реки, но девушка спряталась за деревом и следила за ними с помощью маленького зеркальца. «Накинув платок

поверх шляпки, она вышла из своего укрытия и исчезла в прибрежном сосняке. Как ни старались журналисты поймать ее лицо объективом фотоаппарата, им так и не удалось установить личность спутницы принца Чарльза». Бытует мнение, что описанный эпизод характеризует Диану как расчетливо идущего к своей цели человека, а вовсе не простого и наивного. Да, видимо, Диане помогли проторить дорожку во дворец две черты ее характера: детская наивность, полное нежелание взрослеть и нести ответственность, сначала привлекавшие Чарльза, который был на 13 лет ее старше. И, тоже по большому счету детская черта, — умение иметь дело с теми, кто ей досаждал и был неприятен (няни, мачеха, а позже папарацци). Игра с журналистами закончится в итоге весьма скверно, но до свадьбы Диана будет именно играть, продумывая ходы и получая удовольствие от каждой проделки, в результате которой удавалось обмануть опытных акул пера…

Одна из знакомых принца очень точно выразилась, описывая Диану в Балморале: «Она была похожа на настоящую английскую школьницу, для которой всё вокруг — игра. Диана была очаровательной, очень естественной и очень юной. Она была явно влюблена в принца и очень хотела его заполучить».

Вскоре после визита в Балморал последовало приглашение посетить Беркхолл. Все-таки сговор бабушек имел место: приглашала Диану не кто иной, как сама королева-мать. Беркхолл располагался неподалеку от Балморала и являлся ее личной резиденцией. Королева-мать лично осматривала комнату, в которой планировали разместить Диану, и просила одну из фрейлин «разузнать все об этой девочке». В свою очередь, Рут Фермой после поездки настойчиво интересовалась, «как все прошло» и «справилась» ли Диана.

На сей раз девушке пришлось напрячься чуть сильнее. Наверное, инструкции бабушка давала и ранее, но природные черты характера и естественные наклонности не вступали с ними в противоречие. К Беркхоллу Диана подготовилась основательнее. Ей пришлось забросить романы Барбары Картленд подальше и взяться за Роберта Бернса, уроженца тех мест, куда ей предстояло выехать. Диана сама себя называла «тупой как бревно», но тут же добавляла: «…но таковой совсем не была и прекрасно понимала, что для себя можно читать дамские романы, а для принца нужно нечто поумней».

Помогали Диане не только интуиция и советы бабушки. На ее стороне тогда находился и будущий недоброжелатель, камердинер Чарльза Стивен Барри — тот самый, которому принц поручил пригласить Диану на концерт и последующий ужин.

Камердинер давал девушке знаки, когда помолчать, когда пошутить, когда принц склонен повеселиться или послушать музыку. Она делала именно то, что от нее хотели. Естественно, впоследствии обнаружилась разница в характере и предпочтениях пары, но пока все шло замечательно. Диана, не напрягаясь, следовала пожеланиям и настроению Чарльза, а он принимал эти проявления за чистую монету. Диана признавалась потом, что так и не полюбила те книги, которые «обожал» принц. А проблемы оказались не только в книгах.

Несколько слов заслуживает и сам принц. Он в наивности подруги видел искренность и полное отсутствие фальши. Позже, узнав об эмоциональной нестабильности Дианы, он всю вину перенесет на семейство Спенсер, скрывшее от него нелицеприятные факты. Во время бракоразводного процесса Чарльз скажет: «Они нарочно скрыли от меня факты». Но по большому счету в 1980 году он был «обманываться рад». Приступы булимии обострились у Дианы после свадьбы, «розовые очки», как у многих барышень, с глаз свалились тоже после торжественной церемонии. Чарльз, любивший побыть один, не привыкший решать чужие проблемы, не давал Диане повода пооткровенничать с ним. А Диана быть откровенной и не умела — свои эмоции она привыкла выражать при помощи слез, истерик и пакостей по отношению к лицам, их спровоцировавшим. Завоевывая Чарльза, она понимала (с помощью чужих ли советов или самостоятельно), что истинное лицо показывать рано…

Впрочем, до свадьбы дело еще не дошло, а папарацци удалось выследить новую подружку принца. Они стерегли Диану и возле ее дома, и возле садика, где она работала. В садике было сделано несколько известных фотографий: Диана весьма выгодно на них выглядит, держа за руки или на руках маленьких детишек. Лишь один нюанс, и то сыгравший в ее пользу, вызвал нарекание Чарльза: на Диане была надета полупрозрачная юбка, а фото сделали так, что ее длинные ноги стали достоянием всего света. Видимо, Чарльзу это даже польстило: замечание он сделал, но и комплимент сказать не забыл: «Я знал, что у вас красивые ноги, однако не мог предположить, что это столь эффектное зрелище».

В конце концов папарацци сделали жизнь Дианы крайне тяжелой. Они следовали за ней везде и всюду, постоянно дежурили возле дома и работы. Кроме того, они звонили ей в любое время дня и ночи, пытаясь выведать подробности романа с принцем. Диана признавалась, что рыдала по ночам и постоянно находилась в состоянии стресса. Когда Чарльз ей звонил, она не жаловалась, но девушке было обидно, что принц чрезмерно волнуется по поводу Камиллы, осаждаемой журналистами. Ведь и

ей приходилось несладко! То ли Диане посоветовали не докучать Чарльзу своими проблемами, то ли она на самом деле не считала нужным с ним делиться, но во время подобных разговоров она держала язык за зубами. Журналистам она тем более не сообщала никаких подробностей романа с Чарльзом. Диана пряталась, разыгрывала целые спектакли с участием подруг и часто умудрялась сбегать от всевидящего ока папарацци. «Возвращаясь домой, она выходила из машины за квартал от Коулхерн-корт, чтобы журналисты возле дома не заметили, кто ее привез». Посредником в организации свиданий, как и ранее, выступал камердинер Чарльза.

До наступления зимы несколько раз принц приглашал Диану и в свой дом в Хайгроув, тот самый, который он купил, якобы чтобы находиться поближе к месту проживания Камиллы. Обычно Чарльз привозил Диану, шел охотиться, затем они вместе ужинали, и девушку отвозили обратно в Лондон. Очевидно, что за ее репутацией следили: если Диана и оставалась где-то ночевать в одном доме с принцем, то только при большом скоплении гостей. Папарацци такое положение дел не устраивало — не удавалось раздуть скандала. Поэтому вскоре они решили его сфабриковать.

1 ноября Диана присутствовала на приеме у принцессы Маргарет, с которого ей пришлось сбежать, вновь обманув журналистов, простоявших впустую на холоде возле Сандрингема. Радости краткий визит не принес ни Диане, ни Чарльзу: из-за раннего отъезда и папарацци им не удалось даже погулять вместе. И вот буквально через несколько дней в газете «Sunday Mirror» была опубликована статья, в которой утверждалось, что ночь с 5 на 6 ноября Диана провела с Чарльзом в королевском поезде, стоявшем на запасном пути. В предыдущие разы открыто на сторону Дианы никто не вставал, никто не считал нужным ее защищать. Но и никакой откровенной лжи, которая могла бы запятнать ее репутацию, газеты не публиковали. Даже снимки из детского садика в полупрозрачной юбке не нанесли ей большого вреда. Статья про свидание в королевском поезде нарушила относительное спокойствие, царившее вокруг суетившихся возле Дианы репортеров.

Первой потребовала от газеты опровержения сама королева: ее секретарь тут же написал главному редактору, и тому пришлось извиниться и откреститься от напечатанных в газете «фактов». Просто так журналисты бы не сдались, но они и в самом деле допустили досадный промах: «В тот вечер она (Диана. — *В. Б.)* присутствовала на вечере у принцессы Маргарет, и репортеры фотографировали ее там. Домой на Коулхерн-корт

она вернулась около часа ночи. Чарльз же уехал гораздо раньше — в десять или в половине одиннадцатого — и на поезде отправился с официальной миссией». А дама, которую якобы засекли папарацци, прошла в поезд около полуночи.

За Диану вступилась и мать. Френсис написала письмо в «Times», где жестко отстаивала право дочери на личную жизнь. Это послание спровоцировало дискуссию между членами парламента, собравшими совет по печати и сделавшими слабую попытку поставить журналистов на место. Должной роли эти действия не сыграли — Диану продолжали преследовать. Но инцидент показывает несколько интересных моментов. Во-первых, королева лично заботилась о добром имени будущей невестки — Диане уже была определена серьезная роль. Девушка свою репутацию старательно берегла, и в критической ситуации ее сразу же постарались защитить. Во-вторых, как показали последующие месяцы, мать Дианы постоянно помогала дочери, насколько было в ее силах. Отец все еще болел, и роль опекуна полностью взвалила на себя Френсис. В отличие от хладнокровной бабушки Фермой мать прекрасно видела те сложности, с которыми сталкивается Диана; она, видимо, лучше понимала и ее характер.

А кто же была та таинственная незнакомка, которую засек журналист входящей в королевский поезд? Журналистские расследования доказали, что некая женщина действительно прошмыгнула к Чарльзу (его пребывание в королевском поезде не подвергалось сомнению). Вывод напрашивался сам собой — это была Камилла. Правда, некоторые биографы, упорно муссирующие слухи о том, что Диана вовсе не была девственна, встречаясь с Чарльзом, и что их отношения тоже были далеки от платонических, утверждают: в поезд входила именно Диана. Принимая во внимание ее способность обманывать репортеров, выходить из дома и возвращаться в него незамеченной, вполне возможно предположить и такое. Зачем же тогда сразу публиковать опровержение? В угоду просьбе секретаря королевы? Нет, видимо, в полночь автор статьи не разглядел женщину настолько четко, чтобы как-то доказать свои слова.

В любом случае статья про свидание в королевском поезде лишь подстегнула интерес к Диане и ускорила свадьбу. На Чарльза начали не на шутку давить. Родственники «твердили, что, если после всего этого Чарльз не женится на Диане, ее репутация будет погублена навсегда». Находились люди, откровенно этому возражавшие (далеко не все при дворе высказывались положительно относительно возможного брака принца с Дианой и видели, насколько они разные люди, а она не

приспособлена для жизни при дворе). Они утверждали, что после такой истории Диана станет только популярнее и найдутся желающие взять ее в жены. Конечно, так оно и было, но Чарльза беспокоила скорее не репутация подружки, а данное им народу обещание. Так или иначе, он обязан был жениться.

Глава вторая
ПОМОЛВКА

Рождество Диана отмечала дома в Олторпе. Принц уехал с официальным визитом в Индию, и девушка постоянно жаловалась подругам на одиночество. «Легко представить мое смятение, — пишет Диана в воспоминаниях спустя годы, — когда Чарльз, вместо того чтобы провести Рождество со мной, вдруг отправился с визитом в Индию! Крушение моих надежд, всей моей жизни было так близко, что я не выдержала и отправилась в Олторп». Таким образом, очевидно, что, даже став женой принца, Диана так и не захотела понять: он не принадлежит ей и не может выполнять ее прихоти, являясь лицом государственным. К тому же очень сомнительно, что Чарльз уехал в Индию «вдруг». Подобные планы оговариваются задолго до их воплощения в жизнь.

Версия мачехи куда ближе к истине. Она печаль и слезы Дианы объяснила следующим образом: «Диана большую часть времени провела в парке, оплакивая нежелание Чарльза сделать ей предложение». Получается, дело не столько в Рождестве, сколько в боязни Чарльза решиться предложить Диане руку и сердце. Она столько сил положила на алтарь их будущей свадьбы, а он все никак! Рейн старалась ободрить Диану, но уж если Диане кто не пришелся ко двору, мы уже знаем, принципиального потепления отношений не жди. Диане слова мачехи казались «неуместными». Рейн была слишком энергична, полна жизни и не умела подстроиться под настроение падчерицы.

Кроме несделанного предложения Диану наверняка смущало и другое обстоятельство: на Рождество, по-хорошему, ее могли бы пригласить во дворец. Но королевская семья идти на подобный риск пока не хотела. Одно дело — уговаривать принца жениться, советовать ему приглядеться к конкретной особе, а совсем другое — эту конкретную особу приглашать во дворец в отсутствие принца. Подобное было бы чуть ли не прилюдным признанием статуса Дианы. А если Чарльз в итоге не решится сделать последний шаг? «Он бы предпочел, если бы не обязательства перед нацией и обязанности перед королевской семьей, остаться холостяком». Диана прекрасно понимала, почему ее не позвали, но данный факт не мог улучшить ей настроение.

Важно отметить, что многие журналисты, которых так ненавидело королевское семейство и которых старательно избегала Диана, стояли на ее стороне. Они открыто желали ей

выйти замуж за принца, не скрывая своих симпатий. И Диана старалась с репортерами быть дружелюбной, ее игру в прятки они воспринимали именно как игру. Если ответы, которые порой давала журналистам Диана, не нравились ее семье (а значит, и семье Чарльза), то все, кто мог, начинали давать опровержения, ссылаясь на наивность девушки и желание прессы этим воспользоваться.

Новый год Диана встретила с подругами, а там уже и Чарльз вернулся, и на посленовогоднее празднество пригласил ее в Сандрингем. Правда, до своего возвращения он заставил Диану поволноваться. Ведь дело заключалось не только в Рождестве как таковом. Ни разу за время отсутствия Чарльз не звонил ей из Индии, а на обратном пути в Англию, вместо того чтобы рваться к любимой, он посетил Гималаи. В итоге они оба очутились в Сандрингеме, осаждаемые прессой не менее обычного. Вокруг замка поставили заслон из охраны, но журналисты умудрялись проникать на закрытую территорию. Сама королева приказывала им убираться подальше, Чарльз желал им в наступившем году всяческих гадостей, а принц Эдуард палил в воздух, отпугивая слишком близко подобравшихся репортеров.

Однако отношения между Дианой и Чарльзом становились теплее и ближе. Окружавшие замечали перемены: пара могла уединиться и танцевать вдвоем в одном из залов дворца, а вскоре Диана посетила Хайгроув, из которого выехала вопреки обыкновению рано утром, чтобы сразу отправиться на работу в садик. К ней вернулся оптимизм, потому что действия принца неожиданно начали настраивать ее на подобный лад. «В январе принц дал распоряжение своему секретариату отправлять Диане копию его деловых планов на неделю, чтобы она знала, где он находится, — впервые он сделал нечто подобное для девушки».

Тем не менее Чарльз заставил Диану еще немного помучиться: в конце января он уехал к друзьям на виллу, находившуюся в горах Швейцарии. Диана опять отчаялась, не зная, что и думать. Все вокруг разрывали ее на части, допытываясь, а не сделал ли все-таки Чарльз ей предложение. Ситуация накалялась, а Чарльз, для которого этот шаг был куда как непрост, отдыхал и пытался принять единственно верное решение. Его друзья, как и прежде, не советовали ему жениться на Диане, считая ее глупой, а брак с ней катастрофой. Семья, в свою очередь, стояла на противоположных позициях, считая Диану чуть ли не последним реальным шансом женить свободолюбивого наследника престола.

Дальше события развивались стремительно: 5 февраля Чарльз приехал из Швейцарии «отдохнувший и загорелый». Он сразу же

поехал на авианосец королевских ВМС принять участие в маневрах. Затем он вернулся в Букингемский дворец и пригласил Диану назавтра в Виндзор на свидание. Сложно сказать, каких слов ожидала услышать Диана. Ее воспоминания часто противоречивы и сбивчивы. Одно точно — Чарльз признался, что скучал по ней в горах, и сделал предложение. Диана захихикала…

Здесь можно привести подробное описание свидания, так как у биографов его детали не сильно разнятся. Итак, первая фраза так или иначе выражала грусть Чарльза в Швейцарии. Наверное, он успел привыкнуть к будущей невесте и искренне скучал по ней или посчитал вежливым начать беседу именно с этой фразы. Сразу после этого Чарльз предложил Диане стать его женой. Услышав смех Дианы, Чарльз постарался все же заставить ее взглянуть на дело серьезно: «Вы понимаете, что когда-нибудь станете королевой?» Тут Диана постаралась взять себя в руки и быстро произнесла: «Да, я очень вас люблю».

О чем думал в этот момент Чарльз? Скорее всего, он прекрасно понимал, что сидевшая рядом девушка не осознавала и близко, во что ввязывалась. Его ответ — «Что бы ни значило это слово „любовь“» — интерпретируют по-разному, но сходятся в одном: Чарльз не любил Диану и не смог, даже делая ей предложение, выдавить из себя ответное признание в любви. В самом ли деле Чарльз был так равнодушен и бессердечен? Да, ему было сложно решиться, наконец, связать себя узами брака. Он не звонил Диане, отсутствуя в Англии, и она начала планировать отъезд в Австралию, погостить у матери и отчима, которые там в тот момент находились. Мачехе Диана писала: «Я думаю, это так правильно, отправиться в Австралию, ненадолго, две с половиной недели только пойдут нам впрок».

Чарльз успел сделать предложение до отъезда Дианы. Многие биографы уверены: он не сомневался, что девушка попросит тайм-аут. Это вполне логично, подумать как следует, вдали от любимого принца, вдали от Англии, в незнакомой обстановке о будущей жизни в качестве жены принца. Но Диана вскричала: «Да, да!!!» И в своей излюбленной манере захихикала. Тут-то Чарльз и решил ей напомнить про королевское будущее. Позже в воспоминаниях Дианы всплыла фраза: «В глубине души шевельнулось предчувствие: не бывать ей королевой, и брак с наследником престола не будет безоблачным». Однако предчувствие не остановило девушку. А ведь суть предостережения Чарльза состояла не в напоминании о королевском статусе, а о статусе члена королевской семьи, который накладывает на человека большие обязательства. И дело

не в «голубой крови» — ее у Дианы в жилах текло достаточно. Дело — в волевом характере, в стальном стержне, не дающем согнуться. Так или иначе, но фраза: «Что бы ни значило это слово „любовь“» — ничего страшного в себе не содержала: Чарльз был философом и на самом деле недалек от истины. Как только люди не интерпретируют данное чувство!

* * *

Работая над книгой, я увидела фотографии, сделанные в Шотландии во время Бреймарских игр. Королева Елизавета II сфотографирована после развода Чарльза с Дианой и уже после женитьбы принца на Камилле. Пожилая женщина быстро поднимается вверх по холму. Вся ее фигура — как у того атлета, который выступает на соревнованиях по спортивной ходьбе: и бежать нельзя, и идти надо максимально быстро. Прямая спина королевы чуть наклонена вперед, на голове красуется одна из ее многочисленных шапочек, на ногах прочные туфли на низком устойчивом каблуке. Елизавета — женщина низкого роста с внешностью обычной бабушки, выглядящей бодро, но на свой возраст. Однако тот самый стальной стержень — налицо. На других фото все вокруг кутаются в легкие элегантные пальто. Видно, что на улице холодно и ветрено. Одна королева стоит в нормальной, не «скукоженной» позе, улыбаясь и принимая положенные почести. Может, ей и холодно, но она не привыкла показывать людям свои слабости. Не принято. Не комильфо…

* * *

Запала Дианы хватило ровно до того момента, когда ей сделали предложение. В последнее время она явно теряла силы, выделенные организмом на короткую дистанцию до свадьбы. «Я устала, — вспоминала Диана. — Мне хотелось, чтобы принц Чарльз поторопился и покончил со всем этим». Какое тут уехать в Австралию и подумать! Диане поставили цель, она согласилась идти к ней и, увидев конец туннеля, из последних сил рванулась к этому месту, которое оказалось лишь началом нового туннеля.

Вернувшись домой, Диана позабыла о странных словах принца и принялась на радостях пить шампанское с подругами. Чарльз был прав: для нее слово «любовь» значило одно, для него другое. Разница в значении существенная — принц осознавал ответственность, невеста этой ответственности даже видеть не

желала. Как после Диана напишет в воспоминаниях, она и Камиллу замечать не хотела. То есть о ее существовании не знал только ленивый, и Диана писала именно так: «Я же не знала о Камилле, вернее, не хотела знать». Точно так же девушка не хотела знать и о многом другом…

О помолвке пока официально не объявлялось. Диана отправилась, как и планировала, в Австралию. Туда Чарльз тоже не потрудился позвонить, когда же Диана набрала его номер, принца во дворце не оказалось и он не вернул звонок. Впрочем, камердинер Чарльза утверждает, что жених звонил в Австралию. Диану однажды не позвали к телефону, потому что думали, звонит очередной репортер, выдавая себя за Чарльза. Истину узнать сложно, но, принимая во внимание тот факт, что Диана постоянно винила всех и вся в своих бедах, вполне возможно, и тут решила слегка очернить жениха. В Австралии она жила не на ранчо отчима, и журналистам так и не удалось ее отыскать. Единственный нюанс, по ее словам, состоял в отсутствии шопинга. «Диана наслаждалась полным инкогнито. Она плавала и занималась серфингом на великолепном пляже, но сопровождать мать в походах по магазинам не могла, боялась, как бы ее не узнали. Во время отдыха в Моллиуке она, по ее собственным словам, последний раз имела возможность прогуляться в одиночестве».

Официальное объявление о помолвке назначили на 24 февраля 1981 года. Для выступления перед журналистами Диане купили голубой костюм и блузку с бантом. И опять всплывают две версии: по первой — мать отправила дочь в «Harrods», где та и приобрела наряд, по второй — одежду Диане купил непонятно кто и непонятно где: «Ей сделали неудачную укладку и подобрали довольно неуклюжий, старомодный синий костюм». «С дурацкой блузкой», — добавляет Диана, обвиняя в выборе придворных дам. На мой взгляд, вроде ничего такого уж страшного, и прическа вполне в духе Дианы.

Пересказ происходившего в тот же день опубликовали «BBC News»: «Принц Чарльз сделал предложение леди Диане во время закрытого обеда в Букингемском дворце перед ее отъездом в Австралию (видимо, в официальном релизе говорилось не про встречу в Виндзоре — куда романтичнее, конечно, выглядел обед в Букингемском дворце. — *В. Б.)*. Он хотел, чтобы она использовала эту поездку для обдумывания его предложения, но она тут же согласилась, и он подарил ей бриллиантовое обручальное кольцо с сапфиром[3]. Леди Диана оставит работу в детском саду и переедет из квартиры, которую она арендует совместно с подругами, в Кенсингтон, в Кларенс-хаус, где будет

жить до свадьбы… В интервью BBC 32-летний принц сказал, что он „рад и откровенно удивлен, что Диана готова принять меня“. Поглядывая смущенно из-под своей длинной, светлой челки и периодически хихикая, Диана сказала, что она тоже „рада, испытывает сильное волнение и безумно счастлива“. Когда ее спросили, как она справится с таким резким изменением в жизни, она сказала: „Я не могу сделать что-то не так, ведь рядом со мной Чарльз“… Они поженятся в конце июля, но когда и где, еще точно не было решено. Граф Спенсер, отец леди Дианы, сказал, что его дочь справилась с постоянным давлением со стороны средств массовой информации, которое на нее оказывалось в течение последних шести месяцев, очень хорошо. „Сейчас будет проще. Она будет находиться под защитой, в то время как ранее ей пришлось держать удар самостоятельно“, — сказал он».

Вечером того же дня Диане помогли собрать вещи и перевезли ее во дворец. Обычно в этом месте сказки заканчиваются. Изредка читателю описывают красивую свадьбу, но вот уж после торжества точно ставится точка. Принцесса не может быть несчастлива, она же так стремилась под венец. Ей примерили туфельку, подарили кольцо, сшили красивое платье — лучше финала не придумаешь. Однако у Дианы неприятности начались после помолвки, до свадьбы. Сказка потихоньку превращалась в реалити-шоу, причем невеста, не раз бывавшая во дворце, почему-то увидела не то, что ожидала, и расплакалась…

Инспектор из Скотленд-Ярда, перевозивший Диану из ее квартиры в королевские апартаменты, изрек: «Должен вас предупредить, что с завтрашнего дня вы перестанете быть свободным человеком». Догадаться бы Диане раньше, но тогда обдумывать очевидное ей не хотелось.

Глава третья
МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Период от переезда во дворец и до свадьбы оказался, с одной стороны, весьма насыщенным, с другой — скучным и лишенным привычных Диане развлечений. Кларенс-хаус, резиденция королевы-матери, куда привезли Диану поначалу, девушке не понравился. В пользование ей предоставили гостиную, спальню, ванную комнату и кухню. Кларенс-хаус — это величественное, светлое, четырехэтажное здание, примыкающее к Сент-Джеймсскому дворцу. Сейчас он является официальной резиденцией Чарльза. А с момента помолвки и до гибели Дианы этот дом так и оставался ее резиденцией. Возле здания располагается прекрасный сад, внутренние помещения с огромными окнами не выглядят темными и никак не похожи на тюрьму. Странно, что Диана была удивлена и удручена тем местом, куда ее привезли после Сандрингема и Олторпа: похожие длинные коридоры, картинные галереи, старинная посуда и мебель.

Если не знать предыстории, если бы Золушка и правда явилась во дворец из маленького домишки в лесу, то описание новых условий, в которых она оказалась, напугали бы любого: «Огромный двор за оградой с воротами, полицейские будки, барьеры службы безопасности — все это отделяет дворец от людей… Огромное серое здание способно напугать любого. А внутри вас ждет лабиринт коридоров, идущих вокруг центрального двора, темных и полных воспоминаний о прошлом. Вдоль стен выстроились мраморные бюсты, на стенах рядами висят картины. Дворец не выглядит жилым — повсюду придворные, слуги в униформе».

Пройдет некоторое время, и Диана переедет в Букингемский дворец (можно сказать, расположенный по соседству). Подруги вторят авторам биографий про мрачную жизнь Дианы после помолвки. «Она переехала в Букингемский дворец, и ее жизнь превратилась в сплошной кошмар. Бедняжка страшно исхудала. Я так беспокоилась за нее, — вспоминала Кэролайн. — Ей было очень плохо, все эти проблемы обрушились непосильным бременем. Она попала в настоящий водоворот, голова шла кругом, и не за что было уцепиться. Это была тень прежней Дианы».

В то время у невесты были две основные проблемы — Камилла и булимия. Многолетняя любовница принца не

собиралась просто так уходить со сцены. Сразу после объявления помолвки она пригласила Диану на обед. Письмо с приглашением та обнаружила на своей постели в день переезда в Кларенс-хаус. В марте обед состоялся. Кроме Дианы на нем, естественно, присутствовали Чарльз и Эндрю. Камиллу интересовали планы Дианы на Хайгроув. Якобы она спросила: «Вы собираетесь ездить с принцем на охоту?» Диана ответила отрицательно, так как охоту не любила, а позже подумала, что Камиллу волновала возможность дальнейших свиданий с Чарльзом и устраивать их она намеревалась именно в момент его отлучки на охоту.

Оправдывать Камиллу тут не приходится. Она не желала отступать и не предполагала просто взять и отдать Чарльза жене в полное пользование. Она не видела ничего зазорного в адюльтерах, так как сама изменяла мужу, ничего против них не имевшего и погуливавшего от супруги. Говорят, ему даже льстила связь жены с принцем. Диану понять можно: она-то не желала терпеть прежнюю любовницу возле Чарльза. Но верно повести себя в той ситуации ей не позволили ни возраст, ни состояние нервной системы.

Найти подругу, с которой можно было бы поболтать и посоветоваться, Диане также было сложно. Все вокруг твердили одно: маховик запущен, отменять свадьбу нельзя. Мама, постоянно навещавшая дочь во дворце, ей сочувствовала, но тоже призывала взять себя в руки. Сара вообще ехидно заметила, что к свадьбе уже выпущены сувениры с изображением пары — отступать, мол, некуда. Диана жаловалась на одиночество, тогда к ней стали допускать подруг. Те вторили матери и сестре, да и посещать Диану слишком часто не имели возможности: это было не то время, когда они жили все вместе в одной квартире. Диана говорила: «Я так сильно скучала по своим девчонкам! Мне страшно хотелось вернуться в нашу квартирку, сидеть там, смеяться, меняться одеждой, болтать о всяких глупостях — снова оказаться в моей уютной и безопасной скорлупке. Я не могла поверить, что вокруг меня все такие холодные!»

Надо отдать ей должное, Диана пыталась наладить отношения внутри дворца. Она иногда навещала королеву, пыталась общаться с Чарльзом. К ней приставили личного секретаря, с которым она проводила много времени, и фрейлину. Но советчики из них вышли никудышные, да и компаньоны тоже. Они либо были заняты делами, либо, как вспоминает Диана, бездельничали, однако бездельничали у себя дома, не стесняясь сделать что-то неправильно. В итоге Диана по привычке начала общаться со слугами, проводя время на кухне. Те точно не

советовали ничего умного невесте принца, просто болтали о том о сем, поддерживая разговор, и угощали ее чаем с тортом.

Странно, но Диана не понимала, что, выходя замуж, практически любая девушка выпадает из привычного круга общения, уезжает из родного дома, куда меньше встречается с подругами. Ей в любом случае приходится приноравливаться к правилам поведения, принятым в семье мужа, а уж в королевской семье и подавно. Создавалось впечатление, что Диана ожидала, как в сказке, счастливого финала после помолвки: влюбленные стоят перед зрителями, кланяются и расходятся по своим делам. А то, что в реальности жизнь продолжается дальше, ее неожиданным образом удивило, и удивило неприятно…

Противоречие состоит и в том, что Диану пытались занять. Например, предлагали выбрать себе фрейлин. «Мне тогда ничего не хотелось делать самой», — признавалась Диана. В итоге она говорила, что со всем согласна, и не старалась принять участие в выборе. Правда, в некоторые вещи Диана пыталась вникать. Одной из увлекавших ее задач являлось составление нового гардероба. Мать помогала Диане с выбором и прислала ей модельеров из журнала «Vogue». Фактически с помощью Дианы они сделали себе имя, сшив ей подвенечное платье. Впрочем, и в этой области у Дианы случались проколы. Самый известный касается открытого черного платья тех же модельеров из «Vogue». Дело в том, что в королевской семье царили строжайшие правила, что и куда надевать, сколько раз менять наряды и так далее.

Чарльз предупредил Диану, что надевать черное принято только на похороны, в качестве траура. Кроме того, платье было слишком декольтированным, без бретелек. Но Диана упрямо надела его на благотворительный бал, посвященный сбору средств для Королевской оперы, состоявшийся 9 марта в Голдсмит-холле. На фотографиях, в больших количествах сделанных в тот вечер, видно смущение Дианы. «Черный цвет был самым стильным для девятнадцатилетней девушки, — считала Диана. — Это было настоящее взрослое платье. Тогда у меня была довольно пышная грудь, и платье смотрелось замечательно… Но это оказался один из самых ужасных вечеров в моей жизни. Я не знала, можно ли выходить первой, не знала, в какой руке держать сумочку — в левой или в правой. Я была в настоящей панике — все получилось неправильно». Пока она на подобных мероприятиях чувствовала себя неуютно. Другие женщины были одеты несколько иначе, и принц не преминул сделать ей замечание.

Нюансы на этом не закончились. Диана практически все в мире моды открывала для себя заново. «Ее повседневная одежда

должна была выглядеть безупречно на любой, самый придирчивый вкус и, что немаловажно, надежно защищать ее от капризов погоды, вроде внезапно налетевшего ветерка, от которого вздувается юбка — на радость подоспевшим фоторепортерам. С этой целью в кромку юбки вдевается специальный утяжелитель. Диане предстояло овладеть подобными маленькими хитростями и постепенно выработать свой стиль, научившись разбираться в рейтинге мастеров высокой моды».

Известная американская актриса, а на тот момент уже принцесса, Грейс Келли, жена князя Монако, познакомилась с Дианой именно на балу в Голдсмит-холле. Она попыталась поддержать девушку и придать ей уверенности. Сравнивать двух женщин сложно. Грейс приехала в Европу из Америки, где королевские условности не в ходу. К тому же ее новой родиной стало Княжество Монако, где ей следовало выучить не только правила поведения и этикет, но и французский язык. Грейс пришлось несладко. Рядом с ней не было семьи и подруг — все они остались за океаном. Но бывшая актриса проявила стойкость характера, решив не разрушать семью, помогая мужу во многих сложных политических делах. Она бросила карьеру актрисы, хотя ее продолжали приглашать сниматься известные режиссеры. Так что Грейс знала, о чем говорила юной Диане.

Советы принцессы Грейс Диане не помогли. Настроение в тот период у нее менялось чуть ли не по несколько раз на дню. Ее то заставали заплаканной, то веселой и жизнерадостной. Нервы Диана по старой привычке снова начала заедать. Приступы булимии во дворце накатывали постоянно. Позже и в них Диана обвинит Чарльза: «Он назвал меня пухленькой». То есть она ела, затем вызывала рвоту и опять ела. Свадебное платье пришлось ушивать несколько раз: Диане удалось похудеть, причем существенно: при росте около 180 сантиметров ее вес составлял менее 50 килограммов. Она попеременно истощала себя диетами и объедалась кукурузными хлопьями с заварным кремом. Истерики при таком положении дел не прекращались, а лишь усиливались.

Отъезд Чарльза в конце марта в Австралию и Новую Зеландию на целых пять недель настроения Диане не улучшил. Она рыдала, провожая его в аэропорту. Присутствовавших это умилило. Они не знали истинной причины слез, которая состояла вовсе не в безутешном отчаянии, вызванном отъездом любимого в дальние края. В действительности накануне Диана поссорилась с Чарльзом, устроив ему сцену из-за звонка Камиллы. Жених с невестой разговаривали в кабинете, когда позвонила давняя

подруга. Диана сразу поняла, с кем беседует Чарльз, и безумно разозлилась. Она не понимала, как ей лучше поступить: остаться или выйти из комнаты. В конце концов в смятении Диана выбежала из кабинета, а после выясняла отношения с принцем.

Чарльзу тоже многое открывалось впервые. Доселе он не был свидетелем истерик Дианы. Она ему казалась веселым, спокойным подростком, безумно в него влюбленным. Думается, именно эти черты характера и привлекли его в Диане — истерички ему встречались и раньше, а тут наивное, неиспорченное дитя, преданно глядящее в глаза. После помолвки ситуация изменилась. Диана больше не рыдала тайно в подушку. Она стала высказывать Чарльзу в лицо свое мнение о Камилле и вела себя порой именно как ребенок, но испорченный и эгоистичный, не привыкший к ответственности и определенной дисциплине.

Несмотря на первые размолвки, Чарльз старался сгладить ситуацию. Улетая в Австралию, он ласково попрощался с Дианой, поцеловав ее в обе щеки. Но от слез это ее не уберегло. «К июню нервозность Дианы и ее ревность к Камилле (то, что Чарльз называл „другой стороной“ невесты) начали раздражать принца. Веселый, жизнерадостный подросток, который полгода назад в Балморале очаровал всех вокруг, таинственным образом превратился в эмоционально неустойчивую молодую женщину». Диане хоть немного бы ослабить напряжение, которое она создавала сама себе, постараться отвлечься и не зацикливаться на Камилле, но сил у нее на такие подвиги не хватало. Она подслушивала и подсматривала, что лишь усугубляло ситуацию (однажды она услышала разговор Чарльза с Камиллой по телефону, установленному в ванной). Так же как когда-то Диана резко негативно восприняла женитьбу отца, теперь она раздувала огонь ревности на почве общения Чарльза с бывшей любовницей (друзья принца и муж Камиллы утверждали, что после объявления помолвки Чарльз с Камиллой не имел близких контактов). «Счастье ее любви к Чарльзу омрачали постоянные мысли о Камилле — этих страхов ее жених не понимал. Он считал, что, коль скоро обручился с Дианой, этим все сказано».

Отрадой для Дианы стали уроки танцев. Она пригласила к себе учительницу из школы Уэст-Хит, и та приезжала во дворец на занятия вместе с пианисткой. В течение сорока минут Диана на них полностью выкладывалась. Как когда-то занятия спортом и балетом, танцы поднимали ей настроение. Дай невесте волю, она бы перемыла весь Букингемский дворец и перегладила все рубашки, как слуг, так и придворных. Учительница танцев вела дневник и после последнего занятия записала: «Леди Диана

выглядит усталой — явно недосыпает. Я вручила ей подарок от школы Уэст-Хит — прелестную серебряную солонку. Очень понравилась. Леди Диана принялась считать дни, которые ей осталось провести на свободе. Грустно. Перед дворцом толпы народа. Надеемся возобновить уроки в октябре».

В те дни знакомые отмечали и другое: Диана изменилась. Она взрослела на глазах, ей не давали вести себя как прежде, и приходилось менять поведение на более зрелое. Как-то, вскоре после помолвки, Диану застали сидящей на буфете на кухне и болтающей ногами. Один из служащих сказал, что ей так вести себя не подобает. Девочка-подросток оставалась в прошлом. Диана потихоньку училась вести себя и более уверенно смотрелась на официальных мероприятиях. Но рамки, в которые приходилось себя загонять, одновременно и нервировали. Более того, Диана начинала осознавать, что толком не знает собственного жениха. Они с Чарльзом проводили мало времени вместе — открытия, часто неприятные, ожидали обоих…

Уже перед самой свадьбой случился еще один инцидент, связанный с Камиллой. Чарльз приготовил своим знакомым дамам прощальные сувениры. По крайней мере так он утверждал. Но Диана обнаружила коробочку с браслетом, предназначенную именно для Камиллы. На браслете были выгравированы буквы *GF,* что могло расшифровываться двояко, но и так и сяк указывало на леди Паркер-Боулз. Первый вариант соответствовал прозвищу Камиллы, которым ее называл Чарльз: Девушка Пятница *(Girl Friday),* второй соответствовал именам, которыми пара называла друг друга: Глэдис и Фред. Интересно, откуда было известно Диане про эти прозвища, если потом она упорно говорила, что про Камиллу и знать не хотела. Если чего-то знать не хочешь, то странно копаться в интимных подробностях связи бывших любовников. Объясняют осведомленность Дианы рассказами друзей — «добрые» люди ввели ее в курс дела. Кроме того, она видела записку, вложенную Чарльзом в букет для Камиллы, когда та болела.

Как ни размышляй на эту щекотливую тему, а выходит, что Диана очень даже хотела знать подробности и проявляла немалое любопытство. Она любила поболтать с прислугой, которая с удовольствием выбалтывала ей дворцовые сплетни, общалась со знакомыми Чарльза, и некоторые из них, видимо, были только рады поделиться «знаниями». Любопытство вело и к другим поступкам: подслушивание разговоров Чарльза по телефону и, очевидно, «засовывание» любопытного носа в букеты, которые отправлял принц.

История с браслетом, как и многие приключения Дианы,

описывается в разном ключе. Самая неприглядная звучит следующим образом: невеста принца заставила распечатать коробочку, которую увидела на столе управляющего финансами в офисе Букингемского дворца. Сотрудники офиса распечатывать презент отказывались всеми силами, но мы уже знаем характер Дианы — она настояла, устроив там настоящий скандал. Другая версия пересказывает те же события, но в более мягкой форме: Диана зашла в офис, но сотрудник оттуда вышел на минуту, Диана открыла пакет, лежавший у него на столе. Она говорит, что приняла его за один из свадебных подарков, которые в большом количестве прибывали тогда во дворец. Странно, почему именно этот привлек внимание невесты, а не целый ворох других. Нет, таким объяснением Диана позже просто пыталась скрыть неприглядный факт собственного поведения.

Ведь при любом развитии событий остается непонятным, зачем невеста заходила в офис и зачем вскрывала не предназначенную для нее посылку. По всей видимости, она все-таки всеми способами пыталась что-то выведать. Тем более что описанный случай произошел практически перед свадьбой, когда ревность у нее перешла все возможные пределы здравого смысла. Естественно, Диана, обнаружив подарок, поспешила задать пару нелицеприятных вопросов Чарльзу. Заливаясь слезами, она требовала не вручать его адресату. Жених, наивная душа, «честно ответил, что безделушка предназначена для Камиллы и что он собирается пригласить ее на прощальный ланч 27 июля, за два дня до свадьбы».

Поступок Чарльза вполне объясним. Он давно знал Камиллу, слыл романтиком и хотел попрощаться со своей давней возлюбленной. В его глазах ничего особенного в прощальном ланче не было. Эмоциональную неустойчивость Дианы он тогда недооценивал, полагая, что если он с ней честен, то она должна ему верить и не пытаться отыскать в его поступках негативной подоплеки. Другое дело Камилла. Она отступать в тень просто так не собиралась. Но не сослужила ли Диана самой себе плохую службу, выступая с «оружием наперевес» против Чарльза в борьбе за его сердце? Не следовало ли хотя бы попытаться ему поверить? Позже в их семейной жизни так и было: Диана, не способная долго предаваться мирному течению жизни, срывалась и устраивала истерику за истерикой…

В последние дни перед свадьбой нервозность нарастала, как шторм на море. Небо затягивалось тучами, лицо Дианы превращалось в сплошную печальную, заплаканную маску. Венчание запланировали на вторник 29 июля. На матче по конному поло 25 июля Диана ни с того ни с сего расплакалась на

глазах у изумленной публики и удалилась, сопровождаемая подругой в машину. Чарльз должен был принимать участие в официальной церемонии открытия, но ему доложили о состоянии невесты, и он подошел к машине, пытаясь выяснить, что произошло. На его лице — искренняя озабоченность (сохранилось видео, запечатлевшее события того дня). На фоне бравурной музыки — согнувшаяся в три погибели Диана, прячущая лицо от посторонних глаз. Видно, как она похудела с февраля, когда объявляли ее помолвку. Чуть позже Диана возвратилась на трибуну. Она успокоилась и даже улыбалась, но расслабленной ее назвать было нельзя — Диана постоянно вертелась, трепала пристроившегося рядом мальчонку по голове, ерзала. Чарльз, переодевшийся в униформу, поприветствовал публику и участников соревнования — в этот момент его бы невесте сидеть спокойно и любоваться на дорогого сердцу принца. Журналист, комментировавший произошедшее, говорил о стрессе предсвадебных дней, о повышенном внимании к Диане, оправдывая ее срыв.

Все оставшееся время в разговорах с подругами и сестрами невеста упоминала о своем желании отменить свадьбу. Ее нервная система не справлялась с надвигающимся событием. Бал, организованный 27 июля, за два дня до торжества, собрал множество гостей, среди которых не было Камиллы — ее фамилию из списка гостей Диана вычеркнула собственноручно. Однако, по слухам, Чарльз во время бала успел сбегать к бывшей подружке на свидание. Диана сдерживала слезы, но в целом торжество прошло весело. На нем присутствовал и друг невесты Адам Рассел, который затем вспоминал: «Атмосфера предвкушения счастья была очень заразительна. Ошалев от вина, мы ловили на рассвете такси — праздничное, счастливое безумие».

Если Чарльз и повидался с Камиллой, то явно мимоходом. Свидетели торжества помнят, как он танцевал с невестой, как зажигал первый из фейерверков, которые озаряли небо Лондона в тот вечер на протяжении целого часа. К тому же после бала состоялась небольшая вечеринка в клубе для помощников Чарльза и Дианы, которых по статусу не положено было приглашать на бал. Оттуда жених и невеста выехали вместе, но разошлись, как положено, по своим комнатам: Чарльз в Букингемский дворец, Диана в Кларенс-хаус. Рядом с Дианой накануне свадьбы находилась сестра Джейн. А Чарльз вечером следующего дня прислал невесте кольцо с запиской: «Я так горжусь тобой и счастлив, что буду ждать тебя завтра у алтаря» и добавил, что она сразит всех наповал.

Днем 28 июля у Дианы и Чарльза брали интервью для телевидения. Невеста, мягко говоря, выглядела невеселой. Чарльз на нее все время посматривал и пытался подбодрить то кивком головы, то улыбкой. Диана рассказывала, что ей пришло много подарков к свадьбе от детей, в том числе рисунок из садика, где она работала, но ее голос звучал грустно, она сидела, сгорбившись и сложив руки на коленях. Немного оживилась, когда начала рассказывать о работе в детском саду. Но потом опять скукожилась: одно плечо заметно уехало вниз, она глубже зарылась в кресло и теребила рукав платья, а Чарльз все чаще обеспокоенно смотрел на нее. На вопрос журналистки о том, как она готовит, Диана ответила: «Да, мм, я окончила кулинарные курсы, но в целом я, мм, средне готовлю». Любая девушка на ее месте тут же перечислила бы все ватрушки, которые умеет печь, но Диана почему-то не призналась в умении вполне прилично стряпать (ее друзья не раз подтверждали, что это у нее хорошо получалось).

В конце интервью Чарльз высказал надежду, что Диана привыкнет к вниманию журналистов, что это неотъемлемая часть жизни в королевской семье. Он взял Диану за руку, но было видно, что она пыталась превратиться в невидимку и сжаться в крохотный комочек…

Когда-то брат Дианы очень правильно сказал про сестру: «Она любит приукрасить действительность». С годами она «красила» действительность во все более мрачные тона. Через много лет после свадьбы Диана «призналась» своему астрологу, что Чарльз вечером накануне венчания честно сказал, что не любит ее. Астролог Пенни Тортнон возражает: слова Дианы, которые она скрупулезно записала, могли и не соответствовать реальности. Тем не менее Пенни подробно их пересказывает, делая упор на состоянии своей подопечной. Та была раздавлена — жених расставил акценты прямо перед алтарем, свалив с груди тяжкий груз. Сомнительная «правда». Диана ведь не отрицала предсвадебного подарка и трогательной записки. Таким образом, Чарльз предстает просто монстром, говоря Диане, что не любит ее, и тут же отсылая кольцо и записку. Принц обладает многими слабостями, но точно не выглядел так, как его представляла, со слов Дианы, астролог.

Последний эпизод перед свадьбой: Диана, волнуясь, не может уснуть и спускается вниз, в комнату пажа. Вот ее воспоминания о том, что произошло дальше: «В кабинете у пажа я вдруг увидела велосипед. Ему там совсем не место, как и мне во дворце, но мы были, и с этим приходилось считаться! Почему-то наличие велосипеда привело меня в восторг! Мы выпили — паж и

конюшенный коктейли, а я какой-то сок, — потом я вдруг принялась кататься по комнате на велосипеде и вопить: „Завтра моя свадьба! Завтра я стану принцессой!“ Не знаю, что подумали королева-мать, ее гости и слуги, но они посмеялись и замечания мне не сделали».

Вот в таком интересном состоянии Диана удалилась в свою спальню. Спать ей в ту ночь предстояло недолго: в пять утра ее уже ожидали завтрак и толпы англичан под окнами дворца на всем пути следования свадебного кортежа до собора Святого Павла и далее.

Глава четвертая
СВАДЬБА, КОТОРУЮ ТАК ЖДАЛИ

Необходимый атрибут свадьбы, который так мил сердцу любой девушки, — это свадебное платье. Когда одна из моих подруг сказала, что не собирается приобретать себе таковое, я потащила ее к шкафу и вынула с верхней полки свой наряд. Перед нами на кровати раскинулось прекрасное платье цвета слоновой кости (кстати, английское), с пышной юбкой на кринолине. Дело решилось за одну минуту — подруга помчалась по магазинам, покупать себе свадебное великолепие…

* * *

Платье Диане сшили восхитительное — те самые дизайнеры из «Vogue», которые создали черное платье для благотворительного бала и платье цвета фуксии для бала накануне свадьбы. Придумывать наряд начали сразу после объявления помолвки. Свободное время Диана использовала в том числе и на многочисленные примерки. На фотографиях в деталях можно разглядеть платье, которое станет одним из самых знаменитых в истории. «Сшитое из шелка цвета слоновой кости и украшенное жемчугом, стразами и старинным кружевом платье было создано дизайнером из Уэльса Дэвидом Эммануэлем и его женой Элизабет… Завершал образ шлейф длиной в 25 футов (более 7,5 метра) — самый длинный в королевской истории». Кружево, которое использовали для отделки, принадлежало королеве Марии и называлось каррикмакросс — традиционное ирландское кружево, которое впервые начали изготавливать в 1820 году. Также платье отличали пышные рукава-фонарики. На талии красовался бантик с бриллиантовой подковой на счастье.

В процессе примерок Диана похудела на четыре размера, и швея очень беспокоилась, что платье будет плохо сидеть. Однако все закончилось хорошо — платье «село». «В соответствии с доброй приметой последние стежки на платье были сделаны только тогда, когда Диана уже стояла облаченная в этот великолепный наряд (в день свадьбы. — *В. Б.)*. Во избежание любых случайностей были сделаны еще две точнейшие копии этого платья, но, к счастью, ни одна из них не понадобилась».

Сейчас, после семнадцати лет хранения у брата Дианы, платье, согласно ее завещанию, передано сыновьям.

На голове у Дианы красовалась диадема. Интересно, что невеста ее сына наденет на свою свадьбу диадему, принадлежавшую самой королеве-матери. Но на Диане было украшение Спенсеров, которое находится в собственности семьи на протяжении века. Мать Дианы и ее сестры — все надевали его на свои свадьбы. Согласно воспоминаниям брата Дианы, из-за диадемы у Дианы с самого утра разболелась голова: «она не привыкла носить диадемы». На массивном украшении были изображены тюльпаны и цветы в форме звездочек, сделанные из золота, обрамленные бриллиантами, декорированные серебром. В течение жизни Диана еще несколько раз надевала эту диадему на торжественные мероприятия, например, на правительственный обед в Австралии в 1983 году. В день свадьбы голову Дианы «отягощало» не только непривычное украшение, но и длинная фата, которая крепилась с помощью специального обруча, а уже на нем красовалась диадема.

* * *

В тот день, 29 июля 1981 года, Диана проснулась очень рано — в пять утра она уже завтракала. Затем к ней пришли парикмахер, визажист и дизайнеры, шившие платье. На сей раз никто не оплошал — Диана никогда не жаловалась на то, как она выглядела в день свадьбы. Ее шестнадцатилетний брат присутствовал при перевоплощении старшей сестры и не скрывал позже своего восхищения: «Вообще-то она мало пользуется косметикой, но на этот раз получилось настоящее чудо. Впервые в жизни я поймал себя на мысли, что Диана очень красива. В тот день она выглядела потрясающе и была совершенно спокойна — ни малейших признаков волнения, только немного бледна. Она выглядела счастливой и умиротворенной».

Конечно, Диана волновалась, как и любая девушка на ее месте. Но тогда ей удалось справиться с собой, хотя, согласно ее воспоминаниям, приступы булимии не отступали и ее постоянно тошнило. За окнами дворца бушевала толпа, приветственные крики людей были слышны отовсюду. Журналисты фотографировали и снимали на камеру всё, что могли. Телевизионная аудитория насчитывала, по примерным подсчетам, около 750 миллионов человек. Несмотря на предыдущую шумиху вокруг невесты принца, именно день свадьбы превратил ее в икону. Чарльз Спенсер скажет: «Она действительно стала в тот день сказочной принцессой. Ее тогда словно вручили миру».

Биографы вторят брату: «она стала медиазвездой», «она превратилась в культовую фигуру», «живое воплощение сказки», «мир воспринимал ее жизнь, как свою собственную историю». И брат, и другие свидетели перевоплощения Дианы в день свадьбы были просто ослеплены: «В ослепительной красавице почти невозможно было узнать ту застенчивую, пухлую девочку, какой она была в день помолвки всего пять месяцев назад. Стройная, хрупкая, в шелковом платье цвета слоновой кости с длинным шлейфом, Диана буквально источала сияние».

Если посмотреть многочисленные видео, снятые в тот день, то мы увидим несколько иную картину. Внимательный наблюдатель заметит смятение на лице невесты, знакомую застенчивость и взгляд исподлобья. Она по привычке слегка сутулится, хотя ее рост лишь чуть-чуть превышает рост жениха. Но рядом они смотрятся все равно негармонично: несмотря на худобу, пышное платье делает Диану зрительно куда крупнее Чарльза, затянутого в узкую униформу. Диана еще не уверена в своих действиях. Она могла бы потратить пять месяцев на досконального изучение придворного этикета, но не сделала этого. Длинный шлейф, такой прекрасный в описаниях и на постановочных фото, на деле оказался реальным кошмаром…

Впрочем, всё по порядку. В закрытой карете в собор Святого Павла Диану везет, как и положено, отец. Граф Спенсер еще не совсем оправился после тяжелой болезни. Он с трудом двигается и напряженно улыбается присутствующим. Но пока они едут, его недуг не бросается в глаза. Отдельно, чуть раньше невесты, из дворца выехал Чарльз. Он едет в открытом экипаже вместе с младшим братом. Таким образом, сначала в собор проходит жених. Он держится, как всегда, спокойно и уверенно. Диана прибывает к собору в маленькой карете, и когда она оттуда выходит, становится в принципе непонятно, как там уместился шлейф — его вытаскивают и вытаскивают из тесной повозки. Карету, кстати, в пути немилосердно шатало, и, учитывая склонность Дианы к тошноте, ей можно только посочувствовать…

С другой стороны кареты выходит отец невесты. Ему помогают и поддерживают за руку вплоть до входа в собор, откуда он самостоятельно ведет дочь к алтарю. Диана к входу пробирается медленно — за ней подружки невесты быстро пытаются расправить шлейф, помявшийся в карете. К тому же поверх шлейфа лежит фата, и видно, как, расправляя все это богатство, подружки чуть дергают ткань и Диана с трудом удерживает равновесие. Когда она, наконец, входит в собор, ее лицо показывают крупным планом: Диана то улыбается, то нервно кривит губы. Видно, что дается ей процедура нелегко, и

никакого спокойствия и сияния она не источает. Взгляд перескакивает с предмета на предмет, с человека на человека. Впоследствии напишут, что это невеста скорее вела отца к алтарю. Но нет, отец и дочь оба еле идут: отец не может нормально двигаться после болезни, а Диана с трудом тащит тяжеленный восьмиметровый шлейф.

Расстояние от входа до алтаря в соборе составляет около 70 метров. Медленно отец и дочь продвигаются к цели своего путешествия. Возле алтаря их встречает Чарльз. Всем раздают буклет с распорядком церемонии и словами церковных гимнов. Диане буклет не дают — она стоит с огромным букетом, и ее игнорируют. Все начинают петь гимн, и она пытается подглядывать в листок к отцу. Оплошность замечают, букет забирает девочка. Правда, бумажки Диане все равно не дают, и она продолжает петь, подсматривая слова в буклете отца.

Когда пара произносит слова клятвы, Чарльз нервничает, но говорит четко и довольно громко. Диану же еле слышно. Повторяя за священником фразы, она даже путает последовательность имен жениха и вместо «Чарльз Филипп» произносит «Филипп Чарльз». Затем обрученных усаживают на приготовленные места, с трудом расправляя у невесты фату и шлейф, и для них начинает петь хор мальчиков, играть орган, а после слово берет спикер палаты общин. Диана сидит, низко склонив голову и даже чуть покачиваясь. Королева-мать замечает состояние невесты и посматривает на нее внимательно: уже побывав свидетельницей ее срывов, королева-мать беспокоится за состояние Дианы.

Больше часа проходит после того, как Диана вошла в собор, и они с Чарльзом наконец покидают это место. За ними следуют члены королевской семьи и семья Спенсер. Отец Дианы уже с трудом держится на ногах. Его поддерживает бывшая жена Френсис. Развод в подобных делах не играет никакой роли — места мачехе здесь не нашлось. Замыкает шествие бабушка Дианы — Рут Фермой. На улице пару встречает ликующая толпа. Родственники остаются стоять на пороге собора (видна разница между Спенсерами и членами королевской семьи: Спенсеры все высокие и статные в отличие от низеньких Виндзоров). Открытый экипаж с новобрачными едет в сторону дворца. На этот раз шлейф уложили куда быстрее — экипаж довольно-таки просторный. Но Диана, усаживаясь, все же нервничала и помогала засовывать гигантский отрез материи. Чарльз принял посильное участие в размещении шлейфа, расправив его внутри экипажа и положив на колени жене свадебный букет (тоже изрядных размеров).

«С нами ехал огромный шлейф», — шутила потом Диана. Она верно вспомнила и плохое самочувствие отца, и помятый шлейф, который долго расправляли у входа в собор. Она точно описала свое состояние: «плохо помню происходившее», «в ушах стоял рев толпы», «у меня в памяти остались смутные воспоминания». Фразы о том, что она неожиданно превратилась из девочки в уверенную в себе красотку, не имели под собой ни малейших оснований — стоит лишь посмотреть на растерянное лицо под фатой, услышать тихий, дрожащий голосок, повторяющий слова брачных клятв… Ложку дегтя добавила уже упоминавшаяся ранее женщина-астролог. С ней Диана поделилась несколько иными мыслями: во-первых, день свадьбы она назвала худшим в жизни. Не поспоришь, на ее месте мало кто чувствовал бы прилив небывалого вдохновения. Но ничего иного от королевской церемонии в соборе Святого Павла ведь и не стоило ожидать, особенно если учитывать предшествовавшие ей многочасовые репетиции.

Второе признание состояло в следующем: «Единственное, о чем я думала, когда направлялась к алтарю, так это о том, должна ли я остановиться? Мне так хотелось повернуться назад и убежать прочь отсюда». Правда, далее Пенни добавляет, что эти признания, должно быть, принцесса высказала на эмоциях — с астрологом Диана познакомилась через пять лет брака, когда он дал заметную трещину…

На обратном пути Диана выглядела чуть более расслабленной: главное осталось позади. Но ее рука по-прежнему вяло поднималась в знак приветствия вслед за твердой рукой Чарльза. Впрочем, чем дальше продвигалась процессия, тем искреннее становилась улыбка Дианы, более уверенно поднималась рука. Пожалуй, началась самая приятная часть торжества: экипаж ехал по улицам Лондона, в воздухе стоял звон колоколов собора Святого Павла, люди приветствовали принца и принцессу. Пока беспокоиться было не о чем. Позади остался отец, действительно в тот день совершивший подвиг. Они оба сделали это друг для друга, и граф Спенсер, устало садясь в экипаж, мог вздохнуть спокойно. Ехал он вместе с самой королевой.

За всю дорогу до Букингемского дворца Чарльз и Диана не сказали друг другу ни слова. Они смотрели по сторонам и периодически махали рукой скопившемуся на улицах народу. По приезде во дворец опять возникла заминка с пресловутым шлейфом. Заметно, что Диана уже сто раз пожалела о той минуте, когда решила его приторочить к платью. Чарльз помог ей вытащить шлейф, тут подоспели и подружки невесты. Прежде чем

войти в помещение, Диана снова посмотрела из-под ресниц вправо — ее излюбленный взгляд, снизу вправо, признак сомнения и страха. Весь внутренний двор, все балконы дворца заполонил обслуживающий персонал, придворные и их дети.

Люди продолжали скапливаться вокруг дворца — Чарльз и Диана должны были появиться перед ними на балконе, впервые после 1858 года, когда там стояла королева Виктория со своим мужем. Толпа кричала: «We want Charlie!» — вызывая его на балкон. Тогда еще Диана не стала звездой, ее путь лишь начинался. Шум толпы становился оглушающим, море людей колыхалось перед дворцом и уходило вдаль, насколько мог охватить взгляд. Кто-то танцевал, кто-то пел, кто-то запускал в небо шары в виде сердец. В итоге терпение толпы было вознаграждено: на балкон, по очереди, вышли Чарльз и Диана, потом девочки — подружки невесты, граф Спенсер, королева и королева-мать. Было четко видно, что перед выходом на балкон Диана не улыбалась, сосредоточенно глядела куда-то себе под ноги, но, появившись на людях, сразу растянула рот в улыбке.

На балконе она чувствует себя неловко, смотрит на бушующее море людей и не знает, что делать. Чарльз берет ее за руку и что-то говорит с улыбкой. Диана остается напряженной. Она еле справляется с тем, чтобы не начать кусать губы. Чарльз продолжает с ней говорить, но она крутится на месте и даже отворачивается от него. И вот, наконец, то, чего все ждали: поцелуй! Он получается быстрым, словно птички клюнули друг друга, а не влюбленные. Потом напишут, что Чарльз не был влюблен, а Диана скажет: «Мы целовались при всем народе». Похоже скорее на то, что Диана очень стеснялась, а принц был вовсе не против поцеловаться как следует. Но в воспоминаниях Дианы краткий поцелуй растянется на вечность…

* * *

За кулисами после венчания происходило следующее: сначала был организован традиционный королевский завтрак (хотя на часах уже было время ланча). А позже планировалась фотосессия. Помощников фотографов, которые должны были устанавливать свет, пригласили к четырнадцати часам. Сохранились любительские фотографии, сделанные непосредственно перед сессией: Диана болтает с маленькой девочкой, берет ее на руки, готовится позировать перед журналистами. Атмосфера более непринужденная, чем в соборе. Вся семья вздохнула с облегчением.

Во второй половине дня в экипаж новобрачных снова запрягли лошадей. Они отправлялись в свадебное путешествие. Пару забрасывали конфетти, позади колыхались шарики-сердечки. На Диане милая розовая шляпка с перышками и розовый костюм с белым воротником. Она была скорее похожа на куклу Барби, чем на принцессу, но наряд ей шел даже больше, чем свадебный. Диана улыбалась и общалась с Чарльзом, стряхивая по ходу дела конфетти с подола платья. На спинке экипажа была прикреплена бумажка с надписью от руки «Just married» и нарисовано сердце, пронзенное стрелой. Говорят, это идея младших братьев Чарльза, тех немногих людей, кто от души веселился на свадьбе. Камеры запечатлели время проезда экипажа по улицам Лондона по направлению к вокзалу — 16 часов 30 минут. Безусловно, каждый шаг этого дня был просчитан заранее, и все шло по четко намеченному плану.

Кортеж проехал прямо на территорию вокзала Ватерлоо, к двенадцатой платформе. На тротуар постелили красную дорожку, и к экипажу вышло все руководство вокзала. Первым приветствовал Диану главный управляющий. Принцесса явно смущалась, она опять нервно стряхнула с юбки конфетти и протянула руку для пожатия. Диана постоянно крутила головой, не зная точно, что ей делать в следующую минуту. Чарльз шел за ней, и Диана не могла ориентироваться на его действия, поэтому притормаживала и ждала, что он сделает дальше. Возле состава пара еще на несколько мгновений остановилась, поприветствовала всех и скрылась в вагоне. Потом они напоследок вторично помахали руками провожавшим из окошка купе. Поезд отошел в 16 часов 40 минут. С этого момента и началась другая жизнь леди Дианы, отныне принцессы Уэльской.

В конце репортажа о свадьбе Дианы и Чарльза, на фоне уходящего вдаль поезда, корреспондент сказал: «Для них приключения только начинаются. И пусть этот выдающийся день осветит их путь в неизвестное».

Глава пятая
«МЕДОВЫЕ» МЕСЯЦЫ ПРИНЦЕССЫ

Медовый месяц молодые начали с трехдневного пребывания в усадьбе графа Маунтбеттена, после чего для них был запланирован круиз по Средиземному морю. «Скука» — слово, с помощью которого Диана выражала свое недовольство: в пансионе в Швейцарии, во дворце после помолвки, во время свадебного путешествия. «Скука» — синоним «все было ужасно». Предположим, в Швейцарии ей и вправду нечем было себя занять: маленькая деревушка в горах, где некуда пойти. Но во дворце занятия нашлись бы, однако Диана сама признавала, что ей не хотелось ничего делать. На королевской яхте «Британия» случилась та же история. Диана заскучала: «Скука неимоверная» — так описала она медовый месяц.

Что же случилось на самом деле? Основных проблем образовалось три. Первая звучит довольно забавно: Чарльз взял с собой на борт стопку книг любимого писателя-философа Лоренса ван дер Поста и несколько книг Карла Юнга. Он планировал читать книги и, о ужас, обсуждать их потом с Дианой. Нельзя по этому поводу не поделиться цитатами. Известный биограф Дианы пишет о «странном» поведении Чарльза: «У принца Чарльза были своеобразные представления о семейной жизни. Он взял с собой рыболовные снасти… а заодно прихватил полдюжины книг, написанных его другом и наставником, южноафриканским философом Лоренсом ван дер Постом. Предполагалось, что они будут вместе с Дианой изучать мистические трактаты ван дер Поста, а затем обмениваться впечатлениями о прочитанном во время застольных бесед. У Дианы были совсем другие планы: ей хотелось как можно больше общаться со своим мужем, чтобы получше его узнать».

Заметим, что, во-первых, как раз поставленной Дианой цели вполне соответствовали планы Чарльза — ну не Барбару же Картленд обсуждать с ней за обедом. Есть подозрение, что ему бы подобная мысль просто в голову не могла прийти при всем старании. Во-вторых, Диана прекрасно знала о пристрастиях мужа: еще в Биркхолле она выяснила, что он любит читать, и признавалась в полном отсутствии интереса к этим книгам и авторам. В-третьих, вроде в этом и состоит общение с мужем, «чтобы получше его узнать», — в попытке понять его увлечения, взгляды на жизнь. Конечно, Диана была молода и к тому же не любила учиться, а Чарльз, напротив, уже имел определенное

мнение по целому ряду вопросов, сформированное в результате полученного прекрасного образования и знакомства с людьми определенного толка. Ван дер Поста Чарльз тоже знал лично: «… по словам отца, он всегда втягивал новые идеи как губка… Стремясь к самореализации и пытаясь найти смысл жизни, Чарльз попал под влияние политика, философа и писателя Лоренса ван дер Поста, пропагандиста юнгианских идей. В 1977 году они вместе провели пять дней в горах Абердар в Кении. Совершали долгие прогулки, изучали природу, а потом вели длинные дискуссии о внутреннем мире».

Другая цитата: «Когда фрейлина в Балморале делилась с Дианой ужасами медового месяца, та заметила: „Думаю, ваш муж по крайней мере не читал постоянно книги старикана по имени Юнг!“». Интересно, что же делал такого ужасного муж фрейлины, если невинное чтение Юнга превосходило эти кошмары? Видимо, для Дианы любого рода серьезная литература представляла собой страшилки, которыми пугают на ночь непослушных детей.

И наконец, о страшных впечатлениях от прочитанного — воспоминания самой Дианы. Приведу довольно длинную, но красноречивую цитату: «Я выжила, но, кажется, начала понимать, во что влипла. Мой муж читал философские труды и пытался обсудить со мной какую-нибудь животрепещущую тему. Например, необходимость заглянуть в свою душу, чтобы поднять мгновение, узниками которого мы пребываем, на тот уровень, где вершится великий акт творения, или то, как распознать определенный психологический тип у человека по его мнению о соотношении личного и общественного в повседневных поступках… Великолепная тема для обсуждения с юной супругой, не правда ли? Я пыталась читать ван дер Поста, честно пыталась, тихонько взяв в стопке книг роман „Семя и сеятель“. Наверное, это великая книга, но свадебное путешествие — не место, чтобы погружаться в перипетии английского военнопленного в японском лагере».

Первое, что бросается в глаза, — это знание предмета, о котором говорит Диана. Пусть и в общих чертах, но она понимает, о чем идет речь в работах Юнга и в знаменитом произведении ван дер Поста (упомянутая книга входит в трилогию, рассказывающую о личном (Лоренса) пережитом опыте в японском плену; позже по книге японский режиссер Нагиса Осима поставит знаменитый фильм «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс»). Диана была вовсе не глупышкой, какой может предстать после прочтения первых двух цитат. Почему же тогда она не желала пойти навстречу мужу и немного поговорить о том, что его так живо интересовало? Почему называет медовый месяц

«выживанием»? Возможно, ею руководило простое упрямство, желание настоять на своем — вот только проблема заключалась в том, что своего-то у нее не было. Как за день до свадьбы в интервью она почему-то сказала, сжав губы, что готовит средне, так и Чарльзу не хотела признаваться, что старалась прочесть книги и даже понимала, о чем в них речь…

Ну что ж, перейдем ко второй проблеме под ставшим совершенно неоригинальным названием «Камилла». Посреди моря из пучины вод эта женщина могла всплыть только в образе русалки либо в страшном, случайно привидевшемся сне. Но нет, Диану призрак Камиллы будет преследовать постоянно (да и во сне, кстати, тоже): «Между ней и Чарльзом то и дело возникала тень Камиллы Паркер-Боулз, и это подливало масла в огонь». Другая цитата: «Кроме того, медовый месяц на „Британии“ омрачила тень Камиллы, с которой, как Диана надеялась, он расстался навсегда». И слова Дианы: «…так я осознала, что, женившись, мой муж не намерен расставаться с любовницей. И тогда испытала первый серьезный приступ булимии после свадьбы».

В течение путешествия с Камиллой было связано два эпизода. Первый скандал Диана закатила, когда из записной книжки Чарльза выпало две фотографии Камиллы. Надо отдать должное принцу, он сохранял спокойствие, не суетился и спокойно отвечал, что, да, это фотографии Камиллы, но теперь все в прошлом. Никто не говорит — ситуация для молодой жены неприятная, но точно не конец света. А реакция Дианы была неадекватная: она «…осыпала мужа упреками и, заливаясь слезами, умоляла сказать, наконец, честно, как он относится к ней и к Камилле», «…я разрыдалась и принялась что-то кричать, обвиняя его в неверности и подлости… Чарльзу с трудом удалось меня успокоить».

Вторым эпизодом стала история с запонками. В Порт-Саиде на борту яхты принимали президента Египта с супругой. То ли Диана сама обратила внимание на запонки Чарльза, то ли супруга президента сделала по их поводу комплимент принцу, но закончилось все опять печально: в запонках Диана признала подарок Камиллы (на них красовались переплетенные буквы С — *Charles & Camilla)*. Диана попросила Чарльза объясниться, а тот в присущей ему спокойной манере сказал, что рубашку и запонки ему готовил камердинер и вообще, в этом нет ничего предосудительного — это просто подарок в честь давней дружбы.

Выгораживать Чарльза не входит в задачу автора книги. Любой женщине будет неприятно видеть у мужа фотографии бывшей любовницы и ее же подарки. Но Чарльз вряд ли желал

специально досадить Диане. Для него отношения с Камиллой остались в прошлом, а выкидывать ее подарки ему и в голову не приходило (про фотографии он, скорее всего, просто забыл). Истерики молодой жены, не способной контролировать себя, не могли помочь разрешению недоразумений. Диана оказалась не способной вести нормальный диалог, эмоционально выплескивая на мужа то, о чем лучше было бы сказать спокойно, и утаивая в себе то, что, наоборот, следовало обсудить.

Третья проблема носила, как ни странно, куда более масштабный характер, чем предыдущие две. И называлась она «скука». Диане нечем было себя занять. Загорать ей было скучно, слушать Чарльза — скучно, ужинать с президентом Египта — скучно. Правда, она общалась с членами команды и постоянно ела. Действительно, булимия тогда достигла невиданного размаха. «Главный кок и прочие мастера кулинарных дел трудились без отдыха: приходилось готовить для принцессы закуску в промежутках между завтраком, обедом и ужином, а уж мороженое она поглощала почти безостановочно… Во время медового месяца болезнь быстро прогрессировала. Диана вызывала у себя рвоту четыре-пять раз в день».

Воспоминания Дианы о круизе позже будут слегка путаться: то она заявляла, что Камилла звонила Чарльзу каждый день, то уточняла, что ей «казалось», что Камилла звонит чуть не каждые пять минут, а Чарльз постоянно советуется с ней по поводу вопросов семьи и брака. Также Диана быстро забыла, как до помолвки старалась делать вид, что разделяет все увлечения принца: и рыбачила с ним часами, и даже пыталась читать ненавистные книги.

Однако после медового месяца пара приехала в Англию «загоревшая и отдохнувшая». В начале осени они вместе со всей королевской семьей отправились в Балморал. И опять жизнь Дианы приняла двойственный характер. «Диана жила на грани эмоционального срыва, периоды любви и нежности к Чарльзу чередовались с приступами безумной ревности». С мужем отношения не налаживались — становилось все более очевидно, что они совершенно разные люди. В Балморале Чарльз вернулся к привычным забавам: охоте и рыбалке. Выяснилось, что Диана их ненавидит, хотя до помолвки она приводила все королевское семейство в полный восторг, бегая за Чарльзом по тем же самым болотам, которые и теперь окружали замок. Продолжались беседы о Юнге и ван дер Посте. Диана не скрывала раздражения, слушая размышления мужа.

Королевская семья пребывала в полном недоумении: молодая женщина превратилась в капризную, невоспитанную, истеричную

фурию. Диана могла вовсе не выйти к ужину, запросто встать из-за стола раньше, расплакаться или обидеться непонятно на что. Королева часто просила Чарльза сходить за Дианой, если она не появлялась за столом. «Он возвращался весь красный, разводил руками и говорил: „Я не смог“». Когда Диана присутствовала на трапезе, было не лучше. Она обижалась, если Чарльз предлагал напитки сначала королеве и королеве-матери, а только потом ей. Она считала, что ее игнорируют, не замечают, хотя на самом деле Диана привлекала к себе излишнее внимание своими выходками.

Окружающие оправдывали ее поведение дурным воспитанием: мол, в доме отца за ней особенно не присматривали и позволяли делать что угодно, и отчасти это соответствовало истине. Но ребенок есть ребенок, а взрослой, пусть и недостаточно опытной женщине следовало научиться держать себя в руках и контролировать свое поведение. Диана постоянно жаловалась на скуку и одиночество. В ответ Чарльз вызывал ей из Лондона подруг, «оставлял на подушке любовные записки и безделушки», но не добивался успеха. Жене не нравилось всё: если ее оставляли одну и если, напротив, пытались вовлечь в какую-нибудь деятельность.

«Все это было мучительно и страшно скучно» — так описывала Диана любую возникавшую в Балморале ситуацию. Обычай переодеваться по несколько раз на день раздражал, обращение к ней «ваше королевское высочество» смущало, интерес публики к ее персоне сбивал с толку. Но главное, что упорно подчеркивает Диана, — это скука. Как она выражалась, ей не подходила ни одна группа, из которых состояла ее новая семья. Диана не хотела ни охотиться, ни рыбачить, ни поддерживать разговоры на неинтересные и непонятные ей темы. «Дома я просто взялась бы за уборку, сбегала в магазин, почитала книжку, послушала музыку…» Не умея себя занять, Диана требовала, чтобы муж проводил с ней все время, но так как с ним ей тоже не о чем было разговаривать, то и их беседы заканчивались очередной истерикой. «Диана, ну что еще я сказал не так?» — вопрошал Чарльз, действительно сбитый с толку поведением молодой жены.

«Несмотря на свойственную ему доброту, Чарльз был избалованным эгоцентриком и даже не старался понять Диану. Диана же была слишком неуверенна в себе и необразованна, чтобы понять мужа и пойти ему навстречу. Образ жизни Чарльза формировался годами, и он не собирался менять его ради кого бы то ни было. Подавленная Диана начала вести с ним ту же игру, что и с отцом: обиды, слезы, молчание, полный уход в себя». К тому же Диану не отпускал образ Камиллы, просто витавший в

воздухе. Это стало сродни мании. Иногда даже спокойный Чарльз срывался и кричал на Диану, а она уходила к себе в комнату и рыдала в подушку. Булимия и депрессия прогрессировали день ото дня.

В итоге Чарльз понял, что его жена нуждается в лечении. Он не сталкивался с подобными проблемами раньше и первым делом пригласил к Диане не врача, а друга-философа. Теоретически Лоренс ван дер Пост мог, используя концепцию своего друга Юнга, помочь Диане обрести себя. Но выбор все-таки был сделан неудачный: Диана ненавидела писателя, чьи книжки читал Чарльз во время их медового месяца. К тому же она не была готова признаться, что ее мучает булимия. Беседы прошли впустую, и Диану пришлось отправить к врачам в Лондон.

Рассуждая потом о совершенных ею самой ошибках, Диана вновь возложит вину на окружавших ее людей: «Моя беда в том, что рядом со мной никогда не было человека, который мог за руку провести меня по минному полю, называемому жизнью, или хотя бы указать проход по нему, чтобы я не подрывалась на каждой встреченной на пути мине. А как у остальных, неужели всех ведут за руку? Наверное, нет, но советуют. Мне советовать некому…» И что тут скажешь, если женщина называет жизнь минным полем и наивно полагает, что всем, кроме нее, хотя бы советуют, как пройти это поле, не подорвавшись? Если продолжать проводить аналогию с минным полем, то одним из правил поведения на нем, коль уж человек там оказался, является залечь и не двигаться, ожидая команды саперов. То есть, прежде чем идти дальше, следует попробовать разминировать поле жизни. Однако создается такое впечатление, что Диана постоянно подкладывала мины самой себе.

Про булимию она говорит со знанием дела. Со временем принцесса признает болезнь и попытается с ней сразиться. «Я называю булимию тайной болезнью, основная причина которой кроется в низкой самооценке. Ты считаешь себя никому не нужной и ни на что не способной. Ты начинаешь наполнять свой желудок всевозможной пищей — четыре, пять раз в день, иногда и больше, — и тебе становится легче. Ты чувствуешь, как пара невидимых рук заключает тебя в свои объятия. Но это лишь на время. Чувство радости сменяет отвращение к собственному обвисшему пузу, и ты пытаешься вернуть все назад».

Советы, которые ей давали, Диана предпочитала не слушать. Когда человек хочет вызвать к себе жалость, в его задачу не входит найти выход из ситуации, а лишь загнать себя в нее посильнее. Единственное, что стало у Дианы получаться в ту первую осень в бытность ее принцессой, это общение с народом.

Наверное, сказывались гены предков, запросто снисходивших до простых людей. Не исключено, что и сама Диана, оказывая знаки внимания посторонним, выплескивала из себя накопившуюся нежность и доброту, которым не хватало применения в кругу семьи.

Первой поездкой после свадьбы стал визит в Уэльс. Стоял октябрь, и Диана уже знала о своей беременности. Ее постоянно тошнило, а слезливое состояние, и так не отпускавшее в последние месяцы, усугубилось. Чарльз, как мог, старался поддержать жену. Для него не существовало иного выхода из ситуации: Диана обязана была его сопровождать. И он просто просил ее выйти из машины: «выйди и сделай это». «Теперь тоже был отвратительный костюм в красно-зеленых тонах, что совершенно мне не идет, нелепая шляпка с пером… Добавьте к этому нудный, мелкий дождь, холодный ветер и тошноту», — вспоминала Диана. И в самом деле, трехдневная поездка, длившаяся с 27 по 29 октября, проходила при плохой погоде. Лишь изредка выглядывало солнце, а бóльшую часть времени Диана провела под зонтом. Страусовые перья все равно намокли и грустно лежали на шляпке, словно иллюстрируя настроение хозяйки.

Толпы людей приветствовали Диану и Чарльза на улицах. Их не смущал дождь и ветер: стоять в ожидании приходилось часами. Диана выглядела очень худой, но в целом она держалась куда лучше, чем на свадьбе. Костюм она позже зря будет ругать: все наряды (а принцесса каждый день меняла костюмы) ей очень шли, включая шляпки со страусовыми перьями. Очевидно, что Диане куда удобнее и комфортнее было общаться с детьми. Она протягивала для пожатия руку взрослым, но постоянно присаживалась на корточки к маленьким деткам. С некоторыми она перебрасывалась парой фраз, некоторых целовала в щечку. Почему Диану так и тянуло присесть к маленьким зрителям? Не пыталась ли она таким образом укрыться, спрятаться, стать меньше ростом?

В столице Уэльса Диана превзошла саму себя: она произнесла речь на валлийском языке. Речь не была очень длинной, но и готовиться выступить на языке, которого она не знала, принцессе было некогда. Очевидно, что Диана вовсе не была глупа и обладала определенными способностями, некоторые из которых просто в себе даже не удосужилась раскрыть. Ее проблемой всегда оставались психика, неумение контролировать эмоции, саморазрушение и вечное желание свалить вину на других.

Во время той поездки Чарльз и Диана посетили и больницу, где беседовали с только что родившими женщинами. Роль

Чарльза часто принижают, акцентируя внимание на Диане, которая и правда пожинала первые плоды своего бешеного успеха. Но принц везде шагал рядом с женой. Он также сражался с ветром и дождем, долго разговаривал с роженицами. Конечно, ему было проще. Состояние беременной Дианы не сравнить с состоянием здорового мужчины, пусть и промокшего, но стойко шлепавшего по лужам. Тем не менее резкий спад его популярности на фоне жены в ту поездку является легким преувеличением.

После поездки в Уэльс 5 ноября официально объявили о беременности Дианы.

* * *

Беременность позволила принцессе прекратить лечение и не принимать успокоительные препараты, прописанные врачами. Оставшееся до Рождества время пара провела в Букингемском дворце, где у них в распоряжении находились спальня, гостиная, кабинет, ванная и две гардеробные комнаты. Как обычно, график Чарльза был плотным, но Диана признавать его официальные обязанности не хотела. Секретарь Чарльза вспоминает, как он пытался втолковать Диане, что «существует такое слово „долг“». «Вы можете взять ежедневник на следующий год, — сказал он принцессе, — и сразу пометить: церемония выноса знамени, служба в поминальное воскресенье, несколько королевских поездок, выезд в Балморал, выезд в Сандрингем, охота… Уже сейчас можно заполнить половину дней, и все это вам нужно будет сделать».

Диана постоянно говорила о своем одиночестве, хотя ей не запрещали навещать подруг и приглашать их в гости. Кроме них Диана встречалась с сестрами и матерью. Отца она тогда не приглашала, не желая видеть мачеху. 25 сентября 1981 года объявили и имена женщин, которых назначили Диане фрейлинами. Список с годами расширится, но пока он включал мисс Анну Бэквит-Смит, миссис Лавинию Вивьен Беаринг и миссис Хейзел Джордж Алстон-Робертс-Уэст. Этих троих Диана выбрала из перечня, подготовленного для нее сотрудниками Букингемского дворца. Анна работала на принцессу полный рабочий день. Она также являлась личным секретарем Дианы, помогая ей с корреспонденцией, с назначением встреч, а также с теми делами, которые не входили в круг обязанностей основного секретаря.

Анна начала свою службу с 6 октября. Лавиния и Хейзел

приступили к своим обязанностям несколько недель спустя; они работали не каждый день, но помогали принцессе во время общественных мероприятий (в частности, они отправились с Дианой в поездку по Уэльсу). Список был опубликован в «Times» 26 сентября. Со временем у Дианы появилось еще пять фрейлин. Они не получали зарплаты, но им возмещали карманные расходы и траты, связанные с разъездами. Также им выдавали небольшую сумму на гардероб. Анна получала зарплату за свою работу только в качестве личного секретаря принцессы.

Иногда пишут, что Диане ранее конца сентября никто «не удосужился» назначить фрейлин. Но, как мы помним, она сама накануне свадьбы отказалась просматривать список предложенных кандидатур. А на яхте Диане помогали горничные…

В конце года принцесса зажигала праздничную иллюминацию на Риджент-стрит в Лондоне. Она произнесла короткую речь и вернулась во дворец вне себя от страха — Диана впервые находилась на мероприятии одна. На Рождество королевская семья переехала в Виндзор. Это время стало недолгим «периодом счастья и покоя». Чарльз радовался уютному времяпрепровождению вдвоем и с нетерпением ждал появления на свет малыша. Остальные члены семьи дарили друг другу подарки — «причем самые полезные и обычные, что Диану страшно удивило». Однако долгожданное спокойствие длилось совсем недолго, ровно до наступления нового года и переезда в Сандрингем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
1982–1987 ГОДЫ

Глава первая
НАЧАЛО КОНЦА

К сожалению, беременность совпала с новой напастью: Диана, поняв, что нужного внимания к своей персоне она так и не добилась (таким людям внимания никогда не хватает, даже если с ними проводить сутки напролет, чего, надо честно признать, Чарльз не делал, а соответственно причины для упреков множились), решила пойти на крайние меры. Некоторые биографы говорят, что последней каплей перед отправкой Дианы осенью 1981 года в Лондон к врачам стала ее попытка покончить с собой. Вряд ли она действительно хотела свести счеты с жизнью, но показать свою решительную настроенность посчитала необходимым. И Диана попыталась перерезать себе вены.

В январе 1982 года случилось второе несчастье. Причиной послужила пресловутая охота. Чарльз не менялся: до помолвки он охотился и рыбачил и после помолвки не оставил своих привычек. Свадьба в его жизни и так многое изменила, поэтому отказываться еще и от дорогих сердцу занятий принц не собирался. Но Диана не желала мириться с этим. И вот в один из непрекрасных дней принцесса попыталась заставить принца остаться дома. А принц настойчиво стремился на охоту. Далее случилось ужасное…

У этой истории, как и у большинства других, есть две версии. После смерти Дианы те, кто о ней писал и вспоминал, те, кто интересовался ее биографией, сразу разделились на два лагеря — «фанатов» и людей, пытавшихся относительно объективно оценивать жизнь принцессы (чаще в негативном свете). Диана сама способствовала такому расколу: ее собственные слова и воспоминания, которыми она активно делилась при жизни, часто противоречат друг другу. «Приукрашивание» действительности, а также эмоциональная неустойчивость (то все виделось в светлых тонах, то в темных) повлияли на «картинки», нарисованные принцессой. Поэтому хор людей, с которыми Диана советовалась, консультировалась, болтала за чашкой чаю, диссонирует и «поет» не в лад и невпопад…

Как ни пересказывай январский инцидент, выглядит он нелицеприятно. Беременная Диана упала с лестницы, пришлось срочно вызывать врача, а также гинеколога из Лондона, дабы удостовериться, что с будущим ребенком все в порядке. Самый мягкий вариант истории звучит следующим образом: да, Диана устроила Чарльзу истерику, но она просто споткнулась на нижних

ступеньках и растянулась во весь рост прямо перед вышедшей к лестнице королевой. Чуть более страшно выглядит развернутый вариант первой версии: Диана так зашлась в истерике, что уже не понимала, что происходит, шагнула в никуда, и этим «никуда» оказался лестничный пролет. «Мы в очередной раз поссорились, и я, не задумываясь, в отчаянии шагнула вниз. Летела, кувыркаясь, очнулась у ног королевы-матери. Пришлось вызвать „скорую“, поскольку я очень боялась за малыша…» В другой раз Диана скажет: «Я знала, что не потеряла ребенка — только синяков набила».

Самой отвратительной версией является намеренная попытка Дианы покончить с собой. Она угрожала Чарльзу сделать именно это, а когда он не отреагировал, прыгнула с верхней площадки лестницы. «Королеву била дрожь» — во всех пересказах мать Чарльза и будущая бабушка обнаруживает внизу распростертое тело невестки.

Конечно, можно предположить, что Диана упала случайно. У беременных часто кружится голова, и, возможно, она ненамеренно свалилась вниз. Как бы то ни было, начало у этой истории одно: истерика по поводу отъезда Чарльза из дома. Конец разнится опять-таки в зависимости от «лагеря». Те, кто винит Чарльза в разваливавшемся браке, настаивают на том, что он либо сразу уехал, куда собирался, либо, в лучшем случае, дождался врачей, а после все равно уехал. Друзья принца и слуги утверждают обратное: он оставался возле Дианы весь день, и позже они даже отправились на пикник. По свидетельству самой Дианы, он «фыркнул», обозвал ее истеричкой и удалился.

Небольшую передышку Чарльз получил на Багамах. Туда они с Дианой отправились в середине февраля, хотя и здесь не обошлось без скандала, правда, случившегося по вине репортеров. Кроме нашумевшего фото, которое подстегнуло интерес к Диане, остальное шло куда как хорошо, и это отчетливо видно по другим фотографиям, сделанным во время отдыха. Газета «Sun», опубликовавшая скандальные фото в бикини, писала: «Умопомрачительная будущая мамочка принцесса Диана вчера ныряла в воду на райском острове… в бикини. Находящаяся на пятом месяце беременности принцесса оставляет мысли о ветреной Британии, начиная отпуск своей мечты на Багамах. Беспечная Ди отбрасывает королевскую осторожность и надевает открытый купальник на крохотном острове Уиндермир. Она выглядит счастливой и расслабленной, когда плюхается в воду с хозяином виллы лордом Рамси. Ее супруг Чарльз послушно тащит шезлонг к кромке воды, чтобы Ди загорела наилучшим образом. Она не остается в долгу и намазывает ему на спину крем для

загара».

Королеву сильно возмутили опубликованные снимки. Из канцелярии тут же отправили официальное письмо в газету, в котором говорилось, что фотографии являются «позорнейшим фактом» в истории британской журналистики. Королевская семья все еще пыталась что-то предпринимать. Конечно, сегодня подобные комментарии могут показаться смешными и нелепыми. Но в начале 1980-х деятельность папарацци еще вызывала попытки хоть как-то их усмирить. Телевидение начало более или менее регулярное вещание в начале 1950-х годов. Даже фотографии стали публиковать в газетах лишь в конце XIX века. По большому счету журналисты смогли на полную мощь пользоваться этими достижениями только со второй половины XX века. Кроме того, следует учитывать и умеренный интерес к королевской семье, всплеск которого пришелся как раз на момент появления в ней Дианы.

Случайное совпадение? Отнюдь! В 1960–1970-е годы журналисты и публика активно создают себе кумиров. Успех звезд предыдущих десятилетий не может даже сравниться с ревущими трибунами на концертах «Битлз» и других «селебрити». Певцы и актеры занимают первые полосы страниц желтой прессы. Дошла очередь и до власть имущих. Красивые жены политиков, оказалось, тоже привлекают к себе огромный интерес. Жаклин Кеннеди, Грейс Келли… Наступила очередь английского королевского дома. Кого там фотографировать из-за кустов? Жертва нашлась, она не могла не найтись. Среди прочих фигур на сцене появилась Диана, лакомый кусочек для папарацци: красивая, подходящая на роль Золушки, а значит, понятная и близкая массам, а главное, скандальная…

«Фотографии в бикини стали поворотной точкой в отношениях принцессы с прессой… Ее фотография на обложке увеличивала продажи, люди хотели видеть ее снова и снова». Диана, несмотря на фото, положительно отзывается о пребывании на Багамах: «Мы счастливо провели время, гуляя, купаясь, загорая, жаря всякую всячину на решетках барбекю, даже катаясь на водных лыжах, хотя я осторожничала… Тогда на Багамах мы были действительно счастливы, и нам было хорошо!»

* * *

На Багамах пара провела всего десять дней и вернулась в Лондон. А там мероприятия следовали одно за другим. Когда Диану предупреждали, что календарь мужа заполнен

официальными визитами, то ей сложно было представить — насколько. Например, уже 28 февраля Чарльз и Диана посетили концерт Королевского колледжа музыки в Вестминстере, 4 марта в прекрасном длинном пышном платье Диана сопровождала Чарльза на благотворительный вечер «рыцарей», 14 марта — концерт в Альберт-холле, 30 марта они приехали в хоспис в Лидс, 2 апреля открывали пагоду в Ливерпуле, три дня в двадцатых числах апреля пара провела на островах Силли в Корнуолле… И это лишь часть мероприятий. Диана в ту пору выглядела довольно бодро, а Чарльз рядом с ней просто сиял.

Тогда же, до родов, принц с принцессой получили в свое распоряжение апартаменты в Кенсингтонском дворце. В доме Чарльза в Хайгроув и во дворце начался ремонт, следить за которым взялась Диана. Переезд осуществился за пять недель до родов. Нельзя назвать Кенсингтонский дворец раем — в апартаментах было довольно темно, а самих комнат не так уж и много («у каждого была гостиная и кабинет, а также общая гостиная и столовая, которая служила одновременно и залом приемов. Очень узкие коридоры…»). Комнаты располагались в центре дворца, в котором проживало немало народу: принцесса Алиса с сыном и невесткой, принц и принцесса Кентские, принцесса Маргарет с многочисленной прислугой. «О личной жизни здесь можно было забыть. Всем было слышно каждое сказанное слово. Для уединения здесь просто не было места».

Однако у Дианы оказалось интересное преимущество: в ее комнату имелся тайный проход через заднюю дверь. Тайный в том смысле, что на него не были направлены видеокамеры. «Таким образом, при желании принцесса Уэльская могла спокойно провести к себе какого-нибудь человека, не боясь, что его заметят. Впоследствии она не раз будет пользоваться этой возможностью».

* * *

21 июня свершилось долгожданное событие — у Дианы родился сын Уильям. Она плохо себя чувствовала до самого последнего момента, и врач даже боялся, что придется делать кесарево сечение. Но в итоге все обошлось. Правда, вымотали Диану в последние дни перед родами основательно: помощники пристально следили за ее состоянием, так как рождение сына, наследника трона, считалось делом государственным и о нем положено было докладывать народу. То есть, да, фотографировать Диану в бикини не комильфо, а не давать ей ни

минуты передышки перед родами — нормально. Двойную мораль никто в королевском семействе не отменял.

Рождению сына Чарльз обрадовался безмерно. «Я по-настоящему рад, что провел у постели Дианы целый день, — писал он тогда крестной матери. — К вечеру мне стало казаться, что я и сам участвовал в процессе родов. Я был вознагражден появлением крохотного создания, которое целиком и полностью принадлежит нам!» Чарльз войдет в историю как первый отец из королевской семьи, лично присутствовавший на родах супруги. Впоследствии молодой отец будет много времени проводить возле малыша, «заниматься пеленками и подгузниками», как он сам выражался, и купать младенца. «Еще раз мы почувствовали себя семьей, когда родился Уильям. Чарльз был так счастлив!» — писала Диана.

В помощь принцессе наняли няню, но она тоже постоянно находилась с Уильямом. Диана кормила ребенка грудью, хотя ее и пытались от такого «подвига» отговаривать. Первое время она забыла про булимию и выглядела вполне довольной. Подруга Кэролайн говорила: «От нее веяло счастьем и удовлетворением. Диана была преисполнена гордости за себя и за ребенка».

Но к осени ситуация начала меняться. И первым неприятным событием стало известие о смерти принцессы Монако Грейс. Она трагически погибла в автокатастрофе, и Диана тут же приняла решение ехать на похороны. Нельзя назвать двух женщин подругами. Они виделись один раз на балу, когда Диана надела «неправильное» черное платье. Но Диана считала (и справедливо), что Грейс была тоже несчастлива и являлась чужой в княжеской семье, а соответственно чувствовала в ней родственную душу.

Чарльз к ней присоединяться не собирался, но и не хотел отпускать Диану одну. Однако она обратилась за поддержкой к королеве, и та позволила невестке отправиться в Монако. В поездке Диана держалась молодцом, но на обратном пути, в самолете, расплакалась. Ее настроение ухудшилось еще больше, когда Чарльз не приехал в аэропорт. С того момента состояние Дианы вновь начало меняться в отрицательную сторону. Причем на этом витке булимия отягчалась попытками не столько покончить с собой, сколько нанести себе увечья и напугать этим Чарльза. Перечень ее поступков ужасает: «Однажды Диана бросилась на застекленные дверцы шкафа, в другой раз полоснула бритвой по запястью. Был случай, когда Диана пыталась вонзить в себя зазубренный конец ножа для лимонов; аналогичную попытку она предприняла, воспользовавшись перочинным ножом принца Чарльза, лежавшим у него на

тумбочке. В тот раз ей удалось нанести себе несколько порезов на груди и бедрах».

На этом фоне прогрессировала булимия и вовсю развивалась послеродовая депрессия, которую многие специалисты считают лишь частью общего психического расстройства. Часто послеродовая депрессия возникает через три месяца после родов, что и случилось с Дианой. Основными причинами этого явления называют конфликтные отношения с матерью, недостаток материнских чувств, неприятные переживания, неспособность контролировать жизненные события. «Во время обследования матери чаще всего обнаруживаются следующие симптомы депрессии: тревога (которая сопровождается сердцебиением, головной болью, чувством паники, навязчивыми действиями); субъективное чувство печали и грусти; отсутствие сил; плаксивость; бессонница; нарушение аппетита, подавленное настроение, чувство одиночества, идеи самоуничижения». Все перечисленные симптомы были характерны и для Дианы.

В ее воспаленном сознании вновь всплыла Камилла, и принцесса опять стала изводить себя ревностью. Если Чарльз с кем-то говорил по телефону, Диана была уверена, что звонит Камилла. Если он не приезжал вовремя домой, она тут же начинала звонить его друзьям, которые ясно слышали, как принцесса плачет. Даже любовь к ребенку у нее порой принимала крайние формы: она постоянно спрашивала няню, как себя чувствует Уильям. К тому же по осени семья как обычно переехала в Балморал. Там затяжные дожди доводили Диану до совсем отчаянного состояния, и она была вынуждена ездить в Лондон на консультации к врачам. Лечить ее пытались по-разному: и таблетки прописывали, и сны анализировали, и просили подробно пересказывать события прошедшего дня. Обращали внимание и на болезненную худобу принцессы, которая во второй половине 1982 года бросалась в глаза: на фотографиях на ее лице видны заострившиеся скулы, слишком узкий подбородок, тоненькая шея и выпирающие ключицы.

На проблемы Дианы начали обращать внимание не только близкие и врачи. «Неадекватность ее поведения уже заметили в обществе. Самый неприятный эпизод имел место в поминальное воскресенье, на мемориальной церемонии в память о погибших в военных конфликтах, проходившей в Альберт-холле 13 ноября 1982 года… Тем вечером Чарльз и Диана в очередной раз поссорились, и Диана отказалась идти с мужем. Он уехал без нее. Но затем она передумала и решила поехать, хотя ее предупреждали, что делать этого не стоит: она приедет в Альберт-холл позже королевы, а это недопустимое нарушение протокола.

Диана не обратила никакого внимания на эти слова и появилась в зале, вызвав полный переполох: ей пришлось искать место. Ссора с Чарльзом стала достоянием общественности».

Болезненная худоба Дианы не ускользнула от вездесущих журналистов. Они подумали, что у нее развивается анорексия, и пытались выведать у слуг и придворных, так ли это. Слухи распространялись с угрожающей быстротой, и даже увольнение из дворца проболтавшихся не мешало газетам публиковать подробности жизни принцессы. И если вначале журналисты сочиняли сказку о Диане-Золушке, то теперь принялись ее развенчивать, называя Диану монстром, «исчадием ада и чудовищем». Интерес к принцессе не угасал, но вместо сказки людям стали показывать мыльную оперу, сериал со скандалами, выяснением отношений, слезами, а позже и изменами.

«В какой-то момент все стало очевидно. Диана рыдала на людях, меняла свои планы в последнюю минуту, и принцу приходилось в одиночестве появляться там, где ожидали их вдвоем… Прессе это понравилось, потому что журналисты получили драму, к которой — в силу сложившегося у королевской династии отношения к прессе — никогда не получили бы доступа… А вот истории о Диане всегда показывали реальное состояние дел в этом браке — достаточно было заметить, что он был в Хайгроуве, а ее не было, или наоборот». То есть раньше за Дианой охотились, чтобы выведать подробности ее романа с принцем, а после принялись ее преследовать, чтобы доказать — их брак разваливается.

В свою очередь, Диана пристрастилась к чтению многочисленных таблоидов. Ее расстраивала любая статья в прессе: даже когда газетчики выражали по отношению к ней жалость, наперебой пересказывая, насколько не принимают поведение Дианы в королевской семье, принцесса огорчалась, хотя правда была ей известна куда лучше. Родственники Дианы тоже не оказывали ей необходимую поддержку, точнее, она таковой была фактически лишена. По какой-то загадочной причине мать Дианы после свадьбы постепенно прекратила навещать дочь. Придворные рассказывали, что она не появлялась во дворце в течение двух лет. А вот журналистам Френсис давала интервью с удовольствием. Она делилась подробностями развода с Джонни, чем изводила Диану, не желавшую вспоминать грустные моменты своего детства. Свое отсутствие в жизни дочери Френсис объясняла тем, что дети после заключения брака должны жить самостоятельно, учиться на собственных ошибках, принимать собственные решения. «Они должны быть совершенно свободны», — утверждала она.

Немного толку было и от старших сестер. Обе к тому моменту обзавелись семьями. Сара жила в Линкольншире и не стремилась к общению с Дианой, зависть к которой не прошла с годами. Джейн находилась неподалеку, однако ее муж служил помощником личного секретаря королевы, и сестра старалась проявлять осторожность. «К тому же Джейн, женщину спокойную и здравомыслящую, драмы Дианы мало трогали. Она изредка навещала сестру, но помочь ей или не могла, или не хотела». Изредка к Диане приезжал отец, но в его семье верховодила Рейн, а видеть их вместе Диана не желала. В декабре 1982 года мачеха продолжила распродавать имущество Олторпа под предлогом грядущей реставрации замка. Критиковали Рейн не только члены семьи Спенсер, но и журналисты. Между детьми и мачехой отношения от этого снова ухудшились, тем более что деньги на ремонт потрачены не были.

Фактически с проблемами Дианы пришлось иметь дело только королевской семье. Чарльз позже нелицеприятно высказывался о Спенсерах из-за того, что те его не предупредили о психологических проблемах Дианы. Кроме того, они не делали попыток ей как-то помочь и предпринять какие-то меры со своей стороны. «И поддержать меня в семье просто было некому, — вспоминала Диана. — Бабушка вела себя так, словно я ей совершенно чужая, наблюдая за моими мучениями со стороны, мама наговорила журналистам кучу гадостей об их с папой разводе. Удивительно, но, выдав меня замуж за принца, моя собственная семья словно отреклась от меня, будто я в этом замужестве чем-то виновата».

Глава вторая
ДИАНА ПРОТИВ ЧАРЛЬЗА: ДИАНОМАНИЯ В РАЗГАРЕ

Позже Диана признавалась, что ее отдушиной стали поездки. Конечно, порой ей приходилось тяжело, переезжая из страны в страну, меняя климат и часовые пояса. Но это вносило искомое разнообразие в жизнь, пресловутая скука отступала. Да и обожание миллионов людей Диане нравилось. Она совершенствовала навыки общения с публикой и даже благодаря поездкам восполняла пробелы в своем образовании. «Я училась… Мои программы во время визитов становились все более сложными и насыщенными… Да, я не люблю философских размышлений Юнга, но я не тупа, да, я неважно училась в школе, но я легко наверстывала нужное».

В 1983 году программа официальных мероприятий Дианы была насыщена как никогда ранее. Пожалуй, впервые после замужества она становится заметной фигурой в политической и общественной жизни Великобритании. Диане понадобилось менее двух лет, чтобы начать осознавать свое место в королевской семье. Приведенные выше слова не являются «приукрашиванием» — Диана учится и совершенствуется, все чаще глядя прямо и уверенно из-под знаменитой блондинистой челки. Материнство изменило принцессу, придав ее облику женственности, кокетливости, сделав улыбку более искренней и открытой.

16 февраля прекрасные снимки жизнерадостной Дианы были сделаны в доме престарелых на юге Лондона в Уондсворте. Для визита туда принцесса надела вельветовый костюм бордового цвета с шелковой кремовой блузкой и шляпкой в тон костюму. На шляпке, как и в Уэльсе, красовались страусовые перья. Визит длился два часа. Манера Дианы общаться с простыми людьми становилась ее отличительной особенностью: она запросто болтала с пожилыми людьми, рассказывая им истории из своей жизни и внимательно слушая их повествования. Следующий визит состоялся уже 17 февраля: Диана уехала в Глазго, чтобы открыть новую палату в королевской детской больнице, в оборудование которой было вложено 310 тысяч фунтов. Затем она прошла по улицам города, приветствуя высыпавших на улицы жителей. Оба визита Диана провела одна: теперь у нее появились собственные мероприятия, которые она посещала без Чарльза. Основы будущей обширной благотворительной деятельности

принцессы Уэльской закладывались именно в тот период.

Конечно, крупнейшим событием 1983 года стала мартовская поездка Чарльза и Дианы в Австралию и Новую Зеландию. Она длилась без малого шесть недель. Благодаря предупредительности премьер-министра Австралии паре удалось взять с собой маленького Уильяма с няней. Малыша поселили в обширном поместье, выделив на его охрану большой штат телохранителей. Родители пользовались любым, даже небольшим, перерывом в насыщенной программе визита, чтобы навестить Уильяма. Первые кадры прилета пары в Австралию показывают, насколько изменилась ситуация: Чарльз, как и раньше, идет впереди, но Диана уже не смущается и знает, что делать. Она пожимает руки встречающим и тут же оборачивается, посмотреть, как там девятимесячный Уильям, которого несет на руках няня. Когда няня ступает с трапа на землю, Диана мгновенно забирает у нее мальчугана. Она уверенно держит ребенка, который, надо отдать ему должное, спокойно крутит головой по сторонам. Ранее в подобные поездки детишек не брали: Диана и Чарльз были первой парой, взявшей с собой маленького сына.

После визита в Австралию остались прекрасные кадры, где на благотворительном балу Чарльз и Диана танцуют вместе на глазах у восторженной публики. Очевидно, что принц влюбился в свою принцессу. Пусть это не была любовь с первого взгляда (даже на свадьбе жених и невеста выглядели словно чужие — да так оно, собственно, и было), но буквально за два года Диана сумела очаровать мужа, несмотря на все свои проблемы с психикой. Чарльз нежно обнимает супругу за талию и приглашает ее на танцпол, а затем с легкостью ведет ее в быстром танце. Он тоже не промах, этот принц, слегка приподнимающий жену, кружащий ее в сумасшедшем темпе. Длинное бирюзовое платье Дианы вздымается вверх, ноги в серебряных туфельках быстро мелькают перед глазами завороженной публики…

К сожалению, проблемы, связанные с едой, вряд ли ушли на задний план — во время всех поездок 1983 года очевидна чрезмерная худоба Дианы. На балу ее талия, скорее всего, вообще не была бы видна, если бы не широкий, в тон туфлям, серебряный пояс. Платье без рукавов — в Австралии жарко, и все дамы одеты в открытые наряды — и тонкие, как тростинки, руки принцессы нельзя не заметить. В поездку Диана, по ее собственным словам, взяла более двухсот платьев, но в итоге ей их не хватило, и она попросила выслать из Лондона дополнительные наряды. Чарльз называл ее стремление покрасоваться «показом мод», а не официальным визитом, тем не менее внешний вид принцессы

тоже способствовал успеху поездки, а значит, в общем повышению престижа королевского дома. На одной из встреч на голове Дианы красовалась диадема Спенсеров, которую она надевала на свадьбу.

В целом поездка проходила замечательно. Люди приветствовали Чарльза и Диану, ажиотаж вокруг последней нарастал с каждым днем. В Новой Зеландии для них подготовили целое представление, в котором участвовало несметное количество народу! В костюмах аборигенов (точнее, практически при полном их отсутствии) новозеландцы танцевали перед Чарльзом и Дианой, а после под бой барабанов и приветственные крики перевезли королевскую чету через реку на огромной лодке. Репортеры отмечали, что подобной чести не удостаивалась во время визита даже сама королева. Впрочем, и Австралия не отставала: «Из семнадцати миллионов жителей страны около одного миллиона наиболее ярых почитателей переезжали из города в город по всему маршруту следования высоких гостей. Восторг толпы иногда граничил с истерией. В Брисбене ажиотаж достиг точки кипения. Трехсоттысячная толпа заполнила центр города, и достаточно было привести в движение эту массу, чтобы люди передавили друг друга. Ни сам принц, ни его придворные никогда еще не видели такого восторженного приема».

Естественно, Диана уставала — сказывались разница во времени, перемена климата и большое количество переездов по стране. Периодически она давала волю слезам и страдала от приступов булимии. Но главное, в их отношениях с Чарльзом вкралась новая напасть. Принца уже начало раздражать повышенное внимание, оказываемое его жене. Он старался не показывать вида, однако кому понравится недовольный свист толпы, если ты появляешься на улице без принцессы, если ее забрасывают цветами, если ее имя выкрикивают люди. Никакой вины да и заслуги Дианы в том не было. Она вовсе не вела себя, как многие звезды, пытаясь всеми силами привлечь к себе внимание. К тому же ее психоэмоциональное состояние не всегда позволяло нормально себя чувствовать в окружении большого количества людей, под пристальным вниманием прессы.

Журналисты вновь полюбили Диану. Время от времени выкапывали нелицеприятные факты и выставляли «грязное белье» напоказ, но в любом случае она теперь была их героиня, звезда, потому что очень нравилась публике. Умение держаться с людьми так, чтобы им хотелось видеть ее вновь и вновь, назвать можно как угодно: харизмой, обаянием, даром. В любом случае этот талант Диане явно был дан свыше, и наделена она им была сполна. Именно оттого, что принцесса не притворялась, а вела

себя естественно, она и полюбилась людям. Когда у Дианы брали интервью, она признавалась, что действительно «справляется с работой принцессы Уэльской лучше, чем ранее». Работа эта по-прежнему оставалась напряженной и изнуряющей. Просто опыта у принцессы стало больше…

По возвращении из Австралии Диана почувствовала себя готовой встретиться со старыми друзьями. Жизнь в заточении Букингемского дворца ее не устраивала и раньше, но предпринимать самостоятельные шаги она доселе не была готова. «Скука» изводила Диану, и вдруг она решила восстановить прежние контакты и написала нескольким своим старым знакомым. В частности, Диана встретилась с Адамом Расселом. Изменения, произошедшие с подружкой, не ускользнули от его внимания: с одной стороны, перед ним сидела красивая, холеная женщина, с другой — эта женщина была явлением из другого мира, в котором есть место охранникам, одиночеству и печали. Безудержное веселье, бездумные шалости ушли в прошлое.

Диана в любом случае больше не была сама себе хозяйкой. 1 июня для нее запланировали два мероприятия, из-за которых ей даже пришлось пропустить ланч в королевском дворце. С утра она открывала новую королевскую больницу на 600 мест с новейшим оборудованием. Сотни людей пришли на открытие, чтобы увидеть Диану. Затем принцесса поехала открывать новую фабрику по изготовлению поздравительных открыток. По дороге ее приветствовали толпы людей, дети забрасывали цветами. «Принцесса прошла по всем цехам, расписалась в книге посетителей и поговорила с взволнованными работниками». Директор по производству вспоминал, что Диана, до визита казавшаяся ему застенчивой, имела прекрасный характер и притом была женщиной довольно волевой.

Вторым весьма значимым визитом за океан в тот год стала восемнадцатидневная поездка в Канаду. Она началась в середине июня и закончилась прямо в день рождения Дианы. Практически во всех выступлениях Чарльз представлял канадцам свою жену, которая, по его словам, достойна медали за рождение сына, с которой он надеялся иметь еще нескольких детей, называл ее красивой, короче говоря, хвалил, как мог. Диана смущалась, краснела, но ей было приятно слушать комплименты мужа, которыми он щедро сыпал перед ней при всем честном народе. Если Чарльз и завидовал популярности жены, то внешне это никак не проявлялось. На кадрах, снятых в Канаде, видно, как он нежно обнимает Диану за талию, как постоянно поглядывает на нее с улыбкой. Диана ведет себя по-прежнему сдержанно-интеллигентно: пожимает руки, улыбается и если идет не рядом с

Чарльзом, то, по королевскому этикету, немного отставая, чуть позади.

Внешне Диана, по описанию газетчиков, оставалась прелестной и необычайно стройной. Порой в толпе людей ее не видно — только мелькает пушистое страусовое перо на шляпе. Забавно, но канадцы посчитали даже траву недостаточно зеленой и по случаю королевского визита нанесли на нее пульверизатором зеленую краску. С собой пара взяла без малого десять тысяч фунтов багажа, который хранился на королевской яхте «Британия». Апогеем поездки стало празднование дня рождения Дианы в последний день их визита.

Чарльз открывал Международную универсиаду. Начал он свою речь следующим образом: «Сегодня особенный день по трем причинам. Это день рождения моей дорогой жены». После этих слов последовали продолжительные овации. Сидевший рядом с Дианой мужчина показал ей большой палец — мол, ваш день рождения является причиной номер один. Далее Чарльз продолжил: «Но не только это. У нее достало здравого смысла и хорошего вкуса родиться в день национального праздника Канады». Трибуны продолжали ликовать, а виновница торжества смущенно, но очень мило улыбалась, поглядывая на своего мужа. «И сейчас я открываю двенадцатую летнюю Универсиаду в Эдмонтоне», — заключил Чарльз, вызвав еще большую бурю эмоций. Тот день наверняка запомнился Диане — в открытом белом лимузине ее везли по периметру футбольного поля, а весь зал пел «Happy birthday to you, dear Diana».

Популярность принцессы могла и не нравиться Чарльзу, но на людях он вел себя с ней очень нежно и внимательно, не сравнить с первыми их совместными появлениями на публике. А вот друзья и ближайшее окружение принца начали воспринимать Диану как угрозу. Ей приписывали увольнения давних сотрудников Чарльза и настойчивые попытки отвадить от него некоторых знакомых. Понятно, что в списке неугодных лиц постоянно стояло имя Камиллы, а заодно с ней и имя ее мужа. Кроме того, те друзья принца, которые выступали в свое время против его брака с Дианой (Чарльз бывал необдуманно откровенен с женой и делился подобными деталями), считали, что из-за Дианы ушел с работы камердинер Чарльза. Вначале, еще до помолвки, он помогал Диане, подсказывая ей, что Чарльз любит и в каком находится настроении, но в 1983 году между ними точно пробежала черная кошка.

Принцессе приписали даже удаление с глаз долой любимого лабрадора принца. «Говорили, что Диана запретила Харви появляться в доме — как и некоторым друзьям мужа. На самом

деле лабрадор был уже слишком стар, у него возникли проблемы с суставами, и он просто не мог подниматься по лестницам в апартаменты принца. Собаку поручили заботам полковника Кризи». Впрочем, существуют и прямо противоположные воспоминания: Диана не выносила собак в доме, а потому и попросила держать лабрадора за пределами апартаментов. К слову сказать, Камилла разделяет страсть Чарльза к собакам. Сейчас они держат терьеров…

В 1983 году был уволен и личный секретарь Дианы Оливер Эверетт, служивший ей с первых дней появления во дворце. Сначала они ладили, но неожиданно принцесса на него обиделась и попросила Чарльза уволить секретаря, что тот сделал в конце года. Оливеру предложили новую хорошую должность, однако это не спасло Диану от критики. Возможно, теперь она пыталась строить жизнь иначе и избавлялась от свидетелей ее первых шагов во дворце. К тому же влияние Дианы на Чарльза в самом деле возросло, чем она, скорее всего, действительно пользовалась, убирая с дороги своих старых недоброжелателей.

Насколько верны слухи об участии Дианы в устранении людей из ближайшего окружения Чарльза, сказать сложно. Уволенные или отвергнутые бывшие друзья активно рассказывали газетчикам об ужасном характере принцессы, о ее дурном влиянии на принца, попытках изменить его образ жизни и полностью подмять под себя. Доля истины в их словах есть — нет дыма без огня. Ранее Диана и не скрывала, что ей не нравятся увлечения мужа. Она хотела, чтобы он все время проводил с ней. Впрочем, у самого Чарльза тоже был сложный характер, и некоторые увольнения явно были делом его собственных рук.

* * *

14 февраля 1984 года в День святого Валентина объявили о второй беременности Дианы. Как и во время первой, Диану постоянно тошнило. Так она обычно и вспоминала эти два года, с 1982-го по 1984-й, как «мрачное времечко — меня постоянно тошнило, и это было мучительно». В тот же месяц, непосредственно перед объявлением о беременности, Диана впервые одна поехала за границу, с двухдневным визитом в Норвегию. Там она посетила «Кармен», представление, которое давал Лондонский балет, чьим патроном она являлась. На спектакле Диана присутствовала вместе с королем и королевой Норвегии. На ней было вечернее красное платье, отделанное кружевом, навевавшее прямые ассоциации с главной героиней

балета. На второй день Диана посетила посольство Великобритании. В ту поездку, кроме великолепных нарядов, Диана продемонстрировала и новую прическу: она начала отращивать волосы и выглядела несколько иначе, чем с привычной, короткой стрижкой.

В Норвегии Диана была 11 и 12 февраля. Через день после ее возвращения Букингемский дворец официально объявил об интересном положении Дианы, а на следующий день они с Чарльзом поехали на фабрику, где выпускали автомобили «ягуар». Газеты не могли оставаться в стороне и опубликовали полный отчет о том, как выглядела принцесса. По их мнению, она оставалась по-прежнему очень худенькой, но смотрелась счастливой и вполне здоровой.

Отношения с Чарльзом тоже складывались нормально. Позже в воспоминания вкрадется противоречие: Диана будет настаивать, что Чарльз вернулся к Камилле именно в тот год: «Промежуток времени между рождением Уильяма и Гарри покрыт мраком депрессии. Я просто вычеркнула этот период из своей жизни, поскольку в нем было слишком много душевных страданий». Камилла «преследовала» Диану, она мерещилась ей повсюду: в телефонных разговорах Чарльза, во время его отлучек из дома. Истерики не прекратились, они лишь затихали на время, чтобы возобновиться с новой силой. Полному сближению мешало и отсутствие у пары общих интересов. После свадьбы их смог объединить Уильям, но все остальное осталось на прежних местах. Диана, конечно, училась и старалась во время официальных поездок хорошенько играть свою роль. Но в глубине души она оставалась небольшой любительницей «заумных» бесед, которыми так славился Чарльз. Обычно Диана просто слушала его, не отвечая. Впрочем, Чарльз и не особенно старался втянуть ее в разговор, понимая, что жене интересующие его темы скучны.

В августе 1984 года в семье Спенсер произошла беда. Дядя Дианы, лорд Фермой, покончил с собой, и все тут же заговорили о проблемах Дианы и «дурной крови Фермоев». Эдмунду Фермою было всего 45 лет, когда он застрелился. Причиной стала затяжная депрессия, хотя жизнь его не изобиловала печальными событиями. Эдмунд являлся пятым бароном Фермой, был женат и имел четверых детей. Диана дядю очень любила. Он присутствовал на ее свадьбе с Чарльзом. Поэтому удар, нанесенный его смертью, оказался, учитывая поднятую газетами шумиху, очень сильным. Тяжелее всего пришлось бабушке Дианы, матери Эдмунда. Но Рут Фермой отличалась выдержкой и на провокации журналистов не поддавалась. Куда сложнее приходилось Диане. К тому же газетчики при любом упоминании

семьи Спенсер и Фермой начинали муссировать болезненную для Дианы тему развода родителей.

* * *

Рождение Гарри 15 сентября 1984 года интерпретируется двояко. Чарльз ждал девочку, и Диана якобы боялась ему говорить о результатах УЗИ, которые точно указывали на мужской пол будущего младенца. К тому же Чарльз был недоволен рыжим цветом волос сына, так как им отличались Спенсеры. Однако многие отмечали, что Чарльз очень трепетно относился к детям и никакого предубеждения к рождению мальчика не имел. «Я не думаю, что Чарльз был разочарован, когда узнал, что у него родился еще один сын, — говорил один из друзей принца. — Мне кажется, это заблуждение, вызванное будущими событиями в жизни принцессы. У меня сложилось впечатление, что Чарльз был восхищен появлением Гарри».

Когда Чарльз сам был ребенком, он с удовольствием возился с младшими братьями: «…он любил заходить в детскую, чтобы поиграть с маленькими Эндрю и Эдвардом. Он часто болтал с ними, пока их купали». Отношения с Дианой резко изменились в лучшую сторону (по крайней мере таковыми они представляются по видеозаписям того времени) именно после рождения Уильяма. Чарльз в принципе любил маленьких детей, что бросается в глаза, когда видишь его фотографии с младенцами на руках. Маленький Уильям тоже сразу полюбил брата и никакой ревности к нему не испытывал.

Дети могли спасти брак Чарльза и Дианы, но, к сожалению, после рождения Гарри Диана не успокоилась и продолжала искать угрозу там, где она если и существовала, то весьма призрачно. Она позже утверждала, что была уверена: Камилла из жизни Чарльза никуда не пропадала, оставаясь его любовницей и после свадьбы. Однако приступы ревности, как и приступы депрессии, а также булимии, имели волнообразный характер. Например, когда пара уезжала из Англии, Диана практически не устраивала сцен ревности. «Но самое главное — там не было Камиллы! — пишет об одной из поездок того периода Диана. — О, как бы я хотела отправиться жить с мужем куда-нибудь подальше от Англии или отправить туда Камиллу! Без ротвейлера (прозвище, которое дала Диана Камилле. — *В. Б.)* мы были счастливы…»

Как это в духе Дианы — все валить на одного человека, не предпринимая попыток проанализировать ситуацию в целом. На

консультации ван дер Пост сказал Диане, что у нее паранойя. «Он говорил о способности… даже, точнее, потребности Дианы выискивать во всех человеческих проявлениях доказательства своей несчастной доли. Постепенно за Дианой прочно закрепилось звание неврастенички. Так о ней вспоминают даже слуги, с которыми она была то весьма демократична и даже мила, то неожиданно становилась настоящей стервой». И есть причины признать правоту ван дер Поста.

В принципе ревность может укладываться в так называемую «норму», а может перейти в патологическое состояние. Обычно патология не «гуляет» сама по себе, а «органически вплетается в самые разнообразные душевные расстройства человека». Следует отметить основной признак патологической ревности: человек уверен в наличии соперника, причем мнимы или реальны причины — для ревнивца не имеет никакого значения. Что это значит? Лишь то, что Камилла и Чарльз могли вести себя как угодно: вообще не общаться, общаться по-дружески, действительно быть любовниками — для Дианы подобные вещи не играли никакой роли. Как не играло роли, хорошим или плохим человеком являлась мачеха Рейн. Для Дианы она была исчадием ада, и та, хоть на голову встань, не доказала бы обратное.

Для принцессы факт измены принца являлся безоговорочным, Диана постоянно за ним следила, любой подслушанный телефонный разговор интерпретировался однозначно. Ее воспоминания позже «редактировались», чтобы добыть в прошлом новые и новые «доказательства» неверности мужа. Конечно, сказать с уверенностью, изменял ли Чарльз жене, невозможно: только он сам и Камилла знают наверняка, а они пока на эту тему не распространяются. Тем не менее все окружение Чарльза и Дианы упорно твердит: принц вернулся к бывшей любовнице после окончательного разлада с женой, который наступил в 1986 году. Мы посмотрим, как развивались события дальше, но очевидно, что либо Чарльз ужасный притворщик и прекрасный актер (что сомнительно), либо с момента объявления помолвки и до рождения Гарри он оставался верен Диане. Вначале принц плохо ее знал, но постепенно он влюблялся в свою жену, и кадры хроники нам это доказывают лучше любых слов.

* * *

В 1984 году началась активная работа Дианы в области благотворительности. Как бы ни складывались другие стороны ее

жизни, как бы ни раздирали ее противоречия, как бы порой губительна ни была Диана сама для себя, она «спасала себя через помощь другим». Люди, много времени посвящающие благотворительности, облегчают боль другим людям и частично, таким образом, уменьшают собственные переживания. Но такие люди пытаются скрыть, что им самим нужна помощь, — помогая другим, они становятся сильнее. У благотворителя неизбежно повышается самооценка: уверенность придает тот факт, что ты способен улучшить чью-то жизнь.

Первым серьезным опытом для Дианы стало ее назначение, сразу после рождения Гарри, президентом детского благотворительного фонда «Барнардо», который занимался и занимается в основном вопросами усыновления и опеки. Фонд существует с 1867 года, и с первых дней с ним сотрудничали представители королевской семьи. С 1902 года они патронировали «Барнардо», а с 1923 года становились его президентами. Диана являлась президентом фонда с 1984 по 1996 год. За это время «она посетила более 110 мероприятий, включая 16 за один год и 3 за одну неделю!». По иронии судьбы сейчас президентом фонда работает Камилла…

* * *

6 ноября 1984 года открылась очередная сессия парламента. На ней, как и положено, присутствовала королева, а также члены королевской семьи, включая Чарльза и Диану. Диана не впервые посетила парламент. И в предыдущие годы на открытие сессии она всегда надевала светлые длинные платья и тиару. На этот раз газеты, разместившие фотографии принцессы, разошлись во мнениях: кто-то называл Диану «лучшей из лучших», кто-то считал, что новая прическа старит ее лет на десять. Но, так или иначе, тема внешнего вида Дианы затмила суть политического события в жизни страны. У принцессы появился тогда новый парикмахер — он-то и уложил отросшие волосы на манер, принятый у некоторых других дам при дворе. Буквально через пару дней Диана посетила детский фонд «Барнардо», тогда волосы красиво лежали на плечах, сверху заколотые двумя гребешками. И все бы ничего, но появление Дианы в парламенте наделало шуму: королева посчитала, что невестка «превращает открытие сессии парламента в показ мод». С того момента любовь Дианы к нарядам стала еще одним камнем преткновения в ее отношениях с королевским домом, считавшим, что вести себя надо скромнее.

* * *

В конце года, 21 декабря, состоялись крестины Гарри. Список приглашенных выверялся тщательно, но гостей позвали в самый последний момент, а потому некоторые сослались на составленные заранее планы и не пришли. Правда, семья Спенсер присутствовала практически в полном составе (отсутствовал лишь муж Френсис). Пришла даже пресловутая мачеха Рейн. Одной из крестных младенца стала подружка Дианы Кэролайн Бартоломью. В связи с памятным событием был сделан целый сет фотографий. Милейшим образом везде выглядит Уильям — парнишке никто не делал замечаний и не заставлял принять подобающую «постановочную» позу, поэтому он выглядит словно человек из другого мира по сравнению с чопорными членами его семьи. На фото в первом ряду женщины одеты в платья голубых оттенков: бабушка Дианы рядом с давней подругой королевой-матерью, затем вместе на одной банкетке королева и Диана с младенцем на руках, сбоку возле Дианы пристроился Чарльз, и завершает композицию первого ряда мама Дианы. Вторым рядом стоят: леди Сара Армстронг-Джоунс (племянница королевы и крестная мать Гарри), Брайан Орган (портретист и крестный отец Гарри), Джеральд Уорд (близкий друг Чарльза, крестный отец Гарри), улыбающийся во весь рот младший брат Чарльза принц Эндрю (тоже крестный Гарри), принц Филипп, лорд Спенсер (отец Дианы, судя по фото, так и не оправившийся после болезни), леди Вести (подруга Чарльза и Дианы, крестная Гарри) и весьма симпатичная подруга Дианы Кэролайн Бартоломью. «Получающий наибольшее удовольствие» — у ног королевы и Дианы на полу резвится Уильям… Мачеха Дианы на фотографиях отсутствует.

Глава третья
ДИАНА ВЫКИДЫВАЕТ НОМЕР

В 1985 году на людях Диана блистала еще сильнее и в то же время все больше отдалялась от мужа. Именно с этого года она начала обращать внимание на других мужчин, объясняя свои увлечения отсутствием интереса со стороны принца. Желтая пресса муссировала слухи о наличии в жизни Дианы любовника еще до рождения Гарри и предполагала, что именно этот мужчина являлся настоящим отцом мальчика. Тут все же не хотелось бы опускаться до такого уровня, и печально знаменитого Джеймса Хьюитта оставим до 1986 года — судя по реальным фактам, а не сплетням, Хьюитт в окружении Дианы раньше не появлялся и уж наверняка не был отцом Гарри.

Но вот охранник Дианы Барри Мэннеки начал работать у принцессы с весны 1985 года. Их отношения, скорее всего, носили платонический характер, но есть подозрение, что во многом Диана и Барри не перешли грань благодаря последнему. Охранник был на 14 лет старше принцессы и осознавал, чем им обоим грозит любовная связь. Диана и сама признает в воспоминаниях, что Барри пугался проявлений ее чувств и старался соблюдать дистанцию. Охранника через год работы перевели в другое место, а еще через год он погиб в автокатастрофе. Диана утверждала, что его убили из-за их связи, связи, которой, по сути, не было.

Почему же тогда из ближайшего окружения Дианы убрали Мэннеки, если между ними ничего выходящего за грани приличия не было? Ведь год спустя началась связь с Джеймсом Хьюиттом, которая продлилась несколько лет, и впоследствии Диана даже не скрывала этого факта, но Джеймса возле принцессы терпели. Сложно судить, возможно, перевод Барри Мэннеки вовсе не был связан с влюбленностью Дианы. А роман с Джеймсом оказался выгоден королевскому двору. Привязанность к Барри принцесса всячески демонстрировала всему миру, а связь с Джеймсом происходила «за закрытыми дверями», и притом «прекратились депрессии, приступы булимии. Счастливая принцесса обрела наконец душевный покой. Неудивительно, что Чарльз не препятствовал этим отношениям. Наступивший во дворце мир дорогого стоил!».

Про отношения с Барри сама Диана говорит довольно много. В ее воспоминаниях он занимает столько же места, сколько отец, Джеймс и «мужчины-мусульмане». Она сравнивает их с

Камиллой: «мужчины, подобные Камилле в жизни Чарльза». Немного неверное сравнение, но уж больно Диане хотелось «соответствовать» и выступать на равных — мол, и у меня есть любовники. Как показывает практика, подобные методы спасению брака не способствуют…

Итак, Барри, солидный мужчина, женатый, с двумя детьми, становится охранником Дианы. Не она первая, не она последняя женщина, которая влюбляется в бодигарда. Этот мужчина представляет собой идеальный образ: внешне он подтянут, производит впечатление надежного, готового прийти на помощь, поддержать и защитить. Диана признает, что все эти качества просто входят в обязанность личной охраны. Но тут же оговаривается: «…и муж тоже обязан помогать и поддерживать, а Чарльз об этом не задумывался». Сравнивать человека, выполняющего свои прямые обязанности и получающего за это зарплату, и мужа, тем более избалованного принца, странно, но не для Дианы. Она признает, что Чарльз «и дверь придержит», «и руку подаст». Однако это всего лишь признаки воспитания, а не искреннего внимания. То есть у охранника помощь и поддержка — признак искренности?

Близкая связь, признает Диана, во дворце невозможна — повсюду камеры, да и слуги, горничные постоянно шныряют туда-сюда. Но принцесса приближала к себе Барри, как могла. Она просила подать ей руку, чтобы не поскользнуться, спрашивала, нравится ли ему ее новый наряд, комментировала его одежду. Например, Диана похвалила новый кашемировый свитер охранника, и он тут же начал носить кашемир. Так как Диане материал нравился на ощупь, она то и дело дотрагивалась до его рукава. Диана старалась почаще устроить так, чтобы побыть с Барри наедине. Однако в какой-то момент, по ее собственному признанию, охранник испугался. «Позже я поняла, что страхи Мэннеки вовсе не были беспочвенны, бояться следовало не только за место, но и за собственную жизнь». Диане и в голову не приходила куда более прозаическая мысль: Барри испугался ее напора, увидев, что интерес принцессы простирается куда дальше обычного кокетства…

В 2004 году в США предали гласности записи Дианы, которые сделал ее преподаватель по практике речи. Она училась у него в 1992–1993 годах и откровенничала на темы секса и взаимоотношений с мужчинами. В том числе говорила Диана и о Барри Мэннеки, выдвигая обвинения, направленные в сторону королевской семьи, состоявшие в том, что Барри «убрали» из-за близких с ней отношений. Паранойя? Судя по всему, да. Если Диана утверждает, что между ними ничего не было, то какой

смысл убивать охранника через два года после его службы у принцессы? У того же Джеймса Хьюитта ни много ни мало имелись любовные письма Дианы, он делился своими воспоминаниями без зазрения совести (по ним даже написали скандальную книгу). Но по сей день никому и в голову не пришло его «убирать».

Однако после слов Дианы на старой пленке Скотленд-Ярд по прошествии семи лет после гибели Мэннеки провел вторичное расследование. Злополучным вечером в мае 1987 года Барри вышел с работы и согласился на предложение друга подвезти его домой на мотоцикле. Одновременно из точки «В» на форде «фиеста» выехала семнадцатилетняя девушка мисс Чопп, шесть недель назад сдавшая экзамен на вождение. Попав на главную дорогу, девушка неожиданно заметила приближающийся мотоцикл (ехал он на скорости около 60 километров в час). Мисс Чопп ударила по тормозам, а мотоцикл резко повернул в сторону и упал. Друг Барри выжил, а сам Барри вылетел из пассажирского сиденья, в результате чего сломал позвоночник и умер практически мгновенно.

Что в этой истории не нравится сторонникам теории «устранения» друга принцессы? Во-первых, девушке назначили штраф всего в 85 фунтов за невнимательность (она не заметила за фургоном, который ехал по главной дороге первым, мотоцикл). Во-вторых, практически сразу после аварии мисс Чопп уехала в Штаты. В-третьих, так и не нашли загораживавший вид фургон. Но на спланированное убийство авария не похожа, и никаких доказательств тому не обнаружено. Да и мисс Чопп не прячется, а спокойно живет в другой стране. Отъезд домой на чужом мотоцикле Барри не планировал, и организовать что-то так быстро было невозможно. А главное — зачем? Он спокойно работал на новом месте, не собираясь раскрывать какие-либо тайны своих отношений с Дианой, если таковые вообще существовали.

«Telegraph» в подробной статье, посвященной повторному расследованию, пишет, что по словам личного секретаря Дианы «…в то время, когда ее записывали на пленку, она находилась под влиянием огромного стресса и вызывала глубокое недовольство королевской семьи. Ее замечания отражали презрение к тому, как они относились к людям. Сейчас ее призрак ходит рядом с призраком Мэннеки, но сомнительно, что кто-то из них заявляет, что был „убран“».

* * *

К событиям того года относятся и совместные поездки Чарльза и Дианы с официальными визитами: некоторое время они еще планировали путешествовать вместе. Осенью, с 25 октября по 7 ноября, пара вновь посетила Австралию. На видео сразу бросается в глаза худоба принцессы. Казалось бы, куда уже худеть дальше? Но биографы правы: тогда она выглядела истощенным человеком. Булимия вызывала приступы тошноты по четыре раза в день. Диана улыбалась, но ее улыбка выглядела вымученной. Она опять подстригла волосы и, как когда-то, вновь смотрела себе под ноги, кидая затравленный взгляд из-под челки на толпы людей, протягивающих к ней руки.

Наряды в ту поездку Диана тоже выбрала неудачно — длинные пальто лишь подчеркивают ее тонкую фигуру и даже болтаются на ней, будто куплены не по размеру. Сегодня принцессу обвиняет в моде на худобу не кто-нибудь, а журнал «Vogue»: «Я обвиняю Диану — хотя это ее наследие, а не ее вина. Принцесса Уэльская сделала много хорошего, от компании по сбору средств на лечение СПИДа до помощи детям, больным лейкемией, однако ее скорее определяют как харизматичную персону и не судят по делам. Особенно обращают внимание на то, как она выглядела и одевалась». На всех представленных журналом фотографиях нынешних принцесс мы видим худенькие, как спички, фигурки, под стать Диане. Справедливо ли «обвинение» журнала, вопрос спорный, но Диана и в самом деле была первой среди подобных ей фигур — не звезд кино, не моделей, не певиц…

Вторым моментом, бросающимся в глаза в поездке, являлось то, что совместных мероприятий с Чарльзом у Дианы было крайне мало. Они опять станцевали на балу, точно повторив свой танец 1983 года. На этот раз он отличался техничным исполнением, но в нем отсутствовали чувства, страсть, кураж. Принц больше не приподнимал принцессу в танце так, чтобы ее ножки не касались пола. И она словно предпринимала над собой усилие. На других мероприятиях они были так же сдержанны. А когда Чарльз пытался поцеловать жену, она быстро поворачивала голову в сторону и он неуклюже «клевал» ее в щеку.

Ранее, когда в том же году пара посетила Италию, журналисты писали: «Она подтверждает свою репутацию самой красиво одетой женщины». Больше — ни слова. «Я становилась умнее», — утверждала Диана. Но газеты не обращали внимание на ее речи — лишь на роскошные наряды. Тем же упрекала Диану и королевская семья — слишком большой акцент на одежде. Ведущие мировые бренды считали за честь прислать принцессе новые вещи. В одночасье они формировали определяющий стиль,

основное направление, которому подражали.

Второй прогремевшей на весь мир поездкой в 1985 году стал визит в США. Из Австралии Чарльз и Диана вылетели в Фиджи, остановившись там буквально на один день — 8 ноября, и потом полетели дальше в Штаты, где провели всего четыре дня, но наделали много шуму. Путешествовали без детей: Уильям и Гарри оставались дома, в Англии. Сначала остановимся, как и королевская чета, ненадолго в Фиджи. Чарльз очень хотел показать Диане эту маленькую страну, которую он сам посетил впервые в 1970 году. На фотографии, сделанной во время однодневного памятного визита 1985 года, Диана нюхает подаренные ей цветы. Ее лицо закрыто лепестками, но глаза выдают печаль и настороженность. В 2005 году, когда принц в очередной раз был на Фиджи, он сразу же погрустнел, вспомнив о погибшей Диане.

Визит в США совпал с активным муссированием в газетах слухов о разногласиях в семье Чарльза и Дианы. Всем было очевидно: они разные, у них разные увлечения, разные друзья. Диана слушала поп-музыку, Чарльз оставался приверженцем классики. Оба зевали в присутствии друзей и подруг второй половины. Общей компании не складывалось. Но во время поездки пока удавалось сохранить видимость хороших отношений. Чарльз старался не забывать поглядывать на жену во время выступлений, она натужно улыбалась ему в ответ.

В Вашингтоне пару встречали на серебристом пуленепробиваемом «роллс-ройсе», приобретенном британским посольством в 1979 году. В первый день в столице для них запланировали гала-ужин с участием не только президента США и его жены, но и некоторых голливудских звезд, среди которых значились Клин Иствуд, Нейл Даймонд и Джон Траволта. Именно с Траволтой Диана и танцевала, несмотря на присутствие в зале мужа. Неподалеку от них скромно переминались с ноги на ногу Рональд и Нэнси Рейган. Также присутствовали, по выражению журналиста, «первая леди косметики Эсте Лаудер» и — внимание — потенциальный партнер Дианы Михаил Барышников (интересно, почему они так и не станцевали вместе?). Каждого входящего актера репортеры спрашивали, пригласит ли он на танец Диану, и все с готовностью кивали, только вот честь в итоге досталась Траволте. По его словам, сказанным годы спустя, Диана сама выбрала его в партнеры. В полночь он осмелился подойти к ней, потрогать за плечо и спросить, не желает ли она с ним станцевать.

Чарльз в начале ужина отметил в своей речи: Америка отличается тем, что каждый чувствует себя там как дома. На

кадрах — скучающее лицо Дианы, которая даже не потрудилась проявить к словам мужа интерес. Нэнси Рейган в противоположность принцессе с удовольствием внимает словам принца, улыбаясь во весь рот.

На следующий день Чарльз и Диана посетили утреннюю службу в соборе, затем сходили на выставку в Национальную галерею искусств, где выставлялись предметы из коллекций аристократических британских семейств. Диана скучала и на выставке — ей оставалось только открыто зевнуть. Думается, дело не в отношениях с Чарльзом и не в усталости. Просто в Америке Диана не увидела того обожания и той восторженности, которую выказывали ей в других местах. У американцев короткая история, и в ней отсутствуют короли и королевы. Да, поглазеть на живых принца и принцессу пришли толпы. Но вели себя люди, как дети, попавшие в театр, где актеры, игравшие сказочные роли, спустились в зал пожать им руки.

В завершение визита они поехали в Палм-Бич посмотреть матч по любимому Чарльзом поло. Во Флориде также состоялся гала-ужин в присутствии нескольких американских звезд. Надо отметить, что освещение прессой американского визита несколько отличалось от написанного по поводу остальных поездок четы — американцы больше внимания уделяли самим себе, чем принцу и принцессе. Одна из актрис на гала-ужине сказала репортеру: «Весело! Как в сказке!» А журналист отметил «огромное» сапфировое колье на шее принцессы.

Интересно, что и люди тоже выглядели куда более расслабленными в присутствии Дианы и Чарльза. Для американцев приезд королевских особ походил скорее на театральное представление, а пара — на героев фильма о заморском королевстве. Из аэропорта Чарльза и Диану на вертолете доставили на лужайку Белого дома, где, мило держась за руки, их встретила чета Рейган. Нэнси попыталась взять за руку Диану, чтобы провести в Белый дом, но та убрала руку за спину — интересный кадр, где Диана выглядит эдаким «Маугли» или, напротив, слишком цивилизованной, чтобы подать руку местному «аборигену».

В своей речи после посещения выставки Чарльз произнес следующие слова: «Меня в первую очередь спрашивают, понравилось ли Диане. Но я — не кукла, которую надевают на руку в театре. Я не могу ответить за нее. Наверняка ей не понравился танец с Траволтой, не правда ли?» Над шуткой посмеялись, но Чарльз выглядел грустным, а Диана недовольно кривила рот в подобии улыбки, пряча глаза под полями шляпки. Однако скучающий вид скрывать ей удавалось плохо. Видимо из-

за постоянно недовольного выражения лица принцессы Чарльза и спросили, нравится ли его супруге оказанный прием…

В тот же день на обеде в британском посольстве Чарльз опять упомянул в своей речи жену: «Меня спросил журналист, почему такая толпа нас встречает повсюду. Потому что, ответил я, они хотят посмотреть на мой костюм, бабочку и туфли… Последние четыре года моим гардеробом занимается жена, поэтому я очень сильно сейчас отличаюсь от того человека, каким был когда-то». Публика посмеялась, не понимая, что Чарльз предпринимал последние попытки спасти брак. Он хвалил Диану, упоминал ее в официальных речах чуть ли не через слово, но ей опять было скучно…

Вместе с Нэнси Рейган Диана посетила центр реабилитации для подростков, принимавших наркотики. Американцы люди искренние, они со слезами на глазах рассказывали принцессе истории своих детей, которых они сумели вытащить из страшной беды. Диане в подарок преподнесли футболки для нее и для Чарльза. Она лишь кивала, опуская голову все ниже и ниже. На благотворительном ужине в Палм-Бич, где билет за вход стоил пять тысяч долларов, а билет за право сидеть неподалеку от принца и принцессы 50 тысяч, также присутствовали звезды, красовавшиеся перед фотографами. На дамах блестели все драгоценные камни, которые только можно себе представить в виде ювелирных украшений. «Она такая красивая!» — говорили про Диану.

Между принцем и принцессой за столом сидел Арманд Хаммер, имевший в ту пору весьма неоднозначную репутацию. Чарльзу американцы писали: «Мы бы хотели, чтобы его королевское высочество знал, как оскорбит он многих честных американцев, если они увидят, что наследник британского трона сотрудничает с человеком, которого считают другом и союзником Советского Союза, который предает интересы Соединенных Штатов и, следовательно, Британии тоже». Несмотря на эти и подобные высказывания, Чарльз продолжал общаться с давним другом. Во время ужина Диана любезно беседовала с Хаммером, хотя позже ей приписывали чувства неприязни, которые она якобы испытывала по отношению к нему.

В той поездке Чарльз, очевидно, выглядел даже не столько расстроенным, сколько растерянным. Его способы усмирения депрессии Дианы больше не срабатывали: даже уехав далеко от дома, а значит, от Камиллы, она не приходила в доброе расположение духа. Хвалебные речи мужа, комплименты более не вызывали на ее лице искренней улыбки. Впервые Чарльзу приходилось вымученно твердить заученные слова. Он выглядел

подавленным, и на некоторых кадрах было видно, что ему с трудом удавалось «делать хорошую мину при плохой игре». Семейная лодка еще ни обо что не разбилась, но на всех парусах летела на скалы…

* * *

Завершался год довольно скандально, хотя на первый взгляд ничего особенного в поступке Дианы не было. 14 ноября сразу после приезда из Соединенных Штатов Америки Чарльз праздновал свой день рождения. Вечером он вместе с женой пошел на балет в Королевскую оперу. Ведущим танцором был Уэйн Слип. Когда-то давно, еще в 1981 году, его представили Диане Спенсер в баре, расположенном в здании Оперы, и с тех пор они стали друзьями. Часто Диана приходила к Уэйну на квартиру, чтобы потанцевать и посмеяться. Он признавался, что принцесса иногда даже готовила ему завтрак.

«Мы были ближе, чем думают многие, — говорит Слип. — Мы были друзьями в течение нескольких лет. Она приходила в наше тайное убежище, я готовил, мы смеялись. Первым дедом, когда она приходила, Диана скидывала свои туфли. Она приходила посмотреть каждое представление, в котором я участвовал. Когда я танцевал в театре „Доминион“, она приходила и говорила: „Ты хочешь, чтобы я села за кулисами или прямо в зале?“ Я отвечал: „Садись в зале, оттуда лучше видно“. А она говорила: „Ты хочешь, чтобы они смотрели на тебя или на меня?“ И тогда я отвечал: „Садись за кулисами“».

С детства Диана мечтала быть балериной. Занимаясь с Уэйном, она вынашивала идею, как попасть на сцену. Для выступления в день рождения Чарльза они выбрали современный танец под песню Билли Джоэла «Богатенькая девушка» *(Uptown Girl)*. Танцевали Уэйн и Диана весьма слаженно — сказывались продолжительные репетиции. Весила тогда Диана крайне мало, но была выше своего партнера. Идея подготовить этот номер принадлежала Диане. Слип вспоминает, что в танце она чувствовала себя как рыба в воде, «я даже поверить не мог, насколько она хороша».

В тот день Диана хотела удивить Чарльза. Она незаметно выскользнула из ложи, где они сидели, и побежала готовиться к танцу. После его окончания их с Уэйном вызывали восемь раз, и Диана хотела танцевать снова и снова, но Уэйн посоветовал ей уйти. «Только поклонись королевской ложе», — попросил он. «Я не собираюсь ему кланяться. Он мой муженек», — ответила

Диана. Позже Диана отправила Уэйну письмо, в котором благодарила его и говорила, насколько теперь понимает наслаждение, получаемое актерами от представления.

Несмотря на дружбу, постоянный обмен шутками, Диана в какой-то момент перестала общаться с танцором, и произошло это, скорее всего, именно после злосчастного выступления в Опере. Кроме негативной реакции Чарльза на выступление, причиной, вызвавшей обиду, стали фотографии, появившиеся в газетах. Дело в том, что Диана прислала их Уэйну и после считала, что журналистам их отдал именно он. Сам танцор отрицает это: «Не я отдал фотографии, а фотограф». Они прекратили общаться, но после гибели Дианы Уэйн сожалел, что не предпринял усилий, чтобы остаться ее другом, так как понял, насколько его подруга была одинока.

Последствия выступления Дианы на сцене были плачевны: Чарльз не оценил ее стараний и, более того, осудил поведение жены. «То, что принцесса Уэльская исполняет откровенный танец на сцене, стало для Чарльза настоящим потрясением. Ее поступок демонстрировал разницу в мышлении современной девушки и наследника трона… Чарльз ее не услышал: он пришел в настоящий ужас. Поступок Дианы он счел не проявлением любви, а еще одним доказательством того, что она хочет постоянно быть в центре внимания». Конечно, однозначно судить трудно, но после кадров, снятых в Австралии и США, непосредственно предшествовавших выступлению Дианы, кажется, что Чарльз в своих суждениях был прав. Даже дорогая сердцу Дианы Грейс Келли, принцесса Монако, отказалась ради мужа от актерской карьеры. Принцессе не к лицу танцевать на сцене полуобнаженной. Тем более она танцевала не классический балет, а современный танец под современную музыку. Чарльзу этого было не понять. Не исключено, что его недовольство вызвал не только танец как таковой. За Дианой постоянно ходила охрана, принцесса сама признавала, что член королевской семьи и шагу ступить не может без привлечения к себе внимания. Значит, принц был в курсе ее теплой дружбы с танцором. Причиной его раздражения, возможно, стал не сам танец, а то, что он был исполнен с Уэйном.

Глава четвертая
ДВЕ СПАЛЬНИ

Нельзя обвинять лишь одну Диану в крахе их брака с принцем: в подобных ситуациях виноватых всегда двое. Тем не менее она разрушала вокруг себя все подряд. Момент, когда они с Чарльзом могли спасти свою семью и зарождавшуюся между ними любовь, был упущен. Оба понимали, что далее их пути идут в разные стороны, но внешне пытались поддерживать имидж счастливой и крепкой семьи. До появления в жизни Дианы любовника пара успела совершить несколько совместных визитов: в Вену, Канаду и Японию. Сделаны они были подряд, один за другим, и начались с венского вояжа в середине апреля. Отдельные нюансы указывают на определенные изменения внутрисемейного графика: Чарльз в то время находился в Италии, он учился на отделении искусств и архитектуры, признавшись, что наконец-то нашел «дело своей жизни». Принц тогда много занимался самообразованием, что, скорее всего, отвлекало его от печальной семейной жизни. Вторым спасением вскоре станет старая подружка Камилла.

Из лондонского аэропорта Диана полетела в Милан забрать Чарльза, а затем их самолет приземлился в Вене. На руке Чарльза была надета лангетка: принц сажал в Хайгроуве дерево и сломал палец. Диана выглядела великолепно в красном платье, идеально сидевшем на ее стройной фигуре. Целью визита пары в Вену было посещение британской торговой недели, и поэтому на борту вместе с Дианой и Чарльзом летели ведущие модельеры, бизнесмены и журналисты. В Вене обстановка была напряженной: недавно в аэропорту взорвались подложенные террористами бомбы, а визит Дианы всегда сопровождался скоплением огромного количества людей.

В Вене Диана блистала и в прямом, и в переносном смысле: вечером на гала-концерте Лондонского национального театра на ней было зеленое платье, покрытое стразами. Оно блестело и переливалось, делая Диану центром всеобщего внимания. Надо отметить, что выглядела Диана и правда великолепно. Несмотря на худобу, ее внешний вид и поведение кардинально отличались от того, что мы наблюдали во время визитов предыдущего, 1985 года. Периоды ремиссии были характерны для всего набора психических заболеваний, которыми страдала принцесса. К тому же у Дианы появилась подружка, веселая и энергичная Сара Фергюсон, невеста принца Эндрю. Диана знала Сару и раньше, но

сблизились они именно в 1986 году.

На второй день визита Чарльз и Диана по своему обыкновению погуляли по центру города, пожимая руки собравшимся поглазеть на них людям. Затем зашли в универмаг, специализировавшийся на продаже британских товаров. Диана обожала ходить по магазинам и во время подобных прогулок получала очевидное удовольствие от процесса. Вечером пару ожидал еще один концерт в филармонии. На третий день визита пара разделилась: Диана и жена мэра Дагма пошли слушать хор мальчиков, а Чарльз уехал в Пизу делать наброски знаменитой Пизанской башни. Во второй половине дня они вновь воссоединились, чтобы посетить показ мод британских модельеров. После показа Диана долго болтала с манекенщицами, ее даже пришлось поторопить — следовало успеть на обед с послом Великобритании. С моделями Диана чувствовала себя на равных. «Я бы хотела стать одной из вас, — признавалась девушкам принцесса. — Я действительно так завидую вашей работе». «Выдала» она им и свой размер (десятый, что вряд ли соответствует истине — уж очень худа была Диана).

Интересно упомянуть другую героиню этой короткой истории: жену мэра Вены Дагму. Дагма — бывшая актриса, наделавшая своим раскованным поведением шуму в прессе. Вот три факта, которые приводили газеты: 45-летняя Дагма попала в суд за подделку паспорта, в котором убавила себе возраст на пять лет; шокировала высшее общество, появившись на приеме в высоких кожаных сапогах и мини-юбке; от души флиртовала с принцем Чарльзом и даже предложила Диане поменяться партнерами. Цитируя Дагму, «Daily Record» пишет: «Принц Чарльз, он такой симпатичный, эти прекрасные голубые глаза и тонкий нос». Дагма преподнесла Чарльзу подарок от себя лично: шелковый платок с изображением знаменитых домов, построенных по проектам австрийского архитектора Фриденсрайха Хундертвассера. Дагма знала, что Чарльзу безумно понравились эти дома. Он посетил их без Дианы на второй день визита в Вену.

Да, Диана была в том мире не одинока. Женщины, подобные Грейс или Дагме, появлялись рядом с принцессой, подтверждая своим существованием тенденцию времени. Конечно, звезда Дианы сверкала ярко, но нельзя сбрасывать со счетов и других женщин, которые, находясь возле принцессы, порой затмевали ее благодаря раскованности, энергии, уверенности в себе — черт, так не хватавших Диане…

* * *

Назвать график Дианы насыщенным — значит ничего не сказать. Приводя в качестве примеров некоторые мероприятия и поездки, мы преследуем одну-единственную цель: показать, насколько далека жизнь сказочных принцесс от реальности, насколько сложно было Диане, имея определенные проблемы со здоровьем, выдерживать плотное расписание запланированных визитов. Казалось бы, что сложного в том, чтобы послушать концерт, потом посмотреть показ мод, а затем пообедать с консулом? Однако не следует забывать, что все мероприятия были протокольные. Ни минуты для себя лично — всё на людях. Большая часть дня — на ногах, с улыбкой на лице, на глазах у многотысячной толпы, под вспышками камер. И это еще полбеды. Вена хотя бы расположена в Европе, лететь туда недолго. Но через две недели после посещения австрийской столицы Чарльз и Диана отправились на неделю в Канаду. «После десятичасового перелета их самолет приземлился в международном аэропорту Виктория. Перелетев через восемь часовых поясов, Чарльз и Диана спускаются по ступенькам трапа, не выказывая ни единого признака синдрома смены времени».

Они привыкли улыбаться, привыкли сразу по прилете бодро пожимать встречающим официальным лицам руки, приветствовать толпы народа. Чарльз, кроме того, произносил речь, в которой повторял свои слова из предыдущих поездок: он привез в Канаду Диану, чтобы представить ее канадцам и чтобы «она увидела собственными глазами, какие вы все теплые и сердечные люди». В конце первого дня визита в Канаду журналисты тем не менее отметили бледность и усталость Дианы. «Она выглядит дезориентированной», — писали они. Принцессу практически вели в нужном направлении, а она привычно протягивала руку для пожатий. Однако беда случилась позже, в конце поездки, во время посещения выставки «Экспо-86».

«Диане стало плохо, когда они с Чарльзом осматривали на выставке стенд, посвященный Калифорнии. Приноровившись к своей хронической болезни, Диана, как правило, заставляла себя нормально позавтракать, чтобы выдержать предстоящий день. Как назло, перед отъездом на открытие „Экспо“ она несколько дней практически ничего не ела… Переходя от стенда к стенду на выставке, она чувствовала, что силы ее на исходе». Диана упала в обморок. Ее подхватили стоявшие вплотную сопровождавшие лица и отвели в дамскую комнату. Чарльза после ругали за проявленное к ситуации равнодушие: он-де выказал раздражение вместо сочувствия, а в своей речи вечером на приеме вообще посмел неудачно по этому поводу пошутить. На записи видно, что Чарльз последовал за супругой. Ее ведут четыре человека, к тому

же Диану окружает охрана — правила безопасности есть правила безопасности, причина обморока не была ясна. Но Чарльз следует за ними, и его лицо выражает искреннюю озабоченность.

К павильону мгновенно подъезжает «скорая помощь», и отовсюду быстро бегут полицейские. «Скорая» не понадобилась, и услуги полиции тоже — Диана оправилась, через некоторое время они с Чарльзом отъезжают на машине от здания выставки. «Практически все члены делегации в один голос советовали Диане пропустить торжественный обед, который должен был состояться вечером, и как следует отоспаться. И только Чарльз настаивал, чтобы она все же заняла свое место во главе стола, опасаясь, что ее отсутствие может вызвать лишний шум в прессе». Надо отметить, газеты тут же начали спекуляции по поводу интересного положения Дианы: а не беременна ли упавшая в обморок принцесса? Слухи были опровергнуты. Причиной плохого самочувствия стали напряженный график и духота в павильонах. А плюс к этому ужасная худоба и нежелание что-то предпринять в связи с этой проблемой.

Вечернее мероприятие в тот день было наименьшим из зол: назавтра пара отправлялась в Японию! Но официальные лица подтвердили: принцессе лучше и она не собирается менять намеченную программу. Если судить по фотографиям, то видно, что Диана выглядит не уставшей, а депрессивной, скучающей, однако время от времени она бодро улыбается в камеру и выглядит в целом хорошо. Заставлял ли ее Чарльз продолжать путешествие или она сама не стала требовать возвращения домой, сказать сложно. Диана была «дезориентирована» — это верное слово. Вряд ли она в полной мере осознавала, насколько ухудшилось ее состояние. Но в любом случае даже здоровый человек с трудом справился бы с таким плотным расписанием. Как удавалось справляться Чарльзу? Он тоже выглядел уставшим вечером на приеме, когда пытался объяснить плохое самочувствие жены, однако, думается, он, как и многие члены его семьи (включая королеву и королеву-мать), отличался крепким здоровьем и многолетней практикой перелетов по всему миру. К тому же принц нормально питался и много времени проводил на свежем воздухе, охотясь, играя в поло, гуляя с собаками. Стоило лишь посмотреть, как ловко он скакал на лошади, принимая участие в организованных для него играх в поло в разных странах: ему не мешали ни разница во времени, ни перемена климата…

В Японии Диана выглядела немного лучше, чем в Канаде: бледная, но более жизнерадостная, чем в предыдущей поездке. Пара прилетела поздно вечером и из аэропорта Чарльза и Диану

отвезли в Киото, где они жили в традиционном японском доме, подготовленном специально к их приезду. Планировалось около тридцати (!) мероприятий в течение одной недели, но японцы, славящиеся спокойным характером и неторопливыми манерами, умудрились организовать визит так, что Диана не выглядела уставшей и даже искренне интересовалась некоторыми моментами. Например, Чарльз и Диана присутствовали на чайной церемонии, и хотя Чарльз явно знал, как вести себя, а его жена нет, Диана не отставала. Японка, сидевшая рядом с ней, ненавязчиво подсказывала, что делать. Диана делала глоток чая и говорила: «Не так плохо, как я думала». А после попросила показать, как готовился чай, усевшись на место японца, занимавшегося его приготовлением. Кроме того, специально для Дианы сшили кимоно. Ей предложили его померить, накинули кимоно на плечи, но сумочка мешала принцессе продеть руки в рукава. Японцы без стеснения забрали сумку из ее рук, позволив насладиться примеркой. Диана даже сделала несколько шажков, копируя походку японок, обутых в традиционные деревянные гэта…

* * *

Событием лета 1986 года стала свадьба принца Эндрю. Именно на ней Диана познакомилась с любителем поло Джеймсом Хьюиттом. Тогда же, по словам принцессы и ее знакомых, началась и связь между ними. Во-первых, Диана упоминает, что к моменту появления Джеймса ей исполнилось 25 лет, во-вторых, «появление… Джеймса почти совпало с воцарением в Букингемском дворце беспокойной Ферджи (жена принца Эндрю. — *В. Б.),* заставившей даже королеву учитывать ее сумасшедший темперамент. Это тоже сыграло роль в появлении у меня любовника. Ферджи жила под девизом „К чертям, что обо мне подумают!“, это сильно повлияло на меня…».

Сара Фергюсон, по прозвищу Ферджи, аристократическим происхождением не отличалась. Ее отец служил у Чарльза менеджером его команды поло, и Сара с детства бывала при дворе. Статус ее отца не позволял завязывать слишком тесные отношения с членами королевской семьи, но веселая Сара все-таки сумела привлечь внимание Эндрю. Их обоих объединяла любовь к поло и пикантным шуткам. В начале 1986 года королева дала Эндрю разрешение на брак с Сарой. Видимо, происхождение уже тогда перестало играть ту роль, которую ему отводили буквально пять лет назад. Образованием Сара тоже не блистала.

Но по окончании Королевского секретарского колледжа ей в характеристике написали: «Яркая, энергичная девушка. Слегка небрежна. Обладает хорошей интуицией и сильным характером». Разительный контраст с Дианой, которую в швейцарском пансионе считали «чересчур наивной», а придворные «слишком юной для своих лет». Диану привлекала более подвижная подруга, она хотела сделать ее своей фрейлиной, но по социальному статусу Сара на эту роль никак не подходила. Тем не менее она сгодилась в жены принцу.

Джеймс Хьюитт оказался на свадьбе благодаря увлечению все тем же поло. Теоретически Диана могла встречать его на играх и ранее, но на свадьбе она решилась подойти к нему и познакомиться поближе. Не мудрствуя лукаво, Диана попросила Джеймса научить ее ездить верхом. В детстве она упала с лошади и с тех пор старалась лишний раз не садиться в седло. Естественно, Хьюитт согласился. Так и начался их роман. Джеймс в вышедшей в 1999 году книге пишет, что, несмотря на его любовь к Диане, он жалеет, что это случилось. Хьюитт снимает с себя всю ответственность за произошедшее, выступая в роли человека, безвольно принявшего на себя бремя стать любовником Дианы. «В ту ночь, когда начался наш роман, я прибыл в Кенсингтонский дворец на ужин. Она была высокой, стройной, потрясающе красивой и совершенно восхитительной. От нее пахло свежестью и чем-то очень английским. Я купил ей коробку ментоловых конфет, она мне дала книжку, которая пахла розами. „Ты мне нужен, — сказала она. — Я не могу выносить, когда мы в разлуке“. Она сказала, что любит меня… Наш роман продлился пять лет (на самом деле фактически он длился три года — до отъезда Джеймса в Германию. — *В. Б.),* и он был прекрасным, возбуждающим, страстным и очень нежным. Это Диана его инициировала. Она могла бы быть командиром специальной авиационной службы — таково было ее умение и мастерство в управлении нашим очень тайным романом».

Думается, роман вовсе не был тайным, и Джеймс знал об этом. Стоит хотя бы упомянуть, что в курсе были близкие друзья Дианы, сопровождавшие пару во время свиданий. Также принцессу обязательно всюду сопровождала охрана, которая не только все видела, но и докладывала куда следует… Однако Джеймсу хочется вылепить собственную историю, нарисовав в ней далекий от истины собственный портрет «невинного младенца».

Влюбившись, Диана начала делать нехарактерные для себя вещи: «скакать, стрелять, кричать от восторга… и полюбила сельскую жизнь». «К сожалению, это никак не изменило наших с

Чарльзом отношений», — сокрушается дальше в своих воспоминаниях Диана, опять поминая Камиллу, с которой предпочитал проводить время принц. Не странная ли логика: Диана веселится с капитаном Хьюиттом, но данный факт должен внести положительные изменения в ее семейную жизнь и отвадить Чарльза от Камиллы. Напротив, по словам друзей, принц испытал своего рода облегчение, узнав об увлечении жены. Истерики стали случаться гораздо реже, а приступы булимии в присутствии любовника исчезали вовсе.

К осени отношения между супругами совсем разладились. Чарльз впал в депрессию, доселе характерную для его жены. А Диана начала ездить на выходные в дом матери Джеймса, где и происходили их свидания. Хьюитта принцесса называла «не только отменным инструктором по верховой езде, но и опытным любовником». После общения с ним Диана написала, что тоже стала «опытной любовницей, но моему мужу было все равно». Скорее всего, Чарльзу было далеко не все равно, просто путь к укреплению семьи Диана выбрала неверный. В конце года, если Чарльз и не возобновил любовную связь с Камиллой, то точно начал с ней часто видеться: Эндрю Паркер-Боулз проводил из-за нового назначения всю неделю в Лондоне, они с Камиллой переехали в новый дом, расположенный ближе к Хайгроув, и все это вкупе спровоцировало новый всплеск отношений с принцем.

В середине ноября 1986 года Диана и Чарльз отправились в поездку по Ближнему Востоку, планируя посетить Бахрейн, Оман и Катар. По сравнению с началом года принцесса выглядела несомненно лучше — она явно чуть-чуть поправилась, черты лица не такие заостренные, как раньше. Для нее пели детишки, ей дарили красивые национальные наряды. Диана пробовала кофе, который оказался непривычным на вкус — слишком много специй. Но это не портило настроение принцессе. Когда она посещала свои мероприятия, то держалась довольно уверенно и с интересом задавала вопросы сопровождавшим ее местным женщинам (они ей были все по плечо, и Диана постоянно наклонялась и горбилась, чтобы общаться с ними). Однако на всех кадрах с мужем заметно одно: Диана и Чарльз постоянно смотрят в разные стороны, стараясь не встречаться друг с другом взглядами.

Вот так фактически и закончился «медовый месяц» принца и его принцессы длиной в пять лет. Дальше начнется долгий путь к разводу, который можно разбить на два основных этапа: сначала достижение договоренности о раздельном проживании, затем, через четыре года, — официальное расторжение брака.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
1967–1993 ГОДЫ

Глава первая
ФЛИРТ, ФАРС И ФЕРДЖИ

1987 год превратился для королевской семьи в настоящее испытание: брак Чарльза и Дианы так громко трещал по швам, что скрывать разлад от посторонних уже не представлялось возможным. Но пока предпринимались отчаянные попытки не выносить сор из избы, к которым Диана имела косвенное отношение. Все больше она действовала наперекор здравому смыслу, нарушала запреты и не следовала установленным в семье правилам поведения. В феврале, во время визита в Португалию, она безостановочно кокетничала с президентом, желая позлить Чарльза.

Впервые в той поездке у пары официально были разные спальни. Отвечая на вопрос журналистов, почему так произошло, помощник принца объяснял: «Это сделано из практических соображений, чтобы по утрам в спешке они не налетали друг на друга». Визит в Португалию не заладился с самого начала: в день прилета шел проливной дождь, из-за ветра упали деревья на дорогу, по которой «рендж-ровер» вез Чарльза и Диану в город. Они и так задержались, но злоключения на этом не закончились — сломалась машина, и пара была вынуждена выйти на улицу, а организаторам визита пришлось срочно менять заранее составленный график.

В Португалии Диана шокировала публику не только флиртом с президентом, но и нарядом, который надела на балет. На обнаженной шее принцессы красовалась бабочка, какую обычно носят мужчины. Также Диана надела блестящий пиджак на голое тело и длинную юбку с турнюром. На ногах в ту поездку на принцессе всегда были туфли на каблуке, пусть невысоком, но гораздо выше того, что она обычно носила. Таким образом, Диана выглядела заметно выше своего мужа. На третий день визита приключения продолжились: когда Чарльз и Диана готовились поставить подпись в книге для гостей, один из журналистов с грохотом свалился с лестницы, на которой приготовился было фотографировать королевскую чету. Ну а после никак не спадало покрывало, которое Чарльз и Диана пытались сдернуть с картины.

Принцесса была соткана из противоречий. Ее мир состоял из нескольких частей, каждая — сама по себе. Помощь детям, больным, внимание к старикам, короче говоря, благотворительность и общественная деятельность являлись одним-единственным кубиком, который держал Диану на плаву.

апреля 1987 года Диана фактически совершила подвиг. Сейчас ее поступок кому-то покажется обычным, но почти 30 лет назад, когда слово «СПИД» пугало пуще любого дьявола, к поведению принцессы отнеслись совсем иначе.

Итак, в Лондонской больнице открывали первую палату по лечению больных СПИДом. Руководство больницы попросило королевскую семью прислать кого-нибудь из их членов на открытие, чтобы подчеркнуть важность происходившего и привлечь к этому внимание людей. В больницу отправилась Диана. Возле входа выстроился медперсонал отделения. Одна из сестер преподнесла Диане букет цветов. И далее произошло чудо или был совершен тот самый подвиг, назовите, как хотите. В репортаже, посвященном визиту Дианы, говорилось: «Все ожидали, что она наденет перчатки, когда будет здороваться с персоналом и больными. Но когда Диана зашла в палату, было очевидно: на ней не было перчаток! Она пожала руки всем докторам, всем сестрам и лаборантам палаты. Она провела в палате более часа, но вместе с пациентами ее не фотографировали, чтобы не сделать их личности достоянием общественности». Диана встретилась с десятью пациентами: она пожала им руки, а к тем, кто лежал, присаживалась на постель. Руководитель отделения признавал, что визит Дианы был весьма полезным именно в плане преодоления существовавших предубеждений по поводу распространения СПИДа.

Сфотографировать себя позволил тогда лишь один пациент, и то со спины. На фотографии улыбающаяся Диана крепко пожимает молодому человеку руку. Считалось, что ее поступок помог преодолеть истерию, сопутствовавшую распространению болезни и открытию первых отделений по лечению подобных больных. В больнице установлена памятная доска, подтверждающая визит принцессы в связи с открытием первой палаты по лечению больных СПИДом. В газетах появились заголовки, которые отличались от тех, что обычно сопровождали деятельность Дианы: «Диана ломает барьер страха», «Диана сотрясает миф о СПИДе». «В тот момент, когда Диана пожала руки больным СПИДом, она уничтожила миф, которым была окутана смертельная болезнь, — писали газеты. — Вчера она встретилась с девятью пациентами во время посещения первой палаты для больных СПИДом и была настроена показать, что эта болезнь не передается через обычный социальный контакт». Визит Дианы продлился на 15 минут дольше положенного, но ее некому было торопить. Сотрудники отметили, что Диана была в курсе многих фактов, касавшихся СПИДа, и очень переживала по поводу разгоревшейся в обществе истерии.

В той же статье упоминались еще два события как постфактум к изложенной информации. Во-первых, целый ряд бизнесменов выступили с предложением внести изменения в законодательство, позволяя работодателям увольнять сотрудников, заболевших СПИДом. На этом фоне визит Дианы казался еще более важным. Во-вторых, читателей информировали, что принц Чарльз опять полетел на отдых в одном самолете со своими сыновьями, что вызвало обеспокоенность в обществе (наследнику трона положено лететь отдельно от следующих после него по очереди престолонаследников, чтобы в случае гибели одного из них остались в живых остальные). Ожидалось, что принцесса Диана присоединится к семье позже.

На следующий день Диана посетила очередное запланированное для нее мероприятие: парад в Королевской военной академии. Здесь она замещала саму королеву, что принято в королевской семье — посылать от своего имени другого человека. На Диане был белоснежный костюм, украшенный золотыми галунами на манер парадной военной формы. Шляпка, клатч и туфли — под стать костюму белого цвета. Но появление принцессы вызвало противоречивые отзывы как участников парада, так и журналистов. «Глупый наряд Ди, словно для принцессы из игрушечного города, превратил важный день в фарс», — написала одна из газет; «Daily Record» вторила, назвав Диану «игрушечным солдатиком» и призвав ее, «наконец, вырасти».

Когда Диана проходила вдоль выстроившихся в ряд солдат и офицеров, она краснела и с трудом сдерживала смех. Тут же вспомнились те времена, когда она молоденькой девушкой хихикала, заигрывая с Чарльзом. Но здесь момент для смеха был неподходящим. «Во время церемонии нервничающая Диана сильно покраснела, пока произносила двухминутную речь (некоторые газеты писали, что речь длилась даже меньше — всего полторы минуты), а в конце вздохнула с облегчением, закатила глаза к небу и явственно было слышно „фуф“. Нескольким молодым офицерам она сказала: „Хотя я являюсь почетным командиром Королевского Хэмпширского полка, меня трудно назвать военным экспертом“».

Поведение и наряд Дианы посчитали несоответствующими случаю. Но ведь в принцессе видели будущую королеву, а не просто человека, по случаю заменившего ныне правящую Елизавету. Когда Диана вспоминала эти годы, она писала, что поумнела, что произносила речи и даже участвовала в их написании. Тут следует отметить — и это видно на всех

официальных мероприятиях, — что трансформация Дианы произойдет позже. Ее краткая речь на параде считается первым публичным выступлением, притом неудачным. До этого Диана, даже если посещала мероприятия одна, не выступала, а лишь обменивалась незначительными фразами с собравшимися на встречу людьми. Подобные визиты носили не такой важный характер и в основном касались благотворительности. На официальных встречах Диана всегда присутствовала вместе с Чарльзом, который и произносил речи.

В двадцатых числах апреля принц и принцесса отправились в Испанию с визитом, который, по выражению журналистов, проходил в «расслабленной» атмосфере. Сопровождали пару в течение четырех дней дочери испанского короля Елена и Кристина. При встрече вместо рукопожатия Диане пришлось обмениваться с инфантами поцелуями в щеку, что ее слегка сбило с толку. Наряды Дианы продолжали поражать публику уже не столько красотой и элегантностью, сколько интересными деталями, заметно выделявшими ее на фоне остальных особ. Во время показа мод в Мадриде, например, на ней был пиджак, расшитый золотыми нитями на манер того, что она надевала на парад. После показа мод Чарльза и Диану повели в знаменитый музей Прадо, где принц с явным удовольствием рассматривал картины, а принцесса ходила с инфантой Кристиной за ним, явно скучая. Как отметил журналист: «Принцесса, как известно, не является фанатом музеев».

В Испании Диана, как ни странно, снова выглядела застенчивой девушкой. Ей оказывали теплый прием, но она все время смотрела в пол, изредка поднимая глаза на окружавших ее людей. С Чарльзом они вообще не общались. Отчасти ситуацию им облегчили инфанты: они так до конца визита и «делили» английскую чету — Елена сопровождала Чарльза, а чуть поодаль шли Кристина с Дианой. Диана себя называла интровертом, и так оно и было. Поэтому оправдать ее застенчивость после без малого шести лет непрерывных визитов в разные страны можно лишь тем, что ей пришлось постоянно общаться с малознакомой испанкой.

В мае Чарльз и Диана впервые посетили Каннский кинофестиваль. Чарльза французские журналисты мило на французский манер называли «Шарль». Французы тепло приветствовали пару, выкрикивая имя Дианы. «Она такая же красивая, как на фотографиях», — делилась с репортерами радостная публика. Но у Дианы к тому моменту настроение не переменилось. Скорее, наоборот. И на то были веские причины. В Каннах Чарльз сообщил ей о гибели Барри Мэннеки. Барри погиб

вечером 15 мая, в тот же день, когда Диана прибыла на фестиваль.

Принцесса считала, что Барри убили по указанию королевской семьи, но это обвинение, очевидно, не имеет под собой никакой почвы. Интересно и то, как Диана вспоминает момент, когда Чарльз сообщил ей о смерти Мэннеки: «Это было в машине, мы с принцем ехали в аэропорт, я как всегда нервничала перед появлением перед толпой и множеством журналистов. И вдруг Чарльз с ехидной усмешкой поведал мне, что Мэннеки попал в автокатастрофу! Муж знал об этом давно, но сообщил в самый неподходящий момент, он просто издевался надо мной! Чарльзу было приятно наблюдать за моими страданиями. Мало того, Чарльз знал, что мы давным-давно не виделись с Барри, что все прошло, можно бы и вообще промолчать, но принцу доставило удовольствие наблюдать мои попытки сдержать слезы».

Чарльз в описании Дианы предстает сущим монстром, но задумаемся, а не «приукрасила» ли опять принцесса действительность. Барри погиб в десять вечера 15 мая. А в Канны Чарльз и Диана прибыли днем того же 15-го числа. Новости, показанные тогда же по французскому телевидению, исключают ошибку. Диана выглядела на экране понуро, но, видимо, такое у нее весной было настроение. Лишь на открытии палаты для больных СПИДом и на параде она была вполне довольна жизнью, а уже в Испании ее настроение поменялось. Вечером в Каннах во Дворце фестиваля Чарльз произнес речь по-французски, в которой поздравил публику с сорокалетним юбилеем фестиваля и поблагодарил за теплый прием. Он тоже выглядел грустным. Разлад в семье становилось скрывать все сложнее и сложнее. Причиной же грусти Дианы не может быть смерть Барри — в тот момент он был еще жив и только мчался навстречу своей гибели.

Позже Диана узнала, где был похоронен Мэннеки, и наведывалась к нему на могилу. Когда она начала увлекаться оккультными науками, то вызывала и его дух, после утверждая, что Барри весьма несчастлив в потустороннем мире и подтверждает факт убийства. «Диана не доверяла врачам, которых присылал ей муж. Оккультные науки стали очередным протестом принцессы. Во дворец стали постоянно приезжать медиумы, астрологи, хироманты, графологи, экстрасенсы, целители, остеопаты, специалисты по акупунктуре… ароматерапевты и иглотерапевты. Толпы народу! И квалификация многих из них была весьма сомнительна. Так же как и репутация. А еще ее увлекли гипноз и спиритизм. Она на полном серьезе утверждала, что входила в контакт с духами дяди и любимой бабушки». После смерти Дианы многие из перечисленных

«экспертов» будут щедро делиться воспоминаниями, которые лишь запутают и без того неточную картину многих событий из жизни принцессы…

* * *

В тот год Диану расстроила не только смерть Барри. На первый план стала выходить подружка, жена Эндрю, Сара. Казалось бы, их отношения развивались очень позитивно. Диана наконец нашла родственную душу и хулиганила с подругой на пару, вызывая праведный гнев семьи. Правда, Сару отчего-то любили и не сильно ругали за выходки. Королева ей прощала всё, и это тоже бесило Диану — почему Ферджи позволяется что угодно, а ее, Диану, постоянно упрекают в любой малейшей оплошности. «Печально, что Ферджи пользовалась большей популярностью и в королевской семье, главным образом у королевы. „Королева любила Ферджи, — вспоминает один из придворных. — Она принимала участие во всех затеях. Ферджи могла надеть ярко-розовые брюки, но королеве все равно нравилось“. Ферджи прекрасно вписалась в семью, где обожали отдых на природе. В отличие от Дианы она отлично ездила верхом и любила лошадей. Она училась управлять экипажем — принц Филипп это просто обожал, поскольку играть в поло больше не мог».

И вот зародившаяся было дружба начала угасать. Диана не понимала простейшей вещи: позволяемое жене младшего сына не позволяется жене старшего. Чарльз стоял первым в очереди за короной, а соответственно в Диане видели будущую королеву. Следующими в очереди находились сыновья Дианы и Чарльза. То есть Сара и Эндрю в принципе не рассматривались как претенденты на престол (всякое бывает, но объективная ситуация на тот момент складывалась именно таким образом). Кроме того, Диана, имевшая прекрасное происхождение, тем не менее отличалась истеричным характером, постоянно смотрела в пол и была необщительна. А когда вдруг решала выделиться, то делала вещи, не соответствующие статусу будущей королевы. К тому же Диана не разделяла увлечений королевской семьи.

Сара, конечно, была простовата, но она с детства находилась при дворе со своим отцом и привыкла заниматься тем же, чем и дети королевы. Вроде и Диана жила неподалеку, соседствуя с королевской семьей, но запала ей хватило ровно на те несколько месяцев, когда она пыталась женить на себе Чарльза. В отличие от Дианы Сара являлась истинным экстравертом — что в данных

обстоятельствах помогало ей в общении внутри дворца и за его пределами. Журналисты начали уделять жене принца Эндрю повышенное внимание: она потеснила вечно печальную Диану с первых полос газет. А ведь слава, успех у репортеров и простых людей, была единственным, чем могла похвастаться принцесса…

«Я страшно ревновала, — признавалась Диана. — …Ей действительно нравилось жить в этих местах (Балморал и Сандрингем. — *В. Б.),* мне же приходилось там бороться за выживание. Я не могла понять, почему ей все дается так легко, думала, она станет такой, как я, — опустит голову и будет вести себя скромно. Но получалось совершенно по-другому. Сара очаровала всех в той семье и сделала это блестяще. Она буквально втоптала меня в грязь… В Шотландии она делала все, чего не могла я. Я думала: „Так не может долго продолжаться! У нее когда-нибудь должны кончиться силы!“ А на меня все смотрели и твердили: „Бедная Диана! Она такая тихая, вечно пытается разобраться в себе, прирожденный интроверт“».

Модные слова «экстраверт» и «интроверт» многое объясняют, но они лишь иллюстрируют способ общения с людьми, предпочтения человека в проведении досуга и то, как он любит работать. Диана по-прежнему не хотела видеть других проблем и опять обвиняла в своих неудачах окружающих. Ее болезни — не вина, а беда, но беда, с которой следовало бороться, а не пытаться анализировать поведение других людей, не имевших к возникновению собственных проблем прямого отношения.

Интересно, что Сара, несмотря на прекрасную уживаемость с королевской семьей, тоже развелась со своим принцем, причем тогда же, когда это сделала Диана. Шуму это наделало куда меньше, но факт остается фактом — в 1996 году во дворце случилось сразу два развода…

* * *

В сентябре Гарри отправили в школу, а точнее, в детский садик — *Nursery school,* — куда до этого ходил его старший брат Уильям. Находился садик в пяти минутах от Кенсингтонского дворца, где жили Чарльз и Диана с детьми. На момент посещения садик, по сведениям «The New York Times», стоил 850 долларов в год, что являлось средней ценой для престижного района, но гораздо выше, чем то, что могла себе позволить среднестатистическая британская семья. Однако до посещения садика Уильямом он не считался каким-то особенным. Диана выбрала его, так как он располагался поблизости от дворца и

приглянулся принцессе. «Принц Чарльз получал в детстве дошкольное образование в Букингемском дворце. Но принцесса Диана, работавшая до замужества в детском саду, хотела, чтобы принц получил обычное образование, которое получает английский ребенок. Поэтому они выбрали маленькую, прекрасно организованную школу, которая старается дать детям хороший старт в жизни».

Детей в садике делили на три группы: «лебедята», «маленькие лебеди» и «большие лебеди». В пять лет ребятишки покидали садик, чтобы получить более глубокое образование. К тому моменту они умели петь и рисовать, но читать и писать их специально не учили, только если ребенок проявлял к этому процессу особый интерес. Прессу заранее попросили оставить детей в покое и не переусердствовать в своем желании осветить каждый шаг Уильяма и Гарри в газетах. Изредка, конечно, снимки появлялись, но, видимо, дети не так привлекали читателей, как их родители.

Все окружение Дианы однозначно считает ее прекрасной матерью. Принцессе всегда удавалось ладить с детьми, стариками и инвалидами, то ли оттого, что она была, без сомнения, сильнее, чем они, то ли это был природный дар, которым щедро ее наградили свыше, дабы компенсировать иные проявления характера. На многочисленных фотографиях, запечатлевших Диану с сыновьями, принцесса искренне улыбается, хохочет, ее глаза светятся счастьем.

Для сыновей Диана сделала много. В первую очередь она действительно правильно понимала проблемы воспитанного во дворце Чарльза и постаралась, чтобы ее мальчики умели «общаться с людьми, творить добро открыто и сердечно, а не исключительно из чувства долга». «В то время вся ее жизнь вращалась вокруг Уильяма и Гарри. Ей нужно было отвезти их в школу, а потом постараться освободиться, чтобы забрать детей или хотя бы быть дома к их возвращению… Она приезжала утром в школу в обычном костюме, без макияжа, высаживала сыновей, здоровалась со всеми… Если кто-то из родителей сообщал: „Мы хотели бы пригласить Уильяма завтра вечером в гости“, она чаще всего отвечала: „О, замечательно!“ Ее дети всегда могли общаться с друзьями».

Свободное время Диана проводила с сыновьями тоже именно так, как виделось ей в собственных детских мечтах, так, как она когда-то проводила его в любимом Парк-хаусе с младшим братом. Вместо «торжественных чаепитий с камердинерами, сандвичами с помидорами и огурцами» (еще Оскар Уайльд описывал пресловутые *cucumber sandwiches,* подаваемые к чаю в английских

аристократических семьях) дети с мамой поглощали ее любимые тосты с фасолью и смотрели телевизор. Надо отдать должное Чарльзу, он тоже проводил много времени с сыновьями, правда, занимаясь с ними совсем другими делами: катал их на пони, возился с ними в саду… В сентябре Чарльз и Диана всегда вместе провожали детей в детский сад и школу.

Журналисты запечатлели кадры первого посещения Гарри детского садика. Забавный мальчуган весело помахал репортерам рукой (куда менее застенчиво, чем это делала его мама) и бодро потопал к входу, отказавшись от помощи старшего брата, пытавшегося взять его за руку. После этого Диана посетила два мероприятия и вернулась за сыном в садик. Гарри посмотрел в бинокль на толпу журналистов и уселся в машину. Наверное, проще было водить детей в сад пешком, но членам королевской семьи приходилось даже на коротких расстояниях пользоваться машиной.

К сожалению, еще в январе Диана уволила няню Уильяма, которая проработала с ним четыре с половиной года. Причина была надуманной, и потому многие считают, что принцесса удалила няню из-за ревности: мальчик на самом деле очень любил ее. «Уильям сохранил теплые воспоминания о няне. Он приглашал ее на свое восемнадцатилетие и на праздник в честь двадцать первого дня рождения».

В 1987 году родители, конечно, еще пытались скрывать от детей разногласия, раздиравшие их семью. Они уже начали потихоньку путешествовать отдельно, не заботясь о согласовании дат отъезда и приезда: например, Чарльз мог с детьми уехать отдыхать, а Диана присоединялась к ним позже, или наоборот. После визитов пара могла разъехаться в разные стороны. При этом Чарльз не пытался менять свои старые привычки: в школу мальчиков он не водил, и, отправив их туда в сентябре, по обыкновению уезжал в Шотландию. Диана просила его остаться с семьей, на что Чарльз предложил отправить детей в местную школу возле Балморала.

* * *

Если вернуться к лету того же года, то довольно много места газеты отводили описанию отдыха Чарльза с Дианой и детьми в Испании. На Майорку семью пригласила испанская королевская чета, и хотя обе семьи не отличались на тот момент крепостью уз, внешне они дружно делали вид, что все в порядке. После даже писали, что король Хуан Карлос приударял за Дианой, а она

флиртовала с ним назло неверному Чарльзу. Сложно сказать, но на тех немногих кадрах, которые были сняты летом в Испании, Диана очень много внимания уделяла Гарри и совершенно игнорировала Чарльза, испанского короля и его жену. Она вела себя очень отстраненно, прижимая к себе младшего сына, не глядя по сторонам. Уильям в основном держал за руку отца, либо брал за руки обоих родителей. Также он пытался «воспитывать» Гарри, забирая у него собачку, которую тот старался приподнять. Фотографии двух королевских семей, сделанные тогда журналистами, запечатлели одинокую Диану, прижавшуюся своей щекой к щечке сына, потерянного Чарльза, крепко державшего за руку Уильяма, и вполне довольного жизнью, загорелого короля Хуана Карлоса с семейством…

* * *

В 1987 году популярность королевской семьи заметно упала. Королева Елизавета, являвшаяся с 1953 года образчиком мудрости и терпения, не могла контролировать поведение собственных детей и уж подавно их вторых половин. Скандал следовал за скандалом. Послевоенное отношение к монархии, имевшей тогда невиданно высокие рейтинги, неуклонно менялось в худшую сторону. «Королевская семья привыкла, что в большинстве средств массовой информации к ее жизни относятся как к мыльной опере, — писала „Sunday Times“. — И в результате некоторые ее члены начали вести себя, как на телевизионном экране… Принц Эндрю разыгрывал перед нами деликатного, не понятого всеми юношу, готового яростно обрушиться на циничных журналистов, которые не разделяют его увлечений. Принц Чарльз повел себя как раздраженный муж, сердито выговаривающий жене, которая посмела усесться на капот его драгоценной спортивной машины… А тем временем беззаботная принцесса Диана бродит по Аскотскому полю, игриво тыча зонтиком в каждого, кто оказывается в пределах ее досягаемости».

Престиж монархии падал, и королева не могла допустить новых скандалов на глазах у публики. Когда в ноябре Диана отказалась ехать в Берлин на празднование 750-летия города, ее уговаривали всем миром, и она все-таки поехала играть свою роль, причем сыграла ее прекрасно. Семидневный визит включал в себя посещение нескольких городов: Берлина, Бонна, Мюнхена, Гамбурга и Кёльна. Газеты отмечали, что спекуляции по поводу разваливающегося брака принца и принцессы явно не имеют под

собой оснований: «нет признаков размолвки». Хотя буквально накануне поездки Диана сумела настроить против себя все семейство, так как категорически отказалась сопровождать Чарльза на свадьбу его бывшей подружки Аманды Кэтчбул, которой он когда-то делал предложение. «Впечатляющее отсутствие», — назвали журналисты поступок Дианы.

Приезд в Германию заставил репортеров взглянуть на дело иначе: «…очевидных признаков разлада не было. Диана выглядела немного нервно, но обменивалась улыбками и взглядами с Чарльзом». Принц, в свою очередь, произнося речь, вспомнил, что его жена посещала Берлин в 1985 году в качестве почетного командира королевского полка, и назвал ее «самым гламурным командиром британской армии». Диана в ответ широко заулыбалась. Изначально в речи Чарльза этой ремарки не было, он внес ее в последний момент экспромтом.

На кадрах видно, что Диана находилась в Германии в игривом настроении, хотя по заведенной привычке вовсю стеснялась и краснела. На вечерних мероприятиях она появлялась в шикарных нарядах. На одном из них журналист даже сделал ей комплимент, похвалив прическу: Диане сделали красивую укладку, увенчанную тиарой. Принцесса игриво поправила волосы и поблагодарила репортера. В Баварии пара разделилась, и каждый пошел в свою сторону приветствовать собравшихся на площади людей. Вокруг Дианы и в самом деле толпа была более плотная, чем вокруг принца, но все же следует сказать, что полного отсутствия интереса к Чарльзу не наблюдалось. Многие считают, что он сильно ревновал Диану к ее успеху. Однако слухи по поводу падения его популярности на фоне жены сильно преувеличены. Тем более что Чарльз фактически «тянул» на себе визиты, произнося речи и беседуя с официальными лицами, в то время как к Диане обычно приставляли жен, с которыми она порой и парой слов не обменивалась. Конечно, красивая женщина всегда привлекает к себе много внимания, но Диана среди толпы выглядела потерянной и не уверенной в себе. Чарльз спокойно беседовал с людьми, по лицам которых никак нельзя сказать, что они разочарованы видеть перед собой принца, а не принцессу.

В школе для детей-инвалидов, куда Диану повели без Чарльза, она чувствовала себя лучше. Среди детей ей было уютнее, и она по своему обыкновению мило побеседовала с детьми и учителями, послушав песню, подготовленную к ее приезду, и посетив классные комнаты. В общем, пара достигла цели поездки: газеты пестрели заголовками, которые полностью опровергали предыдущие статьи. Чарльза и Диану журналисты дружно помирили.

* * *

Несмотря на прекрасно проведенный визит в Германию, конец года вновь ознаменовался спекуляциями на тему того, как плохо выглядит Диана. В начале декабря на двух мероприятиях, где она присутствовала с Чарльзом, отмечали ее болезненную худобу, чрезмерный макияж и «залитые лаком волосы». Журналисты не преувеличивали — на фотографиях на лице у Дианы вымученная улыбка, на принцессе действительно ужасный черный костюм, еще сильнее оттенявший ее нездоровый вид, а прическа и правда неудачная: обычно такие пышные, красивые волосы прилизаны, челка словно прилипла ко лбу. Некоторое время жизнь Дианы так и продолжалась: подъемы и падения, улучшение самочувствия и ухудшение, более и менее удачно сыгранные с Чарльзом роли благополучной семьи. До окончательного разрыва оставалось четыре года…

Глава вторая
ПОПЫТКИ ВЫЛЕЧИТЬСЯ

Год начался с поездки в знакомую уже Диане Австралию. С 25 января по 3 февраля пара опять старательно позировала перед фотообъективами и видеокамерами. В тот момент, когда они прибыли в Австралию, стало известно о беременности Сары, и эта новость заставила газетчиков сосредоточить свое внимание на жене принца Эндрю. Но Чарльзу и Диане тоже нашлось место на полосах газет и журналов. Репортеры, видимо привыкнув к постоянной охоте на принцессу, по-прежнему отслеживали каждый ее шаг.

В программе пятого дня пребывания значилась поездка на старинном паровозе и на пароходе. В перерыве Чарльзу и Диане предстояло прослушать речи местной администрации, расхваливавшей туристические достопримечательности своего района. Чарльз, в отличие от жены, наслаждался жизнью, несмотря на страшную жару и влажность. На нем были костюм, рубашка с галстуком, но принц сначала бодро запрыгнул в головной вагон паровоза, усевшись рядом с машинистом, и дал сигнал к отправлению. Потом послушал речи, а затем на пароходе размахивал флагом и улыбался во весь рот. Сложно сказать, то ли восточные практики и беседы с ван дер Постом пошли ему на пользу, то ли Камилла, к тому моменту, скорее всего, уже вернувшаяся в его жизнь, мысленно поднимала настроение, но Чарльзу даже жара была нипочем.

Диана, напротив, выглядела невесело — про такое выражение лица говорят «кислое». Она без особого энтузиазма забралась в вагон паровоза. Как выразился репортер, «это явно не то, о чем она мечтала с детства» (до этого Чарльз, радостно поднимаясь в кабину машиниста, прокомментировал: «Это была моя мечта детства»). Когда пара слушала официальные речи, в толпе собравшихся поглазеть на принца и принцессу начались обмороки: высокая влажность и жуткая жара действовали даже на «аборигенов», простоявших на открытом пространстве в течение долгого времени. Диане тоже было нехорошо. Чарльз заботливо спросил ее про самочувствие, она мотнула головой: мол, ладно, досижу как-нибудь. На пароходе прохлада немного улучшила состояние принцессы, но тем не менее находилась она отдельно от мужа — на втором пароходе, флагом не размахивала, не улыбалась, а грустно смотрела на воду.

По поводу той поездки в Австралию вспоминают и другой

эпизод. В Мельбурне пара посетила музыкальную школу, в которой преподавал профессор, когда-то учивший принца Чарльза играть на виолончели. В воспоминаниях о Диане пишут следующее: «В Мельбурне Диана вновь превзошла Чарльза, блестяще сыграв на рояле Рахманинова, — Чарльз отказался сыграть на виолончели и в очередной раз упустил возможность показать себя в выгодном свете». Истинную картину можно посмотреть в телевизионном репортаже. Чарльз недолго отказывался сыграть и быстро уступил старенькому профессору. Принц уселся на стул и прилежно поводил смычком по струнам, «выдавив» из инструмента несколько нот. Потом профессор начал уговаривать Диану сыграть на рояле. Ей пассаж из Рахманинова удался лучше, но она резко перестала играть буквально через 20 секунд. Профессор чмокнул ее в щеку, после чего Диана, покраснев и согнувшись в три погибели, чуть ли не побежала к выходу. Чарльз остался прощаться и пожимать руки…

Интроверсия? Да, Диана, однозначно, даже в 1988 году психологически и физически не справлялась с возложенной на нее ролью. Ей можно посочувствовать, но делать из принцессы героиню дня, пожалуй, большое преувеличение. Часто цитируют плакаты, которые вывешивали люди во время визитов пары. Чарльза называли «Ушастиком», так и писали: «Мы любим тебя, Ушастик». Наверное, успех жены, скорее, отражался на страницах гламурных журналов, в виде красивых фотографий Дианы в очередном потрясающем наряде. Но среди толпы простых людей Чарльз не терялся на фоне жены. На плакате в Мельбурне было написано: «Диана, мы тебя любим и тебя, Ушастик, тоже». Даже если подобное прозвище и не нравилось Чарльзу, он к нему был вынужден привыкнуть за долгие годы…

Посетить показ мод, состоявшийся в Сиднее 31 января, Диана должна была по логике с большим удовольствием. Но на фотографиях она все же выглядит уставшей и изможденной. Показ был посвящен шерстяным изделиям — всемирно известные кутюрье пытались увеличить таким образом продажи шерсти. «Впервые модельеры согласились представить коллекции на одном и том же подиуме: Донна Кара, Кензо, Миссони, Версаче, Оскар де ла Рента, Монтана, Брюс Олдфилд, Соня Рикель и Жан Мюар украсили вечер своим присутствием в телевизионном шоу, облетевшем весь мир». Правда, костюм Брюса Олдфилда, который надела Диана, журналисты раскритиковали, назвав его «не самым лучшим выбором принцессы». Несмотря на усталость, после шоу Диана по своему обыкновению побеседовала с моделями.

Из Австралии Чарльз и Диана полетели с официальным визитом в Таиланд, где они провели всего три дня. К тому

моменту Диана приободрилась и выглядела гораздо лучше, чем в Австралии. И платья выше колена однозначно ей шли больше, чем длинные, почти в пол. Кроме того, в Азии Диана чувствовала себя комфортнее и с точки зрения отношения к ней официальных лиц. Сразу по прилете их с Чарльзом встретили с большими зонтами в руках — защита от палящего солнца. А затем препроводили в прохладное помещение, где угощали прохладительными напитками. Диана на кадрах расслаблена и с улыбкой беседует с женой тайского принца.

Вечером на торжественном ужине на Диане было удивительное платье, так же как и в недавних визитах в Испанию, интересно отображавшее мотивы традиционных национальных костюмов. В волосах — цветок лотоса. На второй день Чарльз и Диана по обыкновению разделились: она посетила дом престарелых и вместе с постояльцами сыграла в петанк. В то же время Чарльз направился в британское посольство, потом побеседовал со студентами сельскохозяйственного колледжа, изучавшими английский язык.

Вернувшись на родину, в марте Чарльз, Диана, Сара и их друзья отправились на горнолыжный курорт в Швейцарию. Диана сильно простудилась и не каталась. Сара, несмотря на четвертый месяц беременности, лихо покоряла склоны, но, однажды упав, решила больше не рисковать и оставалась дома. Именно тогда один из членов их компании погиб, погребенный под лавиной. Смерть могла настигнуть всех, кто в тот момент находился в горах, включая Чарльза, но не повезло лишь одному. В той ситуации Диана повела себя хладнокровно: она собрала вещи погибшего и запретила мужу возвращаться в горы. «Гибель Хью Линдсея послужила серьезным уроком. Диана сделала важное открытие: в критической ситуации она не только сумела сохранить присутствие духа, но и нашла в себе силы самостоятельно принимать решения вопреки воле мужа. Трагедия в Клостере положила начало духовному и физическому выздоровлению, освобождению внутренней энергии, не находившей до сих пор выхода».

Действительно, Диана нащупывала тот путь, который впоследствии окажется для нее самым верным. Помощь страждущим отвлекала ее от собственных проблем и в то же время делала героиней в глазах общественности и журналистов. Когда она «хулиганила» на пару с Ферджи или слишком фривольно вела себя на официальных мероприятиях, ее ругали, замечая каждый промах. Кому-то позволяли нарушать протокол, но не «Золушке», бывшей воспитательнице детского сада, любившей гладить и убирать квартиру. Она должна была

соответствовать созданному газетчиками и полюбившемуся людям имиджу. «К этому времени ей стало ясно, что ее выходки в Аскоте, появление в узких кожаных брюках и танцы до упаду с посторонними мужчинами — это вовсе не то, чего ждет публика от принцессы. Она поняла, что тем самым дает козыри своим врагам… И Диана постаралась сменить этот фривольный образ образом благотворительницы и идеальной матери».

Диане практически невозможно было справиться со своими проблемами самостоятельно. Она подошла к той грани, когда начала уяснять себе, что следует предпринимать меры — ее здоровье ухудшалось на глазах. Но выхода принцесса не видела. Чарльз знал о проблемах жены, но он их пытался решать по собственному усмотрению, как он это понимал, предлагая к услугам Дианы врачей, прописывавших успокоительные. Чарльз вообще с трудом осознавал, что такое болеть чем-то серьезнее простуды. «Вы когда-нибудь были больны, очень-очень больны? — спрашивал он у близких друзей. — Я этого не понимаю, и моя мать тоже». Психические проблемы жены Чарльза, по-видимому, раздражали, не оттого, что он не желал ей помочь, а потому, что совершенно не улавливал ее ощущений.

Летом 1988 года Диана хотела обратиться за помощью к матери, но та в то время и сама переживала не лучшие времена. В июне Френсис развелась с мужем, который оставил ее из-за другой женщины (интересно, что он разведется и с третьей женой, а остаток дней будет коротать с первой супругой). Мать Дианы пыталась обвинять прессу в распаде ее брака, но родственники называли причиной развода чрезмерное увлечение алкоголем как со стороны Френсис, так и со стороны Шанд-Кида. Впрочем, проблемы матери, какого бы рода они ни были, в любом случае не позволили Диане отдохнуть летом, как она планировала. «Отношения между матерью и дочерью не складывались, они часто ссорились по телефону».

В итоге бить тревогу начала подруга Дианы Кэролайн Бартоломью. Безумный график принцессы не способствовал улучшению самочувствия, а постоянная рвота приводила к недостатку в организме важных микроэлементов и витаминов. Лицо Дианы, прежде выдерживавшее приступы булимии, депрессии и постоянную усталость, начало отображать признаки болезни. Даже густые, красивые волосы теперь казались тусклыми, а прежде пышная, знаменитая челка Дианы лежала прилизанная, под толстым слоем лака. Кэролайн не просто дался разговор с подругой, ей даже пришлось пойти на шантаж: она пообещала придать гласности проблемы Дианы, если та не согласится лечиться.

В итоге Диана пригласила к себе врача, который лечил в свое время ее сестру Сару от анорексии. Доктор Морис Липседж с 1980 года работал в больнице в центре Лондона психиатром. Надо отметить, что Липседж никогда не специализировался на проблемах булимии и анорексии. Его основной специализацией был стресс на работе и другие связанные с этим вопросы. Но Диана решила действовать. «Она выбрала доктора Мориса Липседжа, чей гонорар составлял 200 фунтов в час, который успешно лечил от анорексии Сару. Хотя он никогда не страдал ни от анорексии, ни от булимии, как и другие врачи, чьи советы и мнение она отвергала из-за того, что их стоит слушать, только если они сами страдали такой же болезнью, Диана была готова дать Морису Липседжу шанс». Врач работал с принцессой полгода — срок, за который он брался улучшить ее состояние.

На первой же консультации Морис в лоб спросил Диану, не пыталась ли она когда-либо покончить с собой. Ди призналась: «Несколько раз». Далее доктор побеседовал о житье-бытье пациентки и, по словам биографов, свалил всю вину за происходившее на родителей и мужа. «По заключению доктора Липседжа, источник болезни коренился не в психике Дианы, а в поведении ее мужа». Липседж «прописал» Диане питаться и стараться сдерживать порывы к рвоте, а также дал почитать книжки, описывающие природу болезни. Отличные методы за 200 фунтов в час! Диане действительно становилось лучше — приступы булимии она теперь «позволяла себе», пребывая в Букингемском дворце, Сандрингеме или Хайгроуве. Именно тогда все выходные она была с любовником, Джеймсом Хьюиттом. Они ездили в дом к его матери или проводили время вместе с Кэролайн и ее мужем. В эти моменты булимия отступала. Так что судить о методах доктора Липседжа сложно.

Сама Диана считает, судя по воспоминаниям, более важным участие в лечении холистического терапевта Стивена Твига, который начал посещать Диану в конце 1988 года. Его подход включал массаж, диету и позитивное мышление. В целом холистический подход восходит еще к идеям врачей Древней Греции: «Следует лечить не тело, но душу». Соответственно, предполагается лечить «не болезнь, а больного», учитывая его темперамент, образ жизни и другие индивидуальные моменты. Среди способов лечения: акупунктура, гомеопатия, фитотерапия, ароматерапия, остеопатия и т. д. Главным же является выработка у человека позитивного настроя, который «может сам по себе активизировать иммунологический резерв организма».

Что касается питания, то Твиг «разрешил» Диане есть все, что она хочет, но согласно определенным принципам раздельного

питания (например, не есть вместе белки и углеводы). Он правильно понял желание Дианы оставаться стройной и попытался снять эту проблему при помощи своих советов. Конечно, Диана не вылечилась в одночасье, но определенного прогресса достигла. Ее увлечение нетрадиционной медициной сильно возросло к концу 1988 года. Сюда же прибавилось увлечение астрологией и другими способами предсказания будущего.

* * *

В ноябре 1988 года Чарльз и Диана отправились с официальным визитом в Париж. Они, как повелось в последних поездках, едва разговаривали друг с другом. А во время одного из торжественных ужинов Чарльза вообще посадили с принцессой Монако Каролиной, которую когда-то считали его невестой. Правда, Диана не скучала: французы на комплименты не скупились и уделяли ей много внимания. Переводчик честно переводил ей с французского слова про ее прекрасные глаза и про то, что она собой осветила замок, где проводился ужин. Но Диана все же предприняла попытку отвлечь Чарльза от соседки. После выступления звезды кабаре она решила повторить откровенный танец и «весьма соблазнительно танцевала перед собственным мужем. Диана вновь совершила ошибку, пытаясь привлечь внимание мужа способом, который вызывал у него раздражение и неприязнь».

Кроме того, в ту поездку Чарльз и Диана посетили британский магазин «Marks and Spencer». Принц поговорил со служащими по-французски, в то время как Диана следовала за ним молчаливой тенью. Пока ее официальные речи сводились к двум коротеньким выступлениям, когда Диана, краснея, еле слышно произносила несколько слов. В остальных случаях выступал Чарльз. Но даже в частных беседах Диана всегда говорила тихо и крайне редко. Во Франции Чарльз в принципе завоевал симпатии публики своими продуманными речами, касавшимися единства Европы. Про него тогда писали: «…принц Чарльз удачно дебютировал в роли европейского государственного деятеля. Финальное выступление принца придало этому государственному визиту особое звучание». Конечно, пресса продолжала обсуждать и наряды Дианы, но пока ее роль демонстрациями красивых платьев практически и ограничивалась.

Про 1988 год в семье Чарльза и Дианы говорили: «В 1988

году… установилось наконец перемирие, основанное на безразличии. Больше не было ссор и взаимных обвинений, как, впрочем, прекратились и всяческие попытки наладить отношения. Ни один из супругов не выказывал ни малейшего интереса к занятиям другого».

Глава третья
СОПЕРНИЦА

Долгое время Камилла занимала в мыслях Дианы «почетное» место в качестве любовницы мужа, и никакие доводы вытеснить ее оттуда не могли. В какой-то момент Камилла и правда вернулась в жизнь Чарльза. Нередко она оказывалась в тех же местах, куда приглашали принца и принцессу Уэльских, но частенько Диана попросту не приходила вместе с мужем, если знала о планируемом присутствии соперницы. Однако до 1989 года выяснения отношений между двумя дамами не происходило. Сцены ревности Диана закатывала Чарльзу, с Камиллой же по этому поводу напрямую не общалась.

Столкнулись женщины в феврале на дне рождения сестры Камиллы Аннабель. Праздник организовывала подруга Аннабель, которая не пригласить Диану не могла — этого требовали вежливость и придворный этикет. Никто, правда, не предполагал, что Диана решит поехать туда, где точно нос к носу столкнется с Камиллой. В итоге, когда Диана, к вящему удивлению мужа, принявшая приглашение, после ужина заметила отсутствие Чарльза и его давней подруги, она отправилась на их поиски, которые увенчались успехом. В детской, по воспоминаниям самой Дианы, находились Чарльз, Камилла, их общий знакомый и даже неподалеку маячил охранник. Последний, увидев Диану, решил уйти, так как предполагал, что станет свидетелем семейных разборок. Именно по этой причине свидетелей разговора Дианы с Камиллой не было.

Некоторое время беседу вели вчетвером, но потом все-таки было предложено вернуться к гостям. Тут-то Диана и попросила Камиллу задержаться. Слова, которые она сказала Камилле, никем не подтверждаются: сама Камилла их не комментировала (Камилла и сейчас скупа на комментарии, касающиеся Дианы). «Я бы хотела, чтобы вы знали: для меня не секрет то, что происходит между вами и Чарльзом. Я не вчера родилась. Мне жаль, что я на вашем пути. Я понимаю, что мешаю вам и вам обоим это не нравится… Не держите меня за идиотку», — говорила Диана. А по второй версии, еще и попросила «оставить моего мужа в покое». На обратном пути Диана устроила Чарльзу истерику в машине, и тому был свидетелем охранник. Диана бросала мужу обвинения, но он молчал и никак не реагировал.

По другим воспоминаниям, в комнате, где находились Камилла и Чарльз, вообще было несколько человек. Хотя даже

если их было трое, как в первом варианте, то сомнительно, что пара планировала заняться чем-то предосудительным. Тем не менее далее пересказ обстоятельств, сопутствовавших развитию данных событий, в любом случае разнится лишь расстановкой акцентов. Например, на записях начала 1990-х годов Диана говорит, что попросила уйти из комнаты мужчин. «О'кей, ребята, — сказала она, — я собираюсь перебросится парой слов с Камиллой и присоединюсь к вам через минуту». И далее она вспоминает, что мужчины «…рванули вверх по лестнице, как курицы без головы, и я чувствовала, что наверху сейчас ад разверзнется. Они думали: „Что она собирается сделать?“». В этой записи Диана даже приводит слова Камиллы: «У тебя есть все, что ты когда-либо хотела. Все мужчины в мире влюбляются в тебя, у тебя двое прекрасных детей. Чего ты еще хочешь?» Тут Диана и заявила, что хочет своего мужа…

Шансы на успех Дианы таяли на глазах. Камилла была (и есть) не из тех женщин, которых легко напугать вышеприведенными фразами. Сама она считает, что «…получила все, чего когда-либо хотела, просто проявляя терпение и позволив вселенной свести ее и Чарльза вместе». Вряд ли Камилла устраивала скандалы Чарльзу, это вовсе не в ее характере. Она действительно проявляла терпение и выдержку. Прозвище, которое дала Диана Камилле — ротвейлерша, — во многом отражало суть ее натуры: «вцепиться, — как выражалась Ди, — мертвой хваткой». И тут просьба оставить Чарльза в покое была совершенно бесполезна. Тем более что к тому моменту Диана и сама обзавелась любовником, и вряд ли это не было известно Чарльзу, а значит, и Камилле.

* * *

Несмотря на разлаживающуюся личную жизнь, Диана продолжала много сил отдавать благотворительности и помощи больным СПИДом. Причем ее визиты в больницы становились притчей во языцех. Во-первых, Диана наносила их практически всегда без мужа — это была исключительно ее прерогатива. Во-вторых, она была абсолютно не брезглива. «Сострадая людям, которые в этом нуждались, она научилась преодолевать собственные страдания». Такой талант — а иначе это не назовешь — дан далеко не всем. Диана, не будучи способной помочь самой себе, умела помогать другим. Ее собственные страхи, депрессии и фобии отходили на второй план, когда она видела настоящие боль и отчаяние.

В феврале 1989 года Диана отправилась в Нью-Йорк с коротким визитом, менее трех дней. Но эта поездка являлась важнейшим событием как для Букингемского дворца, так и для Дианы лично: визит был первым масштабным, официальным, международным мероприятием, которое принцесса посетила самостоятельно (ее, правда, сопровождал брат, но не муж). Мы видим куда более уверенную в себе женщину, чем раньше. Знаменательная беседа с Камиллой, судя по всему, произошла после визита в Нью-Йорк. Наверное, разговор не был продуктивен, но сам факт подтверждает: Диана стала гораздо увереннее в себе…

В Нью-Йорке перед Дианой стояло не так много задач: посещение спектакля Уэльской национальной оперы, встреча с модельерами, посещение приюта для бездомных, британского магазина игрушек и, наконец, главное событие — визит в Гарлемскую больницу для больных СПИДом детей. Конечно, американская пресса не преминула поднять шумиху по поводу приезда Дианы аж за неделю до ее появления в Нью-Йорке. И перво-наперво обсуждались отношения принцессы с мужем: если она прибывает в Штаты одна, то с их отношениями, очевидно, дело обстоит плохо. Журналисты разбились на два лагеря. Первые считали: разваливающийся брак Дианы и Чарльза — не самое лучшее, что может представить британская монархия американцам, почитающим семейные ценности. Вторые (среди них феминистки), напротив, выступали за «независимую Ди», осуждая королевский дом за навязывание Диане определенного стиля поведения лишь для того, чтобы не подорвать престиж монархии.

На канале *NBC* репортер вообще задался вопросом: «А кто в принципе эти люди?» — имея в виду королевскую семью, и далее продолжил: «Они точно такие же, как и любая другая семья, только что более благородного происхождения. Они даже не Дональд Трамп. Они куда более банальны в их вкусах». Но Диана сумела изменить мнение о себе. Общение с врачами пошло ей на пользу — она выглядела не только лучше внешне, но и более уверенно держалась. В день прилета первым был запланирован прием, устраиваемый британской компанией по производству кашемира, на котором присутствовали знаменитые модельеры Оскар де ла Рента и Донна Каран. Как обычно, сразу отметили наряд принцессы. Однако одежда и обувь, которые всегда ее выделяли, изменились, и то была не только дань моде. На Диане появились короткие, выше колена, юбки и туфли на каблучках, то есть ее наряды стали куда сексуальнее, чем раньше. Сразу после замужества (да и до него) Диана носила обувь без каблука и

заметно сутулилась. Теперь на ней все чаще были изящные «лодочки», а в Нью-Йорке стало заметно, что она практически не горбится.

Казалось, первый день прошел успешно, но ехидства в американской прессе пока не поубавилось: «Ньюйоркцам сказали, как вести себя в присутствии королевской особы. Но кто-нибудь сказал Диане, как вести себя в присутствии ньюйоркцев?» Тем не менее лед тронулся, ведь даже природный климат способствовал успеху Дианы. На второй день ее пребывания в городе установилась необычайно теплая для этого времени погода. А затем последовал запомнившийся надолго визит в приют для бездомных матерей с детьми. Диана побеседовала с женщинами и поиграла с малышами. Потом они сказали: «Она не считает нас больными. Это просто жизненная ситуация, а любая ситуация может измениться».

Следующим пунктом программы второго дня был британский магазин игрушек, который, естественно, закрыли в тот день для покупателей. Лишь одному ребенку позволили проникнуть внутрь: двенадцатилетней девочке, больной кистозным фиброзом. Однажды Диана, узнав про ее болезнь, выслала ребенку рождественскую поздравительную открытку, и ради встречи с принцессой родители проделали путь из Пенсильвании в Нью-Йорк. Конечно, все были растроганы. Полиция пропустила девочку к Диане, та пожала ребенку руку, поговорила с ней несколько минут и обняла напоследок. Американцы растаяли. Вечером в опере Диана предстала в роли настоящей принцессы из сказки: в белом длинном платье, расшитом золотыми нитями.

Но главное ожидало всех впереди. На третий день Диана приехала в Гарлем посетить больницу для детей, больных СПИДом (по большей части их матери были наркоманками), где провела полтора часа, разговаривая с персоналом и обнимая несчастных детишек. «Под внешним блеском скрывается сердце из настоящего золота, — написали после визита. — Она сделала это спонтанно, нежно подняв на руки семилетнего мальчика из Гарлема, умирающего от СПИДа. Сколько из нас, миллионов матерей, сделали бы это? Нас заверяют, что нет никакого риска подцепить самое страшное в мире заболевание через объятия, но у малышей влажные руки и слюнявые поцелуи. Можем ли мы честно признаться, что не почувствовали бы страха, а не всеобъемлющей нежности, которую испытывала Диана, признаваясь: „Мне очень грустно, когда я думаю о том, как я держала этого маленького мальчика на руках. Я до сих пор о нем думаю“».

Диана была нежна не только с этим мальчиком. Она

протянула палец полуторагодовалой темнокожей девчушке, которая схватила его и смотрела на принцессу-блондинку в течение нескольких минут, словно и правда к ней пришла настоящая принцесса из сказки. Свидетели той сцены говорили, что Диана явно была тронута до слез, но старалась сохранить улыбку на лице. Во время визита она поговорила и с врачами, поинтересовавшись их мнением по поводу лечения болезни. Позже они признавались, что никто из представителей власти не сделал ничего и близко похожего на совершённое Дианой в тот день. «Приходится признать, — писали газеты, — она преподала урок президентам, показав, как нужно обращаться с людьми». И далее: «Какие бы сомнения ни существовали у Чарльза ранее, после того, как его жена завоевала Нью-Йорк, у него не должно остаться ни одного по поводу великолепного выбора будущей королевы».

* * *

В середине марта, очевидно после беседы с Камиллой, Чарльз и Диана совершили совместную поездку в Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. В присутствии мужа Диана держалась напряженно, но во время индивидуальных визитов ей было явно легче общаться с людьми. Заметно, что принцесса нашла свой собственный стиль не только в одежде. Например, посещая школу для детей-инвалидов, она, не задумываясь, садилась на колени перед лежавшим на коврике ребенком. Стоявший вокруг персонал был шокирован ее непосредственным поступком. Диана гладила детей, пожимала им руки, задавала вопросы врачам. От былой зажатости в таких местах не осталось и следа.

Одновременно Чарльз выступал с речью, посвященной налаживанию деловых отношений между Великобританией и Кувейтом. Он тоже изменился, недаром в предыдущем году, в Париже, его уже воспринимали не только как наследного принца, но и как заметную политическую фигуру. Чарльз и Диана, оба, развивались, но каждый в своем направлении. В этом ничего не было бы плохого, если бы разные пути теперь перед ними не лежали и в семейной жизни. В описываемой поездке пара вообще не общалась друг с другом, несмотря на то, что их снимали и на них смотрели журналисты. С любовью было покончено, остались только обязательства.

В Эмиратах журналисты опять отмечали две вещи: умение общаться с простыми людьми и наряд принцессы: «…она сумела

продемонстрировать свое уважение по отношению к культурным тонкостям, надев тюрбан от Филипа Сомервиля, который изящно закрывал ее волосы», чем очаровала принимавшую сторону. Диана по-прежнему с трудом ела на людях. Все кадры, снятые, когда пару угощали закусками, сладостями, кофе, явно демонстрируют ее проблему: Диана с трудом прожевывала и еле-еле проглатывала маленькие кусочки пищи и даже не могла при этом толком говорить. Чарльз, напротив, получал от процесса удовольствие, но косил глазом в сторону, на жену. Он оставался в курсе ее проблем, которые даже в 1989 году при видимом улучшении не были полностью решены.

«Казалось, она поражена всем, что увидела. Чарльз всегда восхищался исламской культурой и искусством, и она была пленена Ближним Востоком, так что это был настоящий опыт для обоих. В определенные моменты, однако, бросалось в глаза то, что Диана несчастлива. Это было действительно временами очевидно».

Новым в отношениях с Чарльзом стали и его странные реплики в адрес жены: ему порой хотелось ее уколоть, что он делал, не стесняясь присутствия других людей. В поездке по Эмиратам Диане задали вопрос: чем она намеревается заняться? У Дианы всегда планировались благотворительные мероприятия. Как она сама выразилась: «…даже если супруга наследника тупа, как пробковое дерево, не способна произнести ни слова членораздельно, то ее все равно куда-нибудь повезут с благотворительной целью». Чарльз прекрасно знал о все более активном участии жены в подобных мероприятиях, приносивших ей удовлетворение и хорошо ей удававшихся. Однако он опередил жену и ответил: «Она пойдет по магазинам».

Постепенно Диана приобретала странный опыт. Она будто существовала в двух мирах: в мире, где следовало вести себя более раскованно и уметь нравиться людям, и в мире, где рушилась ее семья и где рецептов счастья никак не обнаруживалось. В конце весны Чарльз, начавший активно общаться с четой Паркер-Боулз, пригласил старинных друзей в совместную поездку в Турцию (правда, поездка была неофициальной и однодневной). Ситуация не улучшалась. Диана проводила выходные с любовником Джеймсом Хьюиттом, а Чарльз находил утешение в компании Камиллы.

Осенью 1989 года в жизни Дианы произошли изменения, которые не раз потом повлияют на ее судьбу. Итак, Джеймса направили служить в Германию. Он не сопротивлялся, а некоторые считают, что Хьюитт сам просил о новом назначении, так как устал от принцессы, «…которая, купаясь в неожиданно

свалившемся на нее счастье, опять потеряла чувство меры. Она пыталась заполнить собой каждую клеточку любимого мужчины. Не терять ни одной минуты. Постепенно любовник начал тяготиться таким прессингом. С радостью, как возможность освобождения, воспринял он новое назначение… Диана была в отчаянии. Она плакала, кричала, пыталась изменить планы любовника, оказывая давление на его командира. Ну, в общем, всё, как всегда». Диана, вспоминая роман с Джеймсом, пишет, что она готова была развестись и они планировали пожениться. Видимо, все-таки планировала одна Диана, а Джеймс, испугавшись подобного поворота событий, просто удрал служить в другое место.

И тут принцесса совершила первую роковую ошибку, за которой последовала целая цепочка оплошностей. Сначала она принялась писать Джеймсу любовные письма, откровенные, страстные и эмоциональные. Неожиданно поняв, что натворила глупостей, Диана попросила Джеймса вернуть ей письма. По словам Дианы, вначале Хьюитт согласился и, не колеблясь, попросил за них 250 тысяч фунтов (письма он так и не отдал). Годы спустя этот мужчина не раз доказывал своими низкими поступками, что не любил Диану, пытаясь продавать историю их взаимоотношений. Принцесса не разглядела в нем обычного жигало? Или его попросили пойти навстречу Диане и ответить на ее чувства, так как видели в этом единственный путь как-то справиться с депрессиями принцессы? В любом случае его никто не трогал, не пытался «убрать» или заставить замолчать. А ведь кроме торговли письмами Дианы Хьюиттом были выпущены две книги, раскрывающие подробности их романа. Первую написала Анна Пастернак («Влюбленная принцесса»), вторую выпустил Джеймс под своей фамилией, и вышла она в 1999 году («Любовь и война»).

Окончательный разрыв отношений между Дианой и Джеймсом произошел в 1991 году, когда его отправили в Персидский залив. Но уже в конце 1989 года Диана нашла себе нового друга. На самом деле познакомились они давно, в знаменательный 1979 год, когда Диана въехала в свою квартиру и напропалую хулиганила с подругами. Джеймс Гилби — тот самый молодой человек, чью «альфа-ромео» девушки заляпали смесью муки и яиц. Вновь они встретились летом 1989 года. Гилби не был женат (он долгое время оставался холостяком и женился лишь в 2014 году на состоявшей в разводе матери пятерых детей), занимал прочное положение в обществе и в отличие от Джеймса Хьюитта был богат. «Обаятельный и общительный Джеймс Гилби продавал дорогие машины. Его семья сделала состояние на

производстве и продаже джина собственной марки. Он был племянником самого известного католического священника Англии, монсеньора Альфреда Гилби. Джеймс являлся членом „Клуба путешественников“ на Пэл-Мэл». Позже оказалось, что Гилби к тому же является весьма порядочным мужчиной — он никогда не комментировал свои отношения с Дианой.

Сначала пара встречалась у общих друзей, но потом их отношения стали носить более серьезный характер: они назначали свидания на квартире у Гилби и даже снимали для встреч виллы за городом. Диана не включила Джеймса в список значимых в ее жизни мужчин, куда входили отец, муж, сыновья и любовники. Можно было бы предположить, что между ними не существовало ничего кроме тесной дружбы, но раскрытые в 1992 году записи телефонного разговора говорят об обратном (подробнее о записях будет сказано в главе шестой. — *В. Б).* К тому же Диана сочла нужным упомянуть Барри Мэннеки, с которым, как утверждала, их связывали исключительно теплые, но лишь дружеские отношения. Видимо, дело в позиции самого Гилби, по-джентльменски не желавшего афишировать связь с Дианой, и она чувствовала, что об их коротком романе не следует говорить.

* * *

К концу 1989 года отношение к Диане внутри королевской семьи начало резко меняться. Наступило окончательное охлаждение — на Диане «поставили крест», поняв, что изменить ее характер не удастся. Основные признания, сенсационные статьи, интервью и взаимные разоблачения — впереди. Год, заканчивавшийся на Рождество в Сандрингеме, не принес ни спокойствия, ни тепла, но он ознаменовал собой начало холодной войны между Дианой и Букингемским дворцом. «Любимая бабушка Чарльза не испытывала к Диане никакой симпатии и считала ее лгуньей (похоже на мнение брата Дианы, высказанное в далеком детстве. — *В. Б.)*. Королева-мать Елизавета требовала от своего окружения строжайшего следования этикету, но ее преданность принцу Чарльзу была абсолютной… Он страдал из-за брака с Дианой — значит, та во всем виновата. В присутствии королевы Елизаветы обсуждать брак Чарльза было строжайше запрещено, но в личных разговорах она винила во всех проблемах „безответственное поведение“ Дианы».

Глава четвертая
НА ПУТИ ВРОЗЬ

Двойная жизнь продолжалась: совместные поездки Чарльза и Дианы становились хоть и более редким явлением, но продолжали быть частью ритуала. Журналисты, как и ранее, фотографировали пару и по старой привычке обсуждали их взаимоотношения. Как только принцу и принцессе удавалось посмотреть друг на друга с улыбкой или просто обменяться несколькими фразами, их дружно мирили. Если они смотрели в разные стороны и хмурились, их тут же разводили.

В Венгрию Чарльз и Диана отправились в мае. Это была первая страна из подписавших Варшавский договор, которую они посетили. По обыкновению, пара прошлась по улицам Будапешта, приветствуя толпы собравшихся там людей. Однозначно, Диана выглядела изменившейся — она становилась профессионалом своего нелегкого дела. В тот же день она посетила *Peto Institute,* учреждение, где лечат детей с церебральным параличом. На фотографиях запечатлена Диана: обнимающая больных ребятишек, сидящая на коленях перед ними на полу, разглядывающая нарисованные ими картинки. Да, мероприятия подобного рода всегда являлись частью программы принцессы, но все признают, она вела себя естественно и не притворялась. «Даже самая лучшая актриса не могла бы так долго и убедительно изображать сочувствие. Тех, на кого это чувство было направлено, невозможно было обмануть».

Конечно, Диана продолжала блистать и на официальных приемах: ее наряды становились год от года все изысканнее. На ужине, организованном президентом Венгрии, Диана появилась в открытом, сверкающем белом платье, великолепно подчеркивавшем ее стройную фигуру. Во время ужина Чарльз признался, что его прапрапрапрабабушка была венгеркой и что он гордится этим, так как Венгрия «играет большую роль в изменении лица Европы» и встала на путь политических реформ. В ответ венгерский президент выразил надежду, что его страна вернется, наконец, в лоно развитых европейских стран. В Будапеште Чарльз также выступил с речью в Экономическом университете. В это время Диана пошла смотреть выставку британской моды в Музее прикладного искусства. Их роли были четко распределены — никаких неожиданностей.

Немного романтики в поездку добавила прогулка в открытом экипаже, запряженном лошадьми, по живописным окрестностям

Будапешта. Тут журналистам было раздолье: пара искренне улыбалась и явно наслаждалась прогулкой. Принц и принцесса называли те поездки «последним красивым жестом единства». Возможно ли было на этом строить дальнейшие отношения, укреплять брак? Вряд ли. «Во время романтической прогулки по Дунаю, на верхней палубе небольшого корабля, они выглядели абсолютно счастливыми. Нужно было знать всю подноготную их отношений, чтобы понять, какие страсти кипели за красивым фасадом». Мгновения счастья и единения способен был зафиксировать фотоаппарат, но за кадром зияла пустота…

* * *

История со сломанной рукой Чарльза тоже обычно попадает в биографии Дианы. Конкуренция за право дежурить возле постели больного приняла характер, в чем-то похожий на тот, который когда-то имела битва возле палаты лежавшего в коме отца Дианы. В июне принц Чарльз упал с лошади во время игры в любимое поло. Он дважды ложился на операцию, и главным лекарством для него стала не жена, а Камилла. Диана, конечно, навещала его, но «Чарльз недвусмысленно дал понять, что внимание и забота Дианы совершенно нежелательны, а единственный человек, который может способствовать его выздоровлению, — это Камилла». Диана появлялась в больнице, дабы ее видели журналисты, в Хайгроуве, где проводил время между операциями Чарльз, его ждала Камилла.

Ситуация складывалась для Дианы куда как неприятная. Однако в газетах об отношениях принца с Камиллой не писали. Если посвященные Диане статьи мелькали чуть ли не ежедневно, то жизнь принца оставалась его частным делом. Хотя и о связях Дианы с другими мужчинами стало известно позже. Пока обсуждались перспективы брака, а роль третьих лиц замалчивалась. Кроме того, Диана постоянно использовала благотворительность в своих целях. Да, она была искренна с людьми, но ее ближайшее окружение и не скрывает, что порой мероприятия организовывались «по, прямо скажем, довольно циничным мотивам».

Нельзя утверждать наверняка, чего хотела добиться Диана, когда, навещая мужа, посещала и других больных, — но Чарльза могло раздражать внимание, которое его жена оказывала посторонним. «Диана находила время и для других больных, особенно в отделении интенсивной терапии». Два примера были преданы тогда огласке. Первый касался пациента, получившего

тяжелую травму в результате автомобильной аварии. После того как мужчину выписали, Диана навестила его дома. Семья тут же продала историю газетчикам, и принцессу это сильно покоробило. Однако публичная личность должна ожидать подобных подвохов от малознакомых людей. Второй пример — куда более драматический. У женщины случилось кровоизлияние в мозг, и в живых она оставалась только благодаря системе поддержания жизни. Муж постоянно сидел в палате возле больной. Диана, узнав у врачей, что случай безнадежный, присела рядом со страдающим мужем. Когда женщина умерла, Диана вместе с семьей несчастной прошла в отдельную комнату и завела разговор о Чарльзе, расспросила вдовца о его работе, а потом вообще раздобыла для него джин.

«Она не давала нам упасть духом, — вспоминал муж умершей женщины. — Если учесть, что принцесса ровно ничего о нас не знала, можно только удивляться, как профессионально она действовала: сразу нашла подход, не колеблясь, принимала решения. Нейл (сын этой четы. — *В. Б.)* не раскис только благодаря Диане. Когда мы собирались уходить, он болтал с ней, как со старой знакомой, даже поцеловал в щеку на прощание». А Нейл был уверен: Диана знала, что такое смерть и горе, именно поэтому так действовала.

И тут вырисовывается странная картина. Диана ухаживала за посторонними людьми даже больше, чем за собственным мужем. Не потому ли ему «нежелательны» были такие забота и внимание супруги? Диана часами сидела возле постелей других людей, навещая Чарльза, избалованного принца, не привыкшего к подобному подходу. Тем более что больные, удостоившиеся внимания его жены, являлись представителями низших классов, простыми людьми, а Чарльзу были свойственны классовые предрассудки. Возможен и противоположный вариант: Диана в отчаянии поддерживала других, не имея ни малейшего шанса получить благодарность за заботу от собственного мужа: «…раз уж обязана ради пиара прийти в больницу, то не оказать ли помощь страждущим, коли Чарльз все равно порыва не оценит». Здесь чашу весов в сторону первого варианта склоняют характер и воспитание Чарльза. Одно дело посещать официальные благотворительные мероприятия, совсем другое, навещая мужа в больнице, проводить время с лесником и бегать в поисках джина для его успокоения…

* * *

В середине ноября состоялся второй за год совместный с Чарльзом визит — в Японию. Диана выглядела просто потрясающе: один из ее нарядов состоял из головного убора с вуалеткой белого цвета и такого же цвета пальто в пол. Даже Чарльз на некоторых фотографиях смотрит на жену открыв рот, не говоря уже о японцах, для которых эта высокая женщина в белом казалась каким-то божеством. Среди благотворительных мероприятий запланировали посещение детской больницы — Диана, как всегда, была на высоте.

К концу года в Англию ненадолго перед своим отъездом в Персидский залив приехал Джеймс Хьюитт. Он еще не начал продавать письма и воспоминания о Диане, а потому их роман на короткое время возобновился. Чарльз, видимо, был в курсе (охрана не могла не докладывать ему о перемещениях жены, в то время как охрана Чарльза вовсе не была обязана делать то же самое по отношению к Диане). Уже стало известно и о связи Дианы с Джеймсом Гилби: нежный телефонный разговор между ними был записан на пленку и попал в руки к журналистам. «Владелец „Sun“ и „News of the World“ Руперт Мердок и исполнительный директор „News International“ Эндрю Найт решили, что материал слишком опасен для публикации. Записи заперли в сейф, где они и пролежали два с половиной года. Редакторы „News of the World“ располагали также информацией о романе Дианы с Джеймсом Хьюиттом — об этом журналистам рассказал ординарец Хьюитта, капрал Малколм Лит. Эту историю Найт тоже придержал…»

Думается, при всей демократичности журналистов они не просто так прятали компромат. Королевская семья еще не была готова к окончательному разрыву, который бы подорвал (и в итоге действительно подорвал) престиж монархии. Развод не устраивал и Диану. Она планировала лишь разъехаться с мужем, сохранив положение матери будущего короля (старший сын Уильям является следующим после отца претендентом на трон). Четких доказательств связи Чарльза с Камиллой у журналистов пока еще не было. А инцидент с судом над Пенни Джунор, попытавшейся раскрыть детали их отношений в своей книге, испугал желающих повторить этот поступок.

«Я даже близко не являюсь другом принца Чарльза», — признавалась в 2012 году писательница, сумевшая, несмотря на неоднозначные отношения с королевской семьей, написать несколько книг, посвященных ее членам (о Чарльзе, о Диане, о принце Уильяме и о Камилле). Джунор откровенно высказывается и о Диане, выражаясь четко и однозначно: принцесса была «психически нездорова». Кстати, первую биографию Дианы

написала именно Джунор, когда невесте принца исполнилось всего 20 лет (ее опубликовали в 1982 году). А в первой книге о Чарльзе, которому писательница симпатизирует и считает его образ в жизни совершенно не совпадающим с тем, каким его изображают в биографиях и прессе, она одной из первых подняла вопрос о его трещавшем по швам браке.

Но именно потому, что связь Чарльза и Камиллы сохранялась в тайне, Диане очень хотелось вывести их на чистую воду. В итоге «на чистую воду» была выведена вся тройка. Отступать стало некуда.

Глава пятая
ПЕРВЫЕ ПРИЗНАНИЯ

31 марта 1991 года королевская семья в полном составе блистала на утренней службе в часовне Святого Георгия, которая находится на территории Виндзорского замка. Все улыбались и махали собравшейся публике. В первой группе находились королева-мать, королева и Чарльз с братьями. Королевы надели платья зеленого и темно-синего цвета, классические шляпки в тон. На фоне Дианы и Сары они терялись не только из-за скучной расцветки нарядов, но и из-за низенького роста. Дети «мигрировали» от одних взрослых к другим, стараясь вести себя воспитанно. Скорее, волноваться надо было за двух молодых женщин: обе едва сдерживали смех и держались вместе. Диана и Сара оделись в тон: в розовое. Но отличить их друг от друга было несложно: на Диане были надеты розовое платье-пальто в белую клетку, такая же точно шляпа с вуалеткой и белые «лодочки», на Саре — розовый пиджак, черная короткая юбка в белых с розовым цветах, черная шляпа, черные «лодочки» и черные перчатки. На фоне скучных королев и мужчин в черных костюмах эти молодые женщины — как глоток свежего весеннего воздуха. Что за фасадом? Не разглядеть. Все сыграли свои роли великолепно.

Апрельский визит Чарльза и Дианы в Бразилию был преисполнен старых противоречий, ставших уже привычными: они демонстрировали чудесное единение, одновременно не скрывая того факта, что с трудом переносят друг друга. Но в принципе фотографии, сделанные на фоне потрясающих пейзажей, показывают, насколько пара стала походить на актеров, снимающихся в очередной серии мыльной оперы. Посетив много достопримечательностей в одиночку, Диана в интервью многократно подчеркивала, насколько ей понравился Рио. «Атмосфера в этом месте чрезвычайно наэлектризована, — делилась она впечатлениями. — Я в него просто влюбилась. И вид из моего окна в отеле на пляж Капабланка невероятно красивый».

Среди мероприятий Дианы значился и визит в приют для бездомных детей. Проблема шокировала принцессу: в стране, где 90 процентов населения проживало ниже уровня бедности, обычной практикой было отправлять детей на улицу, искать себе пропитание и как-то пытаться выживать. Приют мог предоставить детям только дневной уход: кроватей там не было. Поэтому ночью дети снова разбредались по улицам, стараясь избежать смерти от специальных отрядов, «расчищающих» туристические

районы от бездомных и за определенную мзду от богатеев, отстреливающих детей, как бездомных собак. С определенного момента в программу Дианы входило и посещение больницы, где содержались больные СПИДом. В Рио принцесса общалась в основном с теми, кто находился на последней стадии болезни, то есть на пороге смерти. У нее имелись слова утешения для всех: и для бездомных детей, и для обреченных ВИЧ-инфицированных.

В Сан-Паулу Диана также посетила больницу для детей, болеющих СПИДом. «Когда она услышала, как заплакал пятимесячный Родриго, она тут же взяла его на руки и укачивала, пока он не успокоился». Детишки в этой больнице, от пяти месяцев до пяти лет, рожденные от наркоманок и проституток, брошенные на произвол судьбы, так льнули к Диане, что казалось, не дадут ей уйти. Дети забирались к ней на колени, играли с ее украшениями и гладили лицо. Много раз принцесса отворачивалась от журналистов, чтобы скрыть от фотоаппаратов полные слез глаза. В той же больнице находились и дети-инвалиды. Диане показали мальчика, которого нашли пару дней назад, тонувшего в реке, куда его бросила собственная семья…

«Полчаса спустя, когда она присоединилась к Чарльзу в аэропорту Сан-Паулу, он спросил, как прошел день. Переполненная эмоциями, Диана поделилась с мужем своими переживаниями. Работник аэропорта слышал, как она говорила: „В то, что я видела сегодня, нельзя поверить“. В отчаянии покачивая головой, она старательно моргала, чтобы сдержать слезы».

Чарльз и Диана получили в Бразилии и свою порцию развлечений. Под их балконом развернулось шествие, обычно организуемое во время знаменитого карнавала. «Диана пританцовывала под завораживающие звуки барабанов, а Чарльз с энтузиазмом хлопал в ладоши. В то время как Чарльз проводил семинары с местными бизнесменами, Диана посетила самый широкий в мире водопад на границе с Аргентиной, где позировала для фотографов на фоне захватывающих пейзажей. Ну и, конечно, пара отправилась на балет, где Диана вновь поразила публику великолепным нарядом. На одной из фотографий Диана заходит в помещение театра в шикарном белоснежном платье (белый цвет все чаще выбирается для нарядов — не психологи ли посоветовали его для поднятия оптимизма и бодрости духа, — но выбор безусловно отличный! — *В. Б.),* но на правой руке ее пальцы сложены в фигу. Кому же принцесса незаметно старалась ее показать?»

В Бразилии «…супруги вновь продемонстрировали всему миру полное семейное согласие, и журналисты преисполнились

оптимизмом». Газеты писали: «Они снова выступили единым фронтом… их близость воодушевляет практически всех журналистов — и мужчин, и женщин».

* * *

Однако в то же самое время Диана уже вовсю вынашивала мысли о разводе. И опять ее дорога пересеклась с тем маршрутом, по которому, не задумываясь, бодро шагала Сара, жена принца Эндрю. Ее брак тоже трещал по швам, и королевская семья пребывала в шоке от подобного расклада: можно еще пережить развод одной пары, но сразу двух?! В семье, где в принципе это не поощрялось… Сара активно начала возобновлять дружбу с Дианой — ее репутация стремительно ухудшалась, и она решила найти себе сторонницу в лице бывшей подруги. «Ферджи более не пользовалась любовью у народа и журналистов. Никто не одобрил ее поездки в Австралию: тогда Сара на полтора месяца оставила малышку Беатрис на попечение няни. Критике подвергались ее внешность, манера одеваться, склонность к развлечениям. При дворе популярность Сары таяла на глазах».

Диана планировала расставание с мужем на свое тридцатилетие и, соответственно, на десятилетие свадьбы. Сара часто советовалась с ней и даже предложила развестись одновременно. Надо сказать, Диана не торопилась поставить точку. В Саре теперь она видела соперницу, а не подругу. Тут же, по своему обыкновению, Диана дала конкурентке прозвище Рыжая («…они слишком много внимания уделяют этой Рыжей», — говорила она своему секретарю, увидев очередную статью о Саре). То, что Диана в нехарактерной для себя манере не торопилась, объяснить можно по-разному. К тому времени она стала немного спокойнее и рассудительнее. Поняв, что истериками ничего не добьешься, Диана начала действовать более продуманно. Тем более Гилби, в отличие от предыдущих любовников-друзей, не отличавшихся, прямо скажем, большим умом и не имевших соответствующего происхождения, давал своей подруге мудрые советы. Например, он советовал не доверять Саре, явно пытавшейся использовать Диану. Кроме того, королевская семья могла настойчиво просить Диану не обострять ситуацию. Букингемский дворец «…не мог позволить, чтобы обе королевские четы одновременно объявили о разрыве отношений. Диане недвусмысленно дали понять, что подобный шаг станет настоящей катастрофой для королевской семьи».

Ну и нельзя сбрасывать со счетов чувства: «Золушка» по-

прежнему любила принца. Подруга Дианы утверждает: «Она была просто одержима принцем». Другое дело, что Диана не умела нормально выстраивать отношения с мужчинами — даже любовники уставали от бесконечных выяснений отношений. Кроме «одержимости» Чарльзом существовала и материнская любовь. Диана прекрасно осознавала, что детей у нее заберут, а точнее, оставят там, где им место — во дворце. Позже всплывет и материальный интерес: дождавшись развода Сары, Диана четко поймет, какая незавидная доля ждет ее в случае, если инициатором развода выступит жена.

Однако, несмотря на конфронтацию, Диана и Сара иногда чудили в свое удовольствие, наплевав на мнение окружающих. В Балморале летом 1991 года они хулиганили на пару, гоняя на квадроцикле, пугая по ночам соседей неожиданными звонками и катаясь на лимузине королевы-матери. В тридцатилетней Диане легко узнавалась девчонка, хулиганившая в школе и в Лондоне до обручения. Саре было тогда тридцать два. Одна из них — принцесса Уэльская, вторая — герцогиня Йоркская. Вспомним, когда они родились, в какую эпоху: разрушение семейных ценностей, возникновение кумиров, величины славы которых не знали доселе люди. Конец 1980-х — начало 1990-х годов — развал Советского Союза, блока социалистических стран, разрушение Берлинской стены (оно привело к объединению страны, но любое разрушение всегда имеет свою оборотную сторону).

«Они (Сара и Диана. — *В. Б.)* принадлежали к поколению, которое не было готово идти на компромиссы, стремились лишь к удовлетворению своих желаний, не представляя реальных последствий своих действий. Именно они несут ответственность за самый серьезный кризис британской монархии наших дней — катастрофу подобной силы Букингемский дворец переживал лишь в 1936 году, когда Эдуард VIII отрекся от трона, чтобы жениться на любимой женщине».

* * *

В мае Чарльз и Диана посетили Чехословакию. Люди там сходили с ума, иначе не скажешь, в связи с их приездом. Они дежурили на улицах, по которым должна была пройти британская пара, всю ночь. Одна из женщин при встрече, взяв Диану за руку, осыпала ее поцелуями. Позже она объясняла журналистам: «Я не могу поверить, что здесь находится английская принцесса. Два года назад это просто было бы невозможно. Присутствие Дианы

здесь, в Праге, доказывает, как много изменилось в моей стране». В бывшем коммунистическом лагере царила эйфория, и его обитатели встречали представителей Великобритании, как богов. Восемнадцать месяцев назад именно на Вацлавской площади, куда и повели в первую очередь Чарльза и Диану, прошли демонстрации, которые привели к «свержению коммунистического режима». В своей торжественной речи, как и в Венгрии, Чарльз приветствовал стремление чехов и словаков к свободе, передав привет от всей Великобритании…

Являясь патроном Британской ассоциации глухих, Диана посетила школу для глухих детей в Праге. Она удивила присутствовавших, позвав детей на фотосессию с помощью языка жестов. Диана в Праге постоянно улыбалась. Как и в Рио, она повторяла: «Как красиво! Как чудесно!» — словно неожиданно прозревший слепой. Наверное, так и было. Принятые решения хотя и не являлись панацеей, но указывали ей путь вперед. Впрочем, произошедшие в дальнейшем события показали, что до устойчивости принцессе было далеко…

Чарльз и Диана посетили еще целый ряд мероприятий, организованных для них в Чехии и Словакии. Уезжали они в разные дни: Диана отправлялась домой раньше, а Чарльз намеревался посетить Северную Богемию — один из самых загрязненных районов Европы. Принц не преминул проводить свою принцессу. Публика была в восторге: «Обняв Диану, он улыбнулся и нежно поцеловал ее в щеку. Диана прижалась к нему и вернула поцелуй. „До свидания, дорогая“, — сказал Чарльз, усаживая ее в машину…» В дальнейшем Чарльз посещал Чехословакию, позже Чешскую Республику еще три раза, но уже без Дианы. Попытки журналистов показать визит 1991 года в розовом цвете удались, и не без помощи самих принца и принцессы. Вот только в Лондоне Диана очень быстро перечеркнула все усилия. Как выразилась ее подруга: «У этой замечательной женщины, яркой, смелой и непохожей на других, имелась и темная, разрушительная сторона натуры». В мае, после поездки в Чехословакию, Диана предложила журналисту и писателю Эндрю Мортону написать о ней книгу.

Репутацию Мортона нельзя было назвать идеальной: все же он работал сразу на три бульварные газеты: «Daily Star», «News of the World» и «Daily Mail». Однако Мортон являлся частью «королевской стаи», то есть обычно не поливал грязью в своих статьях членов королевской семьи. Он и о Диане высказывался тепло и благожелательно. В произошедшем впоследствии скандале, связанном с выходом книги, Мортона винить сложно. В нем заговорил журналист и писатель. Он понимал, насколько

скандальной получается книга, но маховик уже был запущен.

Почему же Диана захотела вдруг предать гласности те моменты своей жизни, которые в Букингемском дворце было не принято афишировать? Как обычно, есть несколько версий. Начнем с самой простой. По собственным словам Дианы (а ей пришлось оправдываться за опубликованные признания), она сделала это, «…потому что жизнь моя стала невероятно сложной. Чтобы выжить, я должна была рассказать людям, какие муки мне пришлось пережить». Понятно, что под муками Диана понимала нечто свое. Казалось бы, она видела реальные мучения и страдания, но отчего-то упорно твердила, что пережила подобное, «боль и смерть». Но можно ли сравнивать ее детство, пусть и омраченное разводом родителей, с детством выброшенных на улицы Рио ребятишек или с детством ВИЧ-инфицированных, ни за что пострадавших и умиравших детей наркоманов и проституток?

Тем не менее разного рода психологи и астрологи могли посоветовать Диане выговориться, и она восприняла совет с энтузиазмом. Все, кто работал с принцессой, в один голос утверждают, что она их неимоверно удивляла потоком признаний на первых же встречах. При написании книги Диана также поразила Мортона: «Она говорила несколько часов без перерыва… Словно плотину прорвало. Продумала ли она все заранее? Могу точно сказать: нет!» Позже Диана сама признавалась, что видит многие события не так, как в 1991 году. Однако и более поздние воспоминания не отличаются объективностью. И вновь приходят на ум слова брата: «Диана любит приукрасить реальность».

Третьей причиной написания книги о себе могла быть простая месть: желание придать гласности отношения между Чарльзом и Камиллой, сделать козлами отпущения всех вокруг, но не ее, Диану. В свете грядущего развода это было куда как актуально: в суде она выглядела бы несчастной жертвой обстоятельств и издевательств окружавших ее людей. Книга произвела обратный эффект, но в момент написания Диана о последствиях, как всегда, не задумывалась. Она видела лишь одну сторону медали, какую версию ни прими. Даже Мортон, понимая, что полностью полагаться на слова принцессы нельзя, решил обратиться за помощью к ее преданным друзьям. Нельзя сказать, что они сильно помогли нарисовать образ несчастной и обиженной Дианы. Подруга Кэролайн Бартоломью, например, подтвердила: здоровье подруги ухудшалось, но виноватыми назвала членов королевской семьи.

Написание книги не афишировалось. Во дворец со списком

вопросов приходил друг Дианы, очередной врачеватель, Джеймс Колхерст, не вызывая никаких подозрений. «По просьбе Мортона Диана составила список друзей и близких, кого она могла бы посоветовать для интервью. Таким образом, оба они стремились придать выдаваемой информации хоть какое-то подобие объективности. Отца, помня о его страсти к фотографированию, она попросила сделать подборку ее детских и юношеских фотографий, понимая, что такое оформление текста не может не придать ему ощущение подлинности. Позже, когда текст был готов, она внимательно прочитала все материалы и внесла показавшиеся ей нужными исправления. Коих, надо отдать должное профессионализму Мортона, было совсем немного». Важно обратить внимание на эту цитату: после выхода книги Диана всячески отрицала свое участие и валила все на Мортона…

* * *

В июне началась открытая борьба журналистов: часть поддерживала Диану, часть — Чарльза. Не имея возможности выносить на суд читателей связь мужа с Камиллой, Диана принялась настраивать публику и собственных детей против Чарльза, используя другую уловку: принц якобы является плохим отцом. Появлялись следующие заголовки: «Чарльз — вечно отсутствующий отец», «Что же ты за отец» или «Утомленное лицо любящей матери». Страсти накалялись. Сначала газеты писали о прогулках Дианы с детьми в парке, о совместном катании на лыжах — везде Чарльз отсутствовал. Но главной «бомбой» стала реакция Чарльза на травму, которую получил Уильям в июне во время игры в гольф. Мальчик в тот момент находился в школе, и его срочно повезли в больницу, сообщив предварительно родителям о случившемся.

Сложно судить о том, кто в данной ситуации был прав, кто виноват. Чарльз приехал в больницу из одного места, Диана из другого. Обоим родителям врачи объяснили, в каком состоянии находится Уильям, и посоветовали отвезти его в лондонскую больницу на операцию. Диана села вместе с сыном в «скорую помощь», а Чарльз на своей машине последовал за ними. В Лондоне им посоветовали сделать срочную операцию. Так как речь шла о сложной процедуре — все-таки Уильям получил удар по голове, — то врачи рассказали о возможных последствиях. Даже Мортон пишет о поведении Чарльза в нейтральном ключе: «Удостоверившись, что сын находится в надежных руках, принц Чарльз отправился из больницы прямо в Ковент-Гарден, слушать

„Тоску“ Пуччини. В этот вечер он сопровождал в театр делегацию высокопоставленных чиновников Европейского сообщества, включая специального уполномоченного по вопросам окружающей среды, прилетевшего из Брюсселя». Диана осталась в больнице…

Газеты, естественно, выжали из случившегося всё, что могли. Чарльз оказался плохим отцом, а просидевшая всю ночь возле палаты сына Диана стала героиней. Стоит ли комментировать это событие? Каждый все равно поймет его по-своему. Но то, что детей в этой битве «титанов» начали использовать, — факт, и факт не самый приятный. Чарльз «…обвинил Диану в том, что она преувеличила серьезность травмы сына в собственных интересах. Но у Дианы было куда больше поводов обижаться. Она не получила ни малейшей поддержки со стороны Чарльза, и ей приходилось делиться чувствами с друзьями». Прошло немного времени после операции, и Диана поехала на очередное благотворительное мероприятие. Одному мужчине стало плохо, и она тут же бросилась ему на помощь. «Она строит из себя героиню», — прокомментировал Чарльз. Пропасть, разделявшая супругов, росла не по дням, а по часам. Чарльз Диане не доверял и считал все ее поступки очередным пиаром. И действительно, по-разному можно интерпретировать активность Дианы: в 1991 году она семь раз посетила приюты для бездомных, к тому же она регулярно наносила визиты в палаты для больных СПИДом.

Диане хотелось страдать, и она лепила свой образ с упорством, достойным лучшего применения. Очередным выпадом в сторону мужа явилось выступление принцессы по поводу празднования ее тридцатилетия. «Диане не хотелось упускать возможность для демонстрации своих чувств. 28 июня в „Mail“ была опубликована статья о том, что Диана намеревается отпраздновать свой день рождения без мужа… Диана предполагала отметить день рождения в Лондоне — близкие друзья были приглашены на вечеринку в „Савой“. Чарльз же останется в Хайгроуве. Эта информация поступила исключительно от Дианы… Чарльз предложил ей отметить день рождения как угодно — устроить обед, ужин, бал… Но она отказалась, потому что хотела казаться жертвой». Некоторые другие газеты также подчеркивали: Диана отклоняет все предложения Чарльза по празднованию ее дня рождения. В «Савое» 1 июля Диана и правда провела некоторую часть времени. В отель привезли больных детей и приготовили для Дианы именинный торт со свечами. Она попросила ребятишек помочь ей их задуть, а затем вышла на улицу и собрала несколько букетов от поклонников.

О внезапности принятого решения говорит многое: Диана блистала в июне дважды. И оба раза на общих мероприятиях с королевской семьей. Она счастливо улыбалась и совершенно не походила на сгорбленную, смущенную женщину первых лет пребывания во дворце. «Золушка» нашла свое место под солнцем, превратившись в прекрасную принцессу. Первым выходом в июне был день рождения королевы, который в Великобритании принято праздновать в середине июня, независимо от истинной даты рождения монарха. По городу Диана проехала в открытом экипаже вместе с королевой-матерью и принцем Гарри (Уильям после травмы головы оставался дома). На этот раз принцесса, то ли нарочно, то ли случайно, объединила в своем наряде два стиля — Елизаветы и королевы-матери. Ее костюм был желтым с синей отделкой. Шляпа также сочетала эти два цвета и походила на ту, что надела королева-мать. Обе женщины постоянно улыбались, явно чувствуя себя вместе комфортно.

Вторым выездом Дианы были королевские скачки в Аскоте. Это — 19–20 июня, буквально считаные дни до печально-знаменитой статьи о нежелании Дианы отмечать свой день рождения с Чарльзом. В «Hello!» на обложке 29 июня (статья в «Mail» была опубликована днем раньше, что говорит о полном разброде в журналистском стане — кто про что) появился заголовок: «Высокая мода и прекрасное настроение на королевских скачках в дождливом Аскоте». Высокая мода действительно всегда присутствует на этом мероприятии. Шляпки самых разных фасонов, украшенные фруктами, бантами, цветами, да чем только не украшенные! Элегантные платья и ослепительные улыбки на лицах аристократов и богатеев… Диана великолепно демонстрировала наравне с остальными и прекрасное настроение. На второй день скачек они с Сарой опять оделись, как близнецы, которых мама наряжает похоже, но так, чтобы все-таки отличать друг от друга. Невероятно красивый кадр из журнала «Hello!»: принцесса Маргарет, Сара, Диана и королева-мать идут в ногу, в окружении мужчин в черных смокингах. Маргарет, Сара и Диана — в нарядах лимонных оттенков до колена. Королева-мать в светло-розовом длинном пальто. Но пожилая женщина вполне вписывается в общую картину, добавляя в нее семейные, уютные тона…

* * *

И вот опять перед нашим взором счастливое семейство. Август — Диана, Чарльз и дети проводят отпуск на яхте,

совершая круиз по Средиземному морю. Комментировали начало путешествия газеты следующим образом: «Принц Чарльз и принцесса Диана прибыли в среду в Неаполь и поехали на военную базу, чтобы подняться на борт яхты, зафрахтованной для средиземноморского круиза, который британская и итальянская пресса считают вторым медовым месяцем. Пара вместе с сыновьями, Уильямом 9 лет и Гарри 6 лет, поднялась на борт частной яхты, которой владеет британский бизнесмен… Неаполитанская газета „Il Mattino“ пишет, что месяца над островом Капри должно быть достаточно, чтобы воссоединить королевскую чету. „Удастся ли звездным ночам Капри возвратить мечту о любви, которая, казалось, безнадежно пришла к концу?“».

И вроде предсказания журналистов сбывались. Чарльз и Диана с удовольствием проводили время вместе, плавая и загорая. Как и во время первого медового месяца, они избрали яхту в качестве своего пристанища, максимально избегая тем самым пристального внимания. Яхта заходила в уединенные бухты, где семья и их друзья могли наслаждаться отдыхом и при этом оставаться незамеченными. Уже в самом конце репортерам «Hello!» позволили сделать несколько кадров. В статье журнал, всегда симпатизировавший Диане и Чарльзу, писал: «Кажется, волшебная сила Средиземноморья изменила принца Чарльза. Обычно он предпочитает Балморал морскому побережью, но во время этого отпуска он выглядит веселее, чем когда-либо… Плавая со своей женой наперегонки, брызгая на нее водой, когда она брызгает на него, он как будто перерождается».

На яхте также присутствовал личный охранник Дианы. Он преданно служил ей последние десять лет и сопровождал пару на знаменательном первом круизе после свадьбы. В 1990 году он заболел раком гортани, но, к счастью, начал поправляться, и пара пригласила его в путешествие, дабы ускорить выздоровление. Идиллия была полная. Когда Уильям случайно свалился с яхты в воду, Чарльз тут же прыгнул за ним, чтобы втащить его обратно на палубу. С мальчиком ничего не случилось, но, видимо, после инцидента в школе за него особенно волновались. В статье подробно рассказывается про то, как Чарльз внимательно отнесся к незначительному происшествию на яхте с целью показать, что он хороший, заботливый отец.

После возвращения в Англию Чарльз и Диана с детьми поехали в Балморал, чтобы встретиться с остальными членами семьи. Там собрались все: и Сара с мужем, и королева, и королева-мать… По словам журналистов, «началась вторая часть их каникул». Порадовалась ли Диана такому продолжению, сказать сложно. Скорее всего, нет. «Последние веселые моменты

— отдых на солнце подходит к концу»: на самом деле, к концу подходили последние счастливые моменты в их совместной жизни.

* * *

В октябре Чарльз, Диана и дети впервые поехали вместе в зарубежную поездку, в Канаду. В последний раз здесь будут приветствовать принца и принцессу Уэльских. Больше вдвоем они сюда не приедут. Но для организаторов головной болью стал уже и этот визит: пришлось для каждого члена семьи организовывать отдельную программу, что означает большее количество охраны, машин и персонала. Проще всего было с детьми: братьев возили вдвоем, они осматривали достопримечательности с няней и бодро махали руками канадцам. Всего за неделю семья посетила: Торонто, Ниагарский водопад, Садбери, Кингстон и Оттаву. Как обычно, для Чарльза запланировали одни мероприятия, для Дианы другие. Лишь в день прилета они дружно сели в одну машину, в другие же дни их развозили по разным местам. На фотографиях они тоже смотрят в разные стороны, словно и не было отдыха на Средиземноморье.

В нарядах Дианы того времени появилась интересная деталь. Она начала носить либо вуалетки, прикрывающие пол-лица, либо широкополые шляпы, служащие той же цели. Теперь на кадрах видна только улыбка. Глаза скрыты от всех любопытствующих: Диане больше не требуется наклонять голову и смотреть исподлобья. Раньше ей давали советы: «Тебе всё подскажут помощники, просто не говори лишнего и следи за собой. Не нужно смотреть набычившись, исподлобья, будь серьезна, но не хмурься». Подобные рекомендации стали неактуальны. Диана говорила редко и в основном в частных беседах — она по-прежнему не выступала с официальными речами. А новые шляпки помогали скрываться за широкими полями и вуалетками. Диана перестала горбиться, вела себя увереннее, однако за этим фасадом скрывалась прежняя персона.

* * *

В данной главе перечислено несколько событий последнего относительно спокойного года совместной жизни Чарльза и Дианы. Очевидно, что принцесса стала спокойнее, но, как и ранее, для нее были характерны вспышки депрессии, перемены

настроения, что и приводило к пагубным последствиям. К сожалению, спасти брак не удавалось, несмотря на предпринимаемые, по большей части со стороны Чарльза и королевской семьи, усилия. Надо отдать должное и Диане — она делала попытки вырваться из мрака собственной души. Но, видимо, хироманты и астрологи, целители и медиумы не вполне справлялись с задачей восстановления ее психики…

Глава шестая
ХРАМ ОДИНОЧЕСТВА

«Храм одиночества» — так называлась статья, описывавшая поездку Дианы к мавзолею Тадж-Махал. Принцесса села в одиночестве на ту же скамейку, где 12 лет назад сидел Чарльз и загадывал желание: побывать здесь вместе с женой. Однако в тот момент, когда Диана осматривала мавзолей, принц произносил речь перед бизнесменами. Он не присоединился к жене, но сказал, что «принял дурацкое решение», «более мудрый принц выбрал бы поездку в Тадж-Махал, и я думаю, большинство самых великих представителей прессы считают, я должен быть там, а не делать из себя еще большего дурака здесь». А ведь именно в Индии Чарльз принял решение жениться на Диане, но что-то окончательно разладилось, и Диана сидела одна, хрупкой фигуркой на фоне огромного мавзолея, а ее муж грустно пытался шутить, смотрясь не менее одиноко посреди толпы.

Правда, объяснение лежало на поверхности: Чарльз планировал визит в Индию более года назад и предпочтение отдавал официальным встречам, так как достопримечательности уже видел. Он не мог предугадать, что ему нужно будет провести время вместе с женой, использовав хотя бы такой способ примирения, как храм Любви. Учитывая то, как развивались события дальше, понятно: он бы не сработал, но Чарльз об этом не знал и сожалел об упущенной возможности.

Кроме посещения Тадж-Махала визит Дианы в Индию ознаменовался и другой, куда более значительной поездкой. Чарльз отправился отдохнуть в Непал, а Диана поехала в Калькутту, где посетила богоугодные заведения матери Терезы: приют для брошенных детей, лепрозорий и хоспис. В лепрозории Диана дотрагивалась до больных, и врач, восхищенный ее мужеством, сказал: «Вы очень многое делаете для нас, показывая людям, что можно дотрагиваться до больных проказой и не заражаться». «К тому моменту, когда Диана достигла хосписа, в один из самых жарких дней ее поездки, ее розовое хлопковое платье все промокло от пота». Внутри хосписа она увидела ряды раскладушек, на которых лежали сотни больных и умирающих. «Это так печально», — беспрерывно повторяла принцесса, пожимая слабые руки пациентов. Для них она была богиней, чудом: высокая, светловолосая женщина в розовом платье выделялась ярким пятном посреди бедности, болезней, посреди истощенных, умирающих людей. Она дала им то, чего никогда

толком не умела достичь сама: сделала их счастливыми, пусть и в последние дни жизни.

* * *

Катастрофа грянула в марте. Сразу три события пошатнули и без того нестабильный мир Дианы. Во-первых, начались публикации отрывков из книги Мортона. Диана поняла, что совершила огромную ошибку, решившись на откровенность, которая будет ей слишком дорого стоить. В то время различным людям принцесса признавалась: «Вы не представляете, что я сделала», «Я совершила такое, о чем буду жалеть всю жизнь», «… это была самая большая глупость в моей жизни, которая породит массу проблем. Мне бы хотелось прокрутить пленку назад». И это было только начало — публикация книги вызвала целую лавину событий, которые и привели Диану к печальному финалу.

Во-вторых, 19 марта объявили о расставании Сары и принца Эндрю. Сара, безусловно, вела себя куда более раскрепощенно и развязно, чем Диана. Диана прилюдно практически ничего плохого и не делала, свои скандалы и истерики она закатывала за закрытыми дверями. Даже ее романы удавалось до поры до времени прятать от посторонних глаз. Сара, напротив, выставляла напоказ всё: фотографии с любовниками и фото топлес, открыто уезжала отдыхать с очередным мужчиной и т. д. и т. п. Объявление о разводе Сары немного отрезвило Диану. А Сара, полагавшая, что подруга ее поддержит и, может быть, тоже мгновенно подаст на развод, посчитала Диану предательницей. «Посмотрев, что сразу же после объявления развода четы герцогов Йоркских Сара была вычеркнута из списков приближенных к семье лиц и осталась… с одними долгами, Диана, скорее всего, и вовсе расхотела проявлять инициативу». Потом она будет отстаивать свои права и добьется куда большего от королевской семьи, чем Сара (впрочем, затем будет рубить и этот сук, на котором с таким трудом уселась).

Третьим событием марта стала смерть отца. Для Дианы это был удар вдвойне, так как она не смогла находиться рядом с ним: навестив Джонни 25 марта, она улетела с Чарльзом и детьми в Австрию кататься на лыжах. А уже 29 марта пришло известие о смерти. Дианы, которая так заботилась о больных всего мира, у постели собственного отца в тот момент не оказалось. Ее оправдывают: мол, лег Джонни в больницу «всего-навсего» с воспалением легких, а умер совсем неожиданно от сердечного приступа. Осуждать принцессу никто и не собирался. Просто, как

часто случалось у Дианы, она хорошо сочувствовала посторонним людям, не замечая происходившего с ее близкими.

В обратный путь в Лондон Диана принципиально собралась лететь одна. «В таком горе она не хотела снова демонстрировать журналистам счастливую семью». Чарльз настаивал на совместном перелете. В итоге Диане позвонила королева, и принцесса уступила. Конечно, от нее никто не требовал улыбаться и изображать счастье. Диане ничего не стоило просто сойти с трапа с мужем, тем более что до этого она поехала с ним отдыхать в горы — тут уж в радости и в горе… Но, как обычно, Диане хотелось показать максимальное страдание, пусть и непроизвольно. К тому же в данном случае она действительно сильно переживала. Обе стороны преследовали собственные цели. Королевский дом из последних сил пытался сохранить лицо, подставляя под обрушивающееся здание кирпичики, не способные удержать его от падения…

Похороны состоялись 1 апреля в Олторпе. «Церемония проходила в семейной церкви в Грейт-Брингтоне. Чарльз прилетел на вертолете, чтобы прибыть в церковь вместе с женой, как и подобает хорошему супругу (после приезда из Австрии они тут же разъехались в разные стороны: Диана осталась в Лондоне в Кенсингтонском дворце, а Чарльз отправился в Хайгроув. — *В. Б.)*. Сразу же после поминальной трапезы он уехал в Лондон». На похоронах Диана помирилась не с мужем, а с мачехой: она взяла ее под руку, и дамы вместе вышли из церкви. Мать Дианы в Олторпе не присутствовала. Надо отметить, что Диана была очень привязана к отцу, недаром она так ревновала его к Рейн. Однако после ее свадьбы (да и ранее) виделись они с Джонни крайне редко. Как-то он спросил дочку, что ей привести в подарок. Диана ответила: «Мне не нужны подарки. Мне просто хочется, чтобы ты был здесь, рядом со мной». Отцу непросто было выполнить просьбу дочери: чувствовал он себя по-прежнему неважно и большую часть времени проводил с Рейн, которая за ним преданно ухаживала. По сути, и окончательного примирения с мачехой не случилось. Взяв ее под руку в церкви, Диана очень быстро переменилась: из Олторпа, как мы помним, Рейн выставили без обиняков и экивоков…

* * *

В мае Диана с официальным визитом отправилась в Египет. Полетела одна — Чарльз намеревался принять участие в раскопках в Турции. Принц серьезно увлекался археологией и

старался не упускать возможности расширить свои познания в данной области. Скорее всего, и желания особенного ехать с женой у него уже не было. Диана остановилась в британском посольстве, где к ее услугам был небольшой бассейн. Принцесса не разлюбила плавать — в школьные годы она завоевывала медали в соревнованиях и по прыжкам в воду, и по плаванию. С утра она буквально в несколько гребков пересекала бассейн в строгом закрытом купальнике. Потом начинались мероприятия.

Визит Дианы всколыхнул волну интереса к Египту: «Приезжие захотели сфотографироваться перед всемирно знаменитыми пирамидами и сфинксом, и Гиза быстро стала популярнейшим туристическим местом» (Диана фотографировалась на фоне достопримечательностей и таким образом прорекламировала их на весь мир). Во время пятидневного визита Диану сопровождала жена президента Мубарака, с которой они явно нашли общий язык. А в один из дней у принцессы состоялась встреча и с самим президентом. Диана говорила мало — в основном слушала. Было заметно, насколько хорошо она вписывалась в культуру Востока: просто, но элегантно одета, вела себя скромно, но с достоинством.

Диана посетила школу для слепых, где дети для нее пели песни и играли на различных инструментах. Патроном школы являлась жена президента. Принцесса посетила и благотворительный центр для матерей и детей, а также центр реабилитации. Везде она обнимала и целовала ребятишек, беседовала с персоналом, распространяя вокруг себя позитивную энергетику, которая, кажется, была способна излечивать и вселять веру в себя…

«Sunday Times» писала: «Требуется недюжинная уверенность в себе, чтобы после только что появившихся известий о ее браке войти в комнату, где собралась целая толпа репортеров таблоидов. Преображение Дианы просто невероятно! Она никогда не была блестящей интеллектуалкой, но это очень умная, резкая женщина, обладающая немыслимо сильным характером». В действительности Диана всегда была клубком противоречий, еще с детства. Журналисты видели лишь волны на поверхности океана, которые то бушевали, то успокаивались. Все, что творилось в глубине, оставалось невидимым глазу: доброта и открытость на поверхности — злопамятность и проявления жестокости в глубине; скромность и застенчивость наверху — откровенность, склонность к душевному стриптизу (причем не с близкими, а с посторонними людьми) внизу. Журналисты опять заметили то, что Диана для них выложила в Египте на поверхности. Ее никак нельзя было назвать человеком,

обладавшим «немыслимо сильным характером». В Египте она оставалась такой же грустной, как и в Индии, также мало разговаривала. Однако Диана сумела обратить внимание на другую сторону своего характера, так как провела визит в одиночку, что, конечно, делало ей честь. В сложившейся ситуации Диане было даже проще без Чарльза — слишком уж накалились отношения.

* * *

7 июня началась эпопея, связанная с запланированным на середину месяца выходом книги Мортона. Если доселе происходившее представляло собой серию незначительных, хотя и громких взрывов, то теперь взрываться начали настоящие бомбы. Сначала в «Sunday Times» опубликовали первую часть книги, 14 июня вышла вторая часть, а 16 июня книга поступила в продажу. Последствия это имело неоднозначные, но в целом для Дианы разрушительные. Простой народ в основной массе поддержал несчастную принцессу, с которой, по ее словам, так жестоко обращаются во дворце. Она снискала симпатии, потому что несчастна, и превратилась обратно в Золушку — мыльная опера продолжалась. «Ей умело удалось представить себя невинной жертвой, принесенной на алтарь династии, и образ получился довольно убедительным».

Нашлись и другие сторонники Дианы: те политические силы, как внутри страны, так и за рубежом, которые были заинтересованы в расшатывании устоев монархии. В частности, у Дианы с грандиозным успехом прошел визит в Ирландию, в Белфаст, куда она направилась в конце июня. Ажиотаж по поводу выхода книги тогда был в самом разгаре. Приехать в район, где безраздельно правила Ирландская народно-освободительная армия, было равносильно совершению подвига на поле сражения.

«Мы хотим Ди!» — написали на плакатах ирландцы, коих собралось 20 тысяч человек, чтобы поприветствовать принцессу. «В тот день визит Дианы бросил вызов ИРА. И она была вознаграждена тем, что в Белфасте собралось 20 тысяч человек — самое большое количество людей, собиравшихся по поводу визита члена королевской семьи, за многие годы». Диана прибыла на открытие обновленного здания ассамблеи, ремонт которого пришлось провести из-за взрыва бомбы. «Даже самые антимонархические дублинские газеты писали о принцессе с удивительной симпатией».

По другую сторону баррикад находилась королевская семья,

сторонники монархии, люди, дружески настроенные по отношению к принцу (а таковых было немало, вопреки установившемуся противоположному мнению). Популярность среди народа, броские заголовки в газетах, прочно установившийся звездный статус — хорошо, но это не более чем красивая картинка, и данный факт Диана осознала в тот момент очень четко. Репортеры продолжали ее использовать, а она вдруг поняла, что разрушила то, чем, оказывается, дорожила: отношения с семьей, причем не только с королевской.

Поведение Дианы никогда не поддавалось логическому объяснению. Накануне своего 32-летия она повела себя как нашкодивший школьник, родителей которого вызывают к директору. Доселе он смело бил стекла и обижал одноклассников, а застуканный на месте преступления, валит все на друзей и на неожиданно упавший с неба в окно мяч. Диане несколько раз тогда задавали вопрос, принимала ли она участие в подготовке книги, но она все со слезами отрицала. «Сначала была сделана попытка представить статьи как чисто журналистские инсинуации. Муж Джейн, сестры Дианы, всегда симпатизировавший родственнице, встал на ее защиту. Феллоуз несколько раз спрашивал у Дианы, участвует ли она в проекте Мортона, и та каждый раз категорически это отрицала. Разумеется, Роберт ей поверил. Он очень нежно относился к сестре своей жены, которую знал с детства. Будучи честным человеком твердых христианских принципов, он даже представить не мог, что Диана ему лжет».

Последствием душевной доброты Феллоуза стало его заявление в Комиссию по жалобам на прессу, в котором он горячо доказывал, что Диана не имеет отношения к публикации. Но в этот момент в истории появились другие персонажи, не пожелавшие мириться с создавшейся ситуацией, а именно друзья Дианы, принимавшие участие в составлении книги. Их «обвинили в предательстве — якобы они сознательно открыли секреты Дианы журналистам». Муж Кэролайн Бартоломью решительно встал на защиту доброго имени своей жены. Он представил неоспоримые доказательства того, что Диана поддерживала Кэролайн. Нашлись и другие люди, подтверждавшие, что «Диана сама позволила своим друзьям сотрудничать с Мортоном». В результате всех этих действий Феллоузу пришлось принести извинения и даже подать в отставку. Королева отставку не приняла, понимая, кто на самом деле виновен в данной ситуации. Но отношения с сестрой и ее мужем у Дианы были испорчены навсегда.

Тем не менее Диана продолжала отрицать свое участие в

создании книги. «Она отрицала даже факт своего общения с автором. Но никто ей уже не верил». Несмотря на подобное поведение, Диану, в отличие от Сары, не отвергли и были готовы простить. Все-таки Сара изменяла тихоне-мужу направо и налево и делала это открыто. Она демонстративно бросила мужа, который просто ей надоел. На Диану сердились, но продолжали в ней видеть невинное дитя, которое само не ведает, что творит. В свою очередь, друзья принца вообще видели в нем чуть ли не святого и обратились к королеве и герцогу, рассказав, как стоически выдерживал Чарльз перипетии этого брака. Королева теоретически уже была готова к разводу, но когда она встретилась с Чарльзом и Дианой, эта идея не нашла своего развития. «Диана никогда не собиралась разводиться» — скорее всего, ближайшее окружение пары в данном случае совершенно право.

Диана признавалась: «Все мы далеки от совершенства, но я и в самом деле сделала глупость: я позволила написать книгу. Я думала, что это удачная идея, поступок, который сможет освежить атмосферу, но только теперь я понимаю, насколько наивной была эта затея и сколько проблем она принесет. Если бы я только могла, не думая, отмотала бы этот отрывок своей жизни назад. Это самый безрассудный и бессмысленный поступок, который я когда-либо совершала».

Если бы дело ограничилось только выходом книги, то худо или бедно, но ситуация как-то бы выровнялась и приняла нейтральную окраску. Однако судьба решила ничего не оставлять недосказанным: признаваться так признаваться. 25 августа была обнародована запись телефонного разговора между Дианой и Джеймсом Гилби, сделанная 31 декабря 1989 года. Диана разговаривала из Сандрингема, где проводила рождественские каникулы с королевской семьей. Гилби говорил со своего мобильного телефона — он ехал в машине в графстве Оксфордшир. Те, кто пытался вникнуть в суть разговора, поняли, что газета соединила вместе две беседы. Одна происходила в восемь вечера, вторая — в одиннадцать. Беседы длились долго, и друзья успели поболтать о многом. Гилби, в частности, спрашивал Диану о том, что еще плохого у нее случилось. Диана отвечала, что ей было плохо за ланчем и она чуть не разрыдалась. «После всего, что я сделала для этой… семейки». В расшифровке на русском языке «семейку» обычно называют «чертовой» или «проклятой», но пусть читатель поставит на место многоточия нецензурное слово — тогда перевод окажется куда ближе к оригиналу.

Надо сказать, что Гилби мудро пытался перевести разговор

на другую тему. Например, начал говорить о лондонской подруге Дианы, Маре, владелице ресторана. Он в принципе был немногословен и старался успокоить подругу бессмысленными фразами. Диану он называл «дорогая» или *squidgy*. Последнее означает «мягкий, легко ранимый». После публикацию записанного разговора так и назвали «Squidgygate» — скандал Скуиджи, в «честь» ласкового прозвища, которое дал Гилби Диане. Далее Гилби просил Диану поцеловать его и сам чмокал в трубку, а она возвращала поцелуй. Гилби признавался, что очень хотел иметь возможность говорить с Дианой каждое мгновение, а она отвечала: «Это абсолютно взаимно». Также Диана упоминала королеву-мать, которая «…всегда смотрит на меня… не с ненавистью, а со смесью интереса и жалости. Когда я поднимаю глаза, она отводит взгляд и улыбается». Гилби призывал Диану постоять за себя и однажды спросить королеву-мать, что означает ее взгляд, и «…ты способна на это, — продолжал он, используя еще одно прозвище, — командирша». Гилби, зная Диану с давних времен, прекрасно был осведомлен о ее способностях действовать резко и прямолинейно.

В разговоре Гилби упоминал и Сару, предупреждая Диану быть начеку — тогда еще Сара пыталась из Дианы сделать свою сторонницу, но Гилби призывал подругу ей не доверять. Сару он называл «хромой уткой» — человеком, потерявшим доверие, неудачником. Далее Гилби говорил, что страдает из-за огромного количества фотографий улыбающейся Дианы с Чарльзом, и признавался, что ревнует. «Ты чувствуешь камеру на расстоянии в тысячу ярдов, и тут же улыбка появляется на твоем лице», — говорил он печально. В разговоре были и другие очень интересные моменты. Например, Гилби упоминал манеру Дианы беседовать: «…знаю твои „да“, „нет“, „пожалуйста“, „спасибо“, ты уставишься в пол, и будут моменты полной тишины». Кроме того, пара обсуждала будущее свидание, которое, судя по всему, происходило в доме владелицы ресторана Мары. И Диана говорила, что не хочет забеременеть. Гилби ее успокаивал — все будет в порядке. Но Диана продолжала: были случаи, когда муж считал ребенка своим, а он был рожден от другого мужчины.

Также в разговоре упоминались проблемы Дианы с питанием. Она, попросив Гилби подождать минутку, заказала на восемь вечера салат, а Гилби после спрашивал, сколько она весит. Диана отвечала, что ее размер девять с половиной, что для ее роста маловато, но не критично — к концу 1989 года она и правда выглядела более здоровой, чем раньше. И еще — Гилби признавался Диане в любви. «О, Скуиджи! Я люблю тебя!» — повторял он трижды. Касаемо их свиданий Диана призналась, как

ей удалось скрыться из дома: она говорила, что идет на сеанс массажа. Тут же она сделала еще одно признание по поводу Джеймса Хьюитта: «Я одела его с ног до головы… за свой счет».

Газета «Sun» опубликовала текст беседы, из которой сам собой напрашивался вывод о близкой связи между Дианой и Гилби. Кроме того, за 36 пенсов в минуту желающие имели возможность послушать эту запись, позвонив по специальному номеру. Впрочем, кое-что из нее было вырезано — самые интимные моменты, которые все же посчитали нужным убрать. Теперь связь Чарльза с Камиллой, обнародованная в книге Мортона, вполне могла соперничать с любовным «приключением» Дианы.

* * *

Страсти накалялись. Накануне визита в Южную Корею Диана категорически отказалась сопровождать туда Чарльза: лучшая защита — нападение, и Диана продолжала с упоением играть роль жертвы, хотя уже становилось понятно, что жертв как минимум две. Кое-как Диану уговорили ехать, но во время поездки она даже не делала попытки скрыть свое плохое настроение. Когда Чарльз произносил речь, принцесса закатывала глаза к потолку («как мне все это надоело!») и напускала на себя скучающий вид. За столом на приеме ей великолепно удавалась роль страдалицы: она продолжала закатывать глаза к потолку, не притрагивалась к еде и кривила рот в подобии улыбки, когда к ней обращались.

Пресс-секретарь королевской четы Дики Арбитер считал, что поездка в Южную Корею четко показала всем, что браку Чарльза и Дианы настал конец. «Принц и принцесса олицетворяли собой мрачность и угрюмость, она была бледна и измучена, он — суровый и унылый. Оба были так враждебно настроены, что, казалось, могли убить друг друга одним только взглядом. Репортер спросил, как принц и принцесса справляются со всем этим. Личный секретарь ответил уклончиво: „У всех семей бывают проблемы“. Это была попытка уйти от прямого ответа, но он таким образом дал понять, что слухи, которые мы старались подавить в последние месяцы, имеют под собой почву».

Может возникнуть закономерный вопрос: а зачем вообще было заставлять Диану ехать? Но люди и в обыденной жизни часто считают неловким прибывать в гости без второй половины, если приглашали обоих, тем более заранее. Чарльз и его окружение видели свою святую обязанность в соблюдении

протокола. Так принца воспитали, и он иного пути для себя не видел. Чарльз признавал, что раздавлен поведением жены, что она ему больше не друг, и «страшно хотел отменить все мероприятия», но чувство долга перед семьей и перед народом брало верх. У Дианы же понятие долга отсутствовало как таковое. Она предпочитала вести себя, как ее душе угодно. За годы брака Диана привыкла к соблюдению каких-то норм и правил, однако в кризисные моменты она не считала нужным пытаться хотя бы на лице изображать интерес к происходящему. Так было всегда: закатывать глаза к потолку и откровенно скучать Диану отучить было невозможно. В последние годы ситуацию спасала лишь программа мероприятий, составленная «по интересам».

До финала оставался один шаг, и этот шаг Диана сделала решительно, не споткнувшись. 13 ноября она с триумфом «въехала» в Париж. Принцесса бодро сбежала по трапу самолета (даже слишком бодро) и крепко пожала руки встречающим ее лицам. Она была напряженной и выглядела очень по-деловому в элегантном «офисном» костюме. Президент Миттеран сказал, что встретится с Дианой, «если у него будет свободное время», — визит носил неофициальный характер. Начиная с этой поездки, у Чарльза и Дианы будут собственные, отдельные графики мероприятий. Визит в Южную Корею стал последним совместным вояжем пары. Французы тепло приветствовали одинокую принцессу: феминистские настроения сильны в этой стране. Люди считали Диану настоящей героиней, раскрывшей наконец-то грязные тайны королевского двора. Никому и в голову не приходило вникнуть в суть признаний, выплеснувшихся на страницы книги Мортона. Но Диана, продолжавшая отрицать свое участие в написании «своей истинной истории», уже видела, к каким необратимым последствиям привел ее необдуманный поступок. Париж ликовал, а героиня мыльной оперы явно чувствовала себя не в своей тарелке…

* * *

Вернувшись из Франции, Диана продолжала эскалацию конфликта. На 20 ноября была запланирована ежегодная охота в Хайгроуве, на которую приглашался узкий круг друзей Чарльза с детьми. На три дня планировались прогулки, охота, пикники. Но Диана ехать отказалась, заявив, что сыновья тоже не приедут. «Учитывая ту ситуацию, которая сложилась между нами, я не уверена в том, что хочу общаться с вашими друзьями, — писала Диана в письме мужу. — И еще меньше мне хочется, чтобы

мальчики общались с вашими друзьями…» Для Чарльза подобное поведение принцессы стало последней каплей. Он никак не мог взять в голову, почему после стольких лет совместной жизни Диана вдруг заупрямилась и начала рушить и так шаткие основы их брака. Поведение принцессы предсказуемо: она всегда не любила друзей принца, и они ей отвечали взаимностью. К тому же некоторые из них покрывали связь Чарльза с Камиллой. Однако ситуация не была такой уж критичной: Диана с удовольствием общалась с друзьями принца во время совместного отдыха и в первые годы семейной жизни спокойно их терпела. Поэтому можно понять удивление и негативную реакцию Чарльза. Воспитанный в жестких рамках дворцового этикета, он до последнего старался сохранить видимость нормальных отношений с женой.

«Я оказался совершенно неприспособленным к чудовищному человеческому интриганству и нечистоплотности», — признавался Чарльз. Вынести груз свалившихся на его голову неприятностей он не смог и 25 ноября решил просить у Дианы развода. Финалом бракоразводного процесса стал 1996 год. А пока Диана превращалась в «полуотстраненного члена королевской семьи». Переговоры шли трудно: как говорили в кулуарах дворца приближенные, «от нее можно ожидать чего угодно». Диана боролась за сохранение официального статуса, но сталкивалась с ожесточенным сопротивлением. Ей не хотели оставлять королевские самолет и поезд, сокращали программу официальных визитов, разрабатывая «облегченный» протокол. Но в итоге принцесса получила практически всё, что хотела. Даже королева посчитала нужным сохранять нейтралитет и не встала однозначно на сторону сына, оставив Диане шанс сохранить ситуацию в пределах хоть какой-то нормы.

9 декабря премьер-министр Джон Мэйджор объявил в палате общин о прекращении отношений между принцем и принцессой Уэльскими. «Восприятие Чарльза публикой не могло быть в тот момент хуже. Все чаще его рисовали как злодея, в то время как Диана, в основном благодаря книге Мортона (она по-прежнему утверждала, что не имеет с ней ничего общего), считалась жертвой». Объявление премьер-министра звучало следующим образом: «Из Букингемского дворца с прискорбием сообщают, что принц и принцесса Уэльские решили расстаться. Их королевские высочества не собираются разводиться, и их конституционное положение не изменится (этот пассаж в основном касался отвоеванного Дианой для себя статуса. — *В. Б.)*. Решение было принято по взаимному согласию. Они будут принимать полное участие в воспитании детей. Их королевские высочества

продолжат совместно в полном объеме исполнять все свои публичные обязательства, а также посещать семейные и национальные праздники».

Парламентарии пребывали в состоянии шока: ведь теоретически при таком раскладе у Дианы оставался шанс стать королевой! Она будет жить отдельно от мужа, правда, выполнять ненавистные ей обязанности на официальных мероприятиях, но по большому счету положение Дианы можно даже было назвать завидным: практически полная свобода при минимальных ограничениях. А если Чарльз станет королем, то она автоматически станет королевой-супругой — интересное положение вещей, положение, с которым Великобритания еще не сталкивалась ни разу в истории.

* * *

И на этом, в который раз в данном рассказе, можно было бы поставить точку. Относительно счастливый финал — ровно настолько, насколько в подобной ситуации реально его выписать. Но нет, впереди оставалось несколько печальных страниц повествования, которые, к сожалению, привели к трагическому концу. Если верить в страшные знамения, то таковым явился пожар в Виндзорском замке: он произошел 20 ноября — в день, когда Чарльз предложил Диане расстаться. Причиной пожара называют либо короткое замыкание, либо, что более вероятно, неосторожность рабочих, которые пролили битум на шторы, а те позже вспыхнули. Сначала существовала даже версия взрыва, но потом выяснилось, что ИРА к этому отношения не имела.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
1993–1997 ГОДЫ

Глава первая
СКУИДЖИГЕЙТ ПРОТИВ КАМИЛЛАГЕЙТА

Если в предыдущем году журналисты обнародовали милую беседу Дианы с Джеймсом Гилби, то 13 января 1993 года предали гласности телефонный разговор Чарльза с Камиллой, который состоялся буквально за пару недель до беседы Дианы, а именно 18 декабря 1989 года. Содержание разговора было весьма фривольно, и даже трудно сказать, кто явился чемпионом по откровенности: Чарльз или Диана. Говорят, Чарльз, но думается лишь по причине использования более прямолинейной лексики, без всяких «женских» штучек, используемых для приукрашивания интимных шуток. Гилби, в отличие от Камиллы, был под стать своей подруге — он тоже беседовал как аристократ. Суть, впрочем, от этого не сильно меняется. Однако публику покоробила такая земная сущность принца: он сравнивал себя с тампаксом, коим хотел бы служить Камилле, «а лучше коробкой тампаксов», чтобы подольше ей служить.

Далее влюбленные обсуждали возможные места для свиданий, перечисляя тех друзей, которые в курсе и которые «не предадут», «настоящие друзья». Кроме того, Камилла действительно интересовалась делами Чарльза. Они обсуждали его предстоящую речь, а она просила его прислать предыдущую «почитать» — то, чего никогда не делала Диана (в своих воспоминаниях Диана считает, что Камилла притворялась, что она глупа, и делала это, лишь чтобы потрафить Чарльзу). В конце пара с трудом прекратила разговор, несколько раз повторяя друг другу: «Я тебя люблю».

На следующий после обнародования пленки день «Los Angeles Times» вышла с заголовком «Скандал с Камиллой может стоить Чарльзу трона: публикация записи, доказывающая его внебрачную связь, поднимает вопрос о том, сколько продержится монархия». В статье говорится, что накануне запись опубликовали австралийская и немецкая бульварные газеты. Вслед за ними планировали осуществить подобные публикации и другие зарубежные издания. В британских таблоидах напечатали лишь выдержки из откровенного разговора. «Los Angeles Times», рассуждая о записях, задается вопросом, а не случайно ли пленки с любовными беседами Чарльза и Дианы появились в прессе одна за другой с перерывом всего в полгода. Понятно, что служба безопасности ведет запись разговоров, но как они просочились в прессу? И далее журналист рассуждает о том, как долго длится

связь Чарльза с Камиллой и, цитируя Мортона, берется утверждать, что очень давно, и не просто давно, а на протяжении всего брака с Дианой.

Прочитав текст беседы Чарльза с Камиллой, к подобному выводу прийти никак нельзя. Но выводы, навязанные Дианой обществу, еще долго будут превалировать в умах людей. Только сами действующие лица знают точный ответ, одно ясно: нет доказательств ни в пользу Чарльза, ни против него. На фотографиях и в репортажах, сделанных за время его первого брака, видно, что Чарльз был до поры до времени влюблен в свою жену, а уж мешало ли это ему встречаться с Камиллой или нет, судить однозначно сложно.

* * *

В начале года Чарльз и Диана активно обустраивались в новой, практически холостой жизни, подальше друг от друга. Из Кенсингтонского дворца вывезли все вещи Чарльза, а из Хайгроува Диана забрала свои. Пришлось делить и слуг. «Кому-то предложили выбирать, с кем он хочет остаться, кому-то пришлось подчиниться принятому решению». Несмотря на полученную свободу, Диана вдруг осознала, насколько стала одинока. «Будущее казалось неопределенным, хотя материальных проблем не предвиделось. Диана неожиданно оказалась в вакууме, без предсказуемой общественной жизни, которая ей нравилась, хотя порой и раздражала. Раньше ее существование определялось королевской семьей. Теперь же ей предстояло жить, руководствуясь собственной интуицией (не самый мудрый образ жизни)…» Ну что тут скажешь — Диана, как обычно, наделав дел, не понимала, где выход из созданной ею ситуации. Свобода всегда имеет свою оборотную сторону, хотя бы в виде полной ответственности за собственную судьбу.

Жизнь Дианы будто распалась на две части: в первой продолжалась многосерийная мыльная опера, во второй принцесса активно выступала в качестве покровителя страждущих. Каким-то непостижимым образом в глазах людей оба образа сливались воедино и не мешали популярности Дианы, постоянной героини первых страниц желтой прессы. В личной жизни у принцессы перемены произошли еще во второй половине 1992 года, когда она закрутила роман с Оливером Хором, другом Чарльза, женатым и имевшим двоих детей мужчиной. Знакомы они были давно, и постепенно отношения перешли определенную грань. «Ей нравилось, что он — друг Чарльза и Камиллы. Это

придавало их отношениям пикантность. Турецкие друзья Оливера охотно предоставляли ему дома, квартиры и даже яхты, и роман с Дианой развивался стремительно». В 1993 году Оливер приезжал к Диане и в Кенсингтонский дворец. Его прятали в багажнике машины, что было смешно: охрана прекрасно видела, как оттуда вылезает мужчина и направляется к апартаментам принцессы.

Относительно спокойно любить Диана не умела — она становилась просто одержимой, не давая мужчине и мгновения передышки. Хору Диана звонила по нескольку раз на дню. Иногда она дозванивалась и, услышав его голос, вешала трубку. Хор так и не ушел из семьи, хотя жена сама пыталась его выгнать — связь с Дианой скрывать в какой-то момент стало невозможно. Принцесса названивала и жене Хора, изводя ее этими звонками. В итоге женщина обратилась в полицию, притворившись, что вовсе не догадывается, кто ее мучает. Тут же выяснилось: звонит Диана, либо из Кенсингтонского дворца, либо с мобильного. Однако Хору, оказалось, была дороже семья, чем любовница. Он сходился и расходился с Дианой, но остался с женой.

* * *

Нельзя сказать, что Диана после расставания с Чарльзом была в полной изоляции. У нее нашлись сторонники и советчики, которые пытались хоть как-то направить ее действия в нужное русло. Один из друзей настоятельно советовал ей не связываться с прессой: «Вы думаете, что можете манипулировать ими, но на самом деле это они в конце концов начнут манипулировать вами… Лучшая защита от них в вашем положении — это не иметь с ними никакого дела. Никогда и ни при каких обстоятельствах не общайтесь с ними». Второй совет звучал следующим образом: «Никакого секса. Вас это уничтожит. Вы должны обходиться без секса и вести праведный образ жизни». Диана кивала, но делала по-своему, запутывая клубок противоречий все сильнее и сильнее.

Прекрасным примером может послужить еще один случай: в конце 1992-го — начале 1993 года Диана, поняв, что без Чарльза под боком ей потребуется умение выступать на публике, наняла специалиста по сценической речи. Благодаря Сеттелену Диана стала выступать гораздо лучше. Несомненно, занятия пошли ей на пользу. Но Сеттелен вел записи их занятий, во время которых Диана слишком откровенничала с ним о своей личной жизни. Ей всегда и со всеми хотелось поболтать, выложив то, что не следовало бы. Всплыли пленки в 2004 году, когда их обнародовали на американском телевидении. Королевская семья

пыталась возвратить записи, но безуспешно. Их судьба была такова: они хранились у преданного камердинера Дианы, но в результате полицейского рейда в 2000 году Сеттелену удалось их заполучить обратно (формально они являлись его собственностью). На вопросы о том, имеет ли он право предавать гласности записи своих бесед с клиентами, специалист по сценической речи отвечать отказался.

О чем же непринужденно болтала с преподавателем Диана? Именно в этой записи она говорит о смерти Барри Мэннеки: «Его убрали». Рассуждает о сексе с принцем: раз в три недели, и причины видит в том, что он встречался с Камиллой именно с такой частотой до свадьбы и привык к подобному «распорядку». До помолвки, признает Диана, они виделись с принцем 13 раз. Он мог звонить ей ежедневно, а потом пропадать на несколько недель. «Очень странно», — говорит она, но почему-то эта странность бросилась ей в глаза много лет спустя. Да и странность ли это — если вспомнить историю их знакомства и взаимоотношений, то так уже не кажется. Барри принцесса называет «самым прекрасным парнем, который у нее когда-либо был» — удивительная ремарка о человеке, с которым ее так мало связывало.

Даже после смерти Дианы ее ошибки, излишняя откровенность с посторонними людьми имеют неприятные последствия…

* * *

В общественной жизни до поры до времени Диане удавалось держать планку на заданной высоте. В начале марта она посетила Непал с целью «изучить перспективы предоставления британской гуманитарной помощи этой стране». Но если сама принцесса продолжала исполнять свой общественный долг как обычно, то встречали ее уже иначе. Многие тогда обратили внимание на непрозвучавший в аэропорту государственный гимн. Однако визит и не носил официального характера. Ранее Диана крайне редко ездила в подобные поездки — в основном вместе с Чарльзом она наносила официальные визиты на государственном уровне. В остальных случаях, как и в Непале, гимн в ее честь не исполняли. Но были другие моменты, однозначно указывавшие на изменившийся статус принцессы: с ней не было личного шофера, секретаря и фрейлин. С Дианой поехала лишь ее сестра Сара (к тому моменту, правда, она уже выполняла при принцессе роль одной из фрейлин). Встречал Диану принц, а не королевская

чета. Он же присутствовал и на банкете в честь гостьи. На банкет Диана пришла в красивом белом платье, отличавшемся скромностью от ее предыдущих нарядов, которые она надевала на приемы. На фото — правая рука сжата в кулак: внутреннее напряжение давало о себе знать. В этой поездке вообще развлекательные мероприятия отсутствовали: Диана работала во славу Красного Креста, гламурный образ остался в прошлом. В больнице она опять дотрагивалась до больных проказой, демонстрируя миру полное отсутствие брезгливости и страха.

После приезда из Непала Диана с детьми и подругами поехала в Австрию кататься на лыжах. Ничего особенного, если бы не состояние крайней эмоциональной напряженности, которое она там испытывала. В целом удачная поездка в Непал в новом качестве не придала Диане сил и уверенности в себе. Напротив, она вдруг увидела все нюансы своего нового положения. Репортеры тоже словно с цепи сорвались, не давая ей и шагу ступить. «Она была очень рассеянной, не могла сосредоточиться. Диана всегда была эксцентричной, но прежде всегда умела собраться и вовремя отойти от края». Спорная ремарка — к сожалению, в этом и была ее беда, что вовремя отойти Диана не умела. И в Австрии продемонстрировала это в полном объеме. «Рано утром… Диана спрыгнула с балкона своего номера на первом этаже (высота составляла около семи метров) в глубокий снег и ушла, не сообщив об этому никому из телохранителей. Она вернулась в половине шестого». Результатом странного побега в никуда стала ссора с близкими подругами, которые не преминули сделать ей замечание.

* * *

27 апреля мир стал свидетелем появления на общественной сцене новой Дианы. Потом даже не вспомнят ее первые короткие речи, когда она краснела и едва могла говорить, уткнув голову в бумажку. Уроки, предавшего ее через несколько лет после смерти тренера, пошли на пользу. Диана четко проговаривала все слова и выглядела вполне уверенно. Ее речь была посвящена пищевым расстройствам, в частности анорексии и булимии, с которыми она сама так хорошо была знакома. Но в речи Диана не стала апеллировать к собственному опыту — с громкими признаниями на время было покончено. Тем не менее она говорила в меру эмоционально: ровно в той степени, которая была необходима для придания речи личностной окраски (я знаю, о чем говорю, это все не пустые слова).

Убедительно говорила Диана о том, что за пищевыми расстройствами стоят куда более серьезные заболевания. Рассказывала она и о корне проблемы, который прячется в детстве больного. Диана читала по бумажке, но часто отрывала глаза от текста, чтобы посмотреть в зал, а то и вовсе поднимала взгляд к потолку. Очевидно, что она очень хорошо подготовилась к этому своему первому серьезному выступлению. Диана призывала родителей, друзей, учителей показывать детям, насколько они их ценят. «И тогда, — утверждала она, — они начнут ценить самих себя». Слова эти были пропитаны личной болью. Диана, несмотря ни на какие попытки окружающих ей помочь, всегда искренне считала себя недооцененной и одинокой. В конце речи она признала: «Окончательное выздоровление зависит только от самого человека». Впервые за многие годы к своему месту за столом президиума шла счастливая женщина: она сделала это! Речь была произнесена блестяще. Диана сдала этот урок на «отлично».

Позже, 1 июня она сдаст и второй, еще более сложный экзамен и произнесет речь на конференции, посвященной психически больным женщинам. Стоит послушать — удивительное сочетание эмоциональности, здравого смысла и проникновенности. Каждая женщина, даже простая работница цеха, видела в Диане сестру по несчастью, такую же, как она, не Золушку и не принцессу, а обычную «девушку с соседней улицы». «Женщины считают, что всё могут, что со всем справятся, — говорила Диана. — Им стоит признать, что это не так… Часто они думают, что могут справиться с проблемами в одиночку, и уходят, все глубже и глубже, в депрессию». Речь длилась почти десять минут — рекорд для Дианы. Вместо танцев, любимого балета, на сцене она начала говорить, и результат оказался весьма впечатляющим.

В июле состоялась еще одна примечательная поездка: в Зимбабве. Доселе Африка оставалась прерогативой принцессы Анны, и Диана предупредила как королеву, так и принцессу Анну о предстоящем визите. После журналы опять писали об умении Дианы общаться с простыми людьми, разговаривать с бедными и больными на равных. В поездке ее сопровождала сестра. Конечно, в статьях теперь делался акцент на новом статусе принцессы. «Она не ищет страданий, как думают некоторые, — писали ее сторонники. — Ее способность общаться, обнимать… является ее естественным импульсом, присущим далеко не всем членам королевской семьи. Кто кроме Дианы, — вопрошал далее журналист, — смог бы войти в хоспис для смертельно больных СПИДом женщин, сидеть на их кроватях, поправлять их одеяла и

нежно гладить их лица?» Диану называли секретным оружием, вакциной против СПИДа.

Впрочем, некоторые обвиняли ее в излишней саморекламе на фоне страдающих людей. Но правы те, кто говорил, что постоянно так искренне себя вести невозможно, если ты играешь, а не проживаешь свою роль. В Зимбабве Диана в один из дней раздавала пищу голодающим на станции Красного Креста. Очереди из тысячи с лишним человек ежедневно выстраивались в этом месте, чтобы получить похлебку из фасоли и орехов. Для голодных детей Диана вновь стала золотоволосым чудом, спустившимся к ним с небес.

В ту поездку Диана не воспользовалась королевским самолетом, а полетела обычным, регулярным рейсом в экономклассе. В третий раз подряд с ней рядом находилась сестра Сара.

Если продолжать тему семьи, то летом, практически сразу после приезда из Африки, у Дианы случилось несчастье: умерла ее бабушка Рут Фермой. Их отношения разладились, так как Рут не принимала позиции Дианы в отношении Чарльза. «В какой-то момент, когда Рут чрезмерно резко высказалась о поведении внучки, Диана просто отказала ей от своего дома. Перед смертью леди Фермой Диана дважды навестила ее, так что у них была возможность помириться. На похороны леди Фермой Диана вылетела со старой подругой бабушки, королевой-матерью…» После смерти бабушки последовала ссора с братом. Сначала он предложил Диане, подыскивавшей дом за городом, снять Гарден-хаус на территории Олторпа, где он после смерти отца стал полновластным хозяином. Когда Диана хотела уже согласиться, брат передумал. Он справедливо считал, что жизнь обитателей Олторпа превратится в ад из-за репортеров, преследовавших Диану, и из-за наличия многочисленной охраны. А осенью брат обидел сестру второй раз, попросив вернуть ему диадему, которая была на ней в день свадьбы (после Диана часто ее надевала для торжественных выходов). Украшение и в самом деле было завещано ему, и Чарльз хотел подарить диадему своей жене. Диана спорить не стала, но на брата обиделась.

Противоречивые события заставляли людей говорить о Диане совершенно противоположные вещи. Одна из ее подруг признавала, что «Диана производила гнетущее впечатление. Она чувствовала себя отвергнутой, брошенной и полностью разрушенной». А журналист «Daily Mail» писал: «Официальное расставание с супругом превратилось для Дианы в катализатор, который поспособствовал ее преображению из отчаявшейся принцессы в уверенную леди нового поколения». Истина кроется

где-то посредине, но поступок Дианы конца года доказал, что преображение случилось не полное. 8 декабря Диана выступила с заявлением, в котором говорила о сокращении своего участия в общественной жизни. Столько лет она добивалась признания именно в этой области и одним махом перечеркнула свои усилия и усилия своей команды. В речи, которую произнесла Диана, она просила извинить ее, но внимание к ней средств массовой информации оказалось так велико, что его стало слишком тяжело выносить. «В следующие несколько месяцев, — говорила Диана с трибуны, — я буду больше внимания уделять личной жизни, а именно детям». Диана поблагодарила присутствовавших представителей благотворительных организаций и сказала, что опыт работы с ними научил ее большему, чем любые учебники.

Желтая пресса во всем винила Чарльза, его нежелание дать Диане возможность проявить себя. Но были и те, кто задавался вопросом: «А не мы ли сами убили гусыню, которая несла нам золотые яйца?» Впрочем, мотивы поступка Дианы, как часто случалось, точно понять было сложно.

Глава вторая
БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Начало 1994 года не упростило Диане жизнь. Принятое ею решение отойти от общественной работы не имело положительных последствий, но Диана пошла дальше и отказалась от полицейской охраны. Конечно, на нее давило постоянное присутствие телохранителей, полиции и охраны. Однако теперь некому было сдерживать журналистов, получивших прямой доступ к принцессе, которую раньше хоть как-то от них умудрялись ограждать. «В Лондоне фотографы запечатлели, как Диана в панике пробирается между припаркованными машинами у дома своего психотерапевта. Ее поджидали везде, где она могла появиться, — таковы последствия отказа от телохранителей, и со временем ситуация лишь ухудшалась».

По другую сторону баррикад тоже не слышались крики ликования и радости: имидж Чарльза расставание с женой не улучшило. Его друзья пытались ему помочь, и общественное мнение, как маятник, склонялось то в одну, то в другую сторону. В итоге Чарльз принял решение дать интервью. Советники и помощники настоятельно не советовали принцу поднимать тему развода: о чем угодно, только не про это. Но дело в какой-то момент пошло не так, как предполагалось. Сначала Чарльз достойно отвечал на вопросы. «Главная цель программы — рассказать об официальных обязанностях принца, о его благотворительной работе и политических взглядах. Планировалось создать благоприятный портрет хорошего человека с самыми серьезными намерениями. Создатели хотели показать будущего короля серьезным, глубоким человеком, а не скучной телевизионной фигурой. Много внимания было уделено работе принца по защите окружающей среды. Чарльз говорил очень интересно, страстно, без шпаргалок».

Что послужило толчком для потока откровений, сказать сложно. Чарльз не счел нужным после съемки передачи объясниться со своим окружением, которое было более чем не готово к его признаниям. По сути дела, они, конечно, не открыли для себя ничего нового. Чарльз в ответ на вопрос, касавшийся его брака, признался, что встречался с любовницей. Причем сказал, что был верен Диане, пока брак окончательно не рухнул. И если проанализировать события, то, видимо, Чарльз говорил правду: он опустил руки после 1986 года, когда Диана завела себе

любовника. А надежды Чарльза на примирение рухнули после выхода книги Мортона. Главное, всегда повторял он, видеть в жене друга — Чарльз не раз подчеркивал эту мысль. Когда у Дианы появились другие мужчины, Чарльзу это отчасти развязало руки в отношениях с Камиллой. Но простить предательство он был не готов.

«Он перестал поддерживать супругу, поскольку запасы сочувствия и симпатии окончательно иссякли», — написал в биографии принца Джонатан Димблби. Все верно, и часть людей даже прониклась симпатией к Чарльзу, честно ответившему на поставленный вопрос. Однако многие запомнили и другое: Чарльз признал, что продолжает встречаться с «близкой подругой» по сей день. Сторонники Дианы вознегодовали, мгновенно забыв о грехах своей любимицы: ах, вот как, он еще смеет признаваться в адюльтере, бедняжка правильно сделала, что с ним рассталась. Сторонники принца и даже верные слуги рассуждали иначе: «наследник трона не мог публично признаваться в супружеской измене и верности любовнице». Большинство приверженцев монархии молили Бога, чтобы королева Елизавета как можно дольше оставалась в добром здравии и правила королевством (в 2016 году Елизавете исполнилось 90 лет, она правит страной дольше всех британских монархов — молитвы ее подданных явно слышат на небесах).

Естественно, далеко не все принцы в истории и далеко не все короли сохраняли верность своей второй половине. Но никогда доселе «скелеты из королевского шкафа» не вываливались на всеобщее обозрение, лихо демонстрируя свои «прелести», будто модели на подиуме. Печальную роль тут сыграли набравшие силу средства массовой информации: они сделали из Дианы кумира миллионов людей, они упорно лепили из нее страдалицу и жертву, они фактически вынудили Чарльза играть по их правилам. Для принца все это было непривычно и в корне неправильно, но течение подхватило его и понесло на опасную глубину.

Еще одним последствием сделанного признания стал развод Камиллы и Эндрю Паркер-Боулза. Легким преувеличением является мнение о том, что Эндрю спокойно мирился с положением рогатого мужа. Из опубликованной в январе 1993 года записи ясно видно: Камилла всеми силами скрывала от него отношения с Чарльзом. Наверное, эти отношения были с какого-то момента секретом Полишинеля. Однако когда твою жену дважды за год при всем честном народе уличают в измене, больше прятать голову в песок нельзя, учитывая к тому же высокое положение Эндрю при дворе. В конечном счете Паркер-

Боулз подал на развод, который он получил очень быстро — в январе 1995 года.

* * *

Поток признаний на этом не закончился: мяч был на стороне Дианы, и она его забросила… по обыкновению, в свои ворота. Позже Диана в принципе отрицала участие в организации встречи журналистки и писательницы Анны Пастернак с Джеймсом Хьюиттом. Учитывая предыдущий инцидент с Мортоном, поверить ее словам сложно. Другое дело, что Хьюитт и в самом деле не отличался чистоплотностью: его дальнейшая жизнь неоднократно подтвердит правильность данного ему прозвища «Крыса». Как бы то ни было, но по версии Хьюитта и некоторых знакомых Дианы именно она попросила бывшего любовника дать интервью. Цель была простая: доказать миру, что между ними существовали лишь дружеские отношения. Трюк не удался. Хьюитту не поверили, его репутация была подорвана, из-за чего ему пришлось подать в отставку («офицеру и джентльмену не подобало иметь связь с супругой наследника престола»). Диана от Джеймса тут же открестилась.

В своих воспоминаниях Диана утверждает: «Джеймс Хьюитт, который клялся мне в любви и верности, продал все мои письма и многое наговорил журналистке Анне Пастернак, племяннице известного писателя». Однако в 2003 году телевидение показало интервью Хьюитта с Ларри Кингом, где ведущий обвинял Джеймса в предпринятой им в тот момент попытке продать все 64 письма Дианы за десять миллионов фунтов. Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что до 2003 года Джеймс писем не продавал. Да, наверное, он показывал их Анне Пастернак, но никак не торговал ими. Диана хотела выкупить письма, но в последнюю минуту Джеймс якобы отказался — и это тоже только со слов принцессы. Важно повторить: Хьюитт не производит впечатление человека честности и благородства высшей пробы. Однако обвинения, которые предъявляла ему Диана, были в лучшем случае справедливы только отчасти.

Летом 1994 года, еще до публикации романа Пастернак, стало известно о звонках Дианы жене Оливера Хора: «…читатели с изумлением узнали, что Диана превратилась в „телефонного маньяка“, а это явственно говорило о ее психической нестабильности». Диана и Хора тоже просила выступить, но он мудро отказался. Он уже решил остаться в семье, и лишний скандал ему был ни к чему. Диана нервничала: оба ее романа

всплыли на поверхность в самом неприглядном виде, а впереди маячила публикация книги Пастернак. По словам принцессы, она не ожидала подобного предательства со стороны Хьюитта («Хьюитт все равно предатель, и полученные деньги ему впрок не пойдут», — говорила она). Тут придется опять вернуться к интервью 2003 года. Ларри Кинг ставит запись выступления Дианы в 1994 году: «Джеймс мне позвонил раз десять перед тем, как вышла книга. Книжные магазины уверяли меня, что не о чем беспокоиться. А я глупо и наивно в это верила. Когда же книга вышла, я сразу помчалась к детям, чтобы все им объяснить. И тут я увидела Уильяма. Он протянул мне коробку конфет и сказал: „Мамочка, тебя обидели. Это тебе, чтобы ты вновь улыбалась“».

Странно выглядят эти признания: сначала Диана утверждает, что знала о готовящейся публикации, а через пару лет заявляет, что была не в курсе и Джеймс ее предал. Если он и правда «раз десять» предупреждал ее, то что мешало попросить у Пастернак рукопись и ознакомиться с ней до публикации? Реплика Уильяма (на тот момент ему исполнилось 12 лет) в другой интерпретации звучит тоже иначе: «Мамочка, зачем ты это сделала?» В принципе странно, что Диана решила с детьми объясниться именно по поводу этой книги. А как же Мортон? А как же ее заявления прессе о Чарльзе, ужасном и безответственном отце? Эти вещи она якобы не считала нужным комментировать сыновьям.

Книга Анны Пастернак вышла осенью 1994 года. Автору на тот момент было всего 25 лет. Сейчас она называет книгу обычным любовным романом. «Она была высмеяна в свое время, — говорит Анна, — и все думали, что это выдумка, но, конечно, это оказалось правдой. Мы все ищем любви. Над всеми из-за этого смеются, но книга была именно про такие вещи». «Влюбленная принцесса» не сделала богатыми ни Хьюитта, ни Анну Пастернак, но не от того, что деньги «не пошли им впрок» (правда, Диана, надо отдать ей должное, автора книги ни в чем не обвиняла), а от того, что книга распродалась не очень хорошо. Никому уже обычная романтическая история не была интересна: куда пикантнее выглядели статьи в желтой прессе и собственные признания Дианы.

* * *

В 1994 году принцесса начала ездить в США, где ее историю воспринимали на ура. Ее приглашали американские богатеи, и однажды на одной из вечеринок Диана познакомилась с миллиардером Тедди Форстманом, который принялся активно за

ней ухаживать. Диана была рада знакомству: «Ей понравилась эта идея еще и потому, что у него был личный самолет. Она могла летать через Атлантику, чтобы повидаться с детьми, ведь ей было бы сложно с ними видеться, живи она за пределами Англии. Она, кажется, понимала, что лучший для нее вариант — это неангличанин с большими деньгами». Диана всерьез рассматривала возможность переезда в США. Но ее планы остались нереализованными. Диана имела склонность быстро их менять на прямо противоположные…

* * *

В 1995 году Диана решила возобновить общественную и благотворительную деятельность. Первым визитом стала поездка в феврале в Японию. Диану, несмотря на годичный перерыв, встречала толпа людей. Ее появление в аэропорту назвали «неброским»: одетая в деловой костюм, в наброшенном на плечи плаще и с портфелем в руках, Диана напоминала бизнес-леди, от принцессы не осталось и следа. Однако так как визит не считался официальным, то и встреча носила максимально деловой характер — под стать внешнему виду Дианы. В первую очередь она посетила детскую больницу, где произнесла небольшую речь во время ланча. Но речь, несмотря на краткость, произвела на японцев неизгладимое впечатление: принцесса сказала вступительное слово по-японски. Пара фраз, произнесенных с прекрасным произношением, покорила присутствовавших.

Несмотря на выученные за четыре недели ускоренного курса слова, журналисты отмечают, что реакция людей на приезд Дианы была куда менее восторженная, чем во время ее первого визита вместе с Чарльзом: и народу собралось меньше, и комментарии были не самые благоприятные. После скандала, связанного с разводом, японцам было сложно принимать Диану, «вокруг ее имени теперь меньше волнений». Люди, дававшие интервью, не выражались категорично. Они признавали, что Диана по-прежнему красива, добра. А одна из женщин сказала: «Мы не знаем, где правда, а где ложь». Однако после годичного самоустранения от благотворительной деятельности Диана сумела вернуться достойно. Знаменательные поездки того года — в Японию и Россию — были сначала отменены, но после принятого решения о возвращении на общественную сцену их снова внесли в расписание принцессы.

Манера поведения, которая покоряла людей, у Дианы не изменилась, а, напротив, оттачивалась до малейших нюансов. В

центре для пожилых людей она спокойно поменяла туфли на каблуке на удобную домашнюю обувь: так и сидела в элегантном костюме, с сумочкой, в черных колготках и тапочках. В детской больнице Диана посетила палату для детишек, больных раком. Там ей показали игровую приставку, с помощью которой тяжелобольные дети могут «выйти на улицу», и Диана от души веселилась, надев специальные очки и совершив виртуальный тур, чем умилила собравшихся. В конце визита Диана встретилась с японским императором и его женой. Всю поездку она возвышалась над низкорослыми японцами, но и на встречу с императорской четой тоже надела высокие каблуки (высота каблука у Дианы была прямо пропорциональна дистанции, которая отделяла ее от мужа, — чем больше дистанция, тем выше каблук). Поездку посчитали весьма удачной. В том же месяце, впрочем, ей пришлось расстаться с Оливером Хором. Шофер ее любовника отправился к газетчикам и выложил всю подноготную их отношений. Хор вторично выбрал семью и расстался с Дианой, написав принцессе письмо «с благодарностью за подаренное счастье, и вернул запонки ее отца, которые она ему преподнесла». Диана горевала недолго: к лету она обзавелась новым любовником, регбистом Уиллом Карлингом. Он, к несчастью, тоже был женат. «Позднее Карлинг дал интервью журналистам, в котором заявил, что встречи с Дианой были ошибкой, что он глубоко сожалеет о той боли, которую его поведение причинило жене Джулии». Их брак это не спасло. Карлинг развелся и еще некоторое время встречался с Дианой, что не принесло ей долгожданного счастья. А вот имидж разлучницы, «хищницы» журналисты восприняли положительно, публикуя статью за статьей, в которых развенчивали образ «святой Дианы».

Некоторые газеты вставали на сторону принцессы, печатая опровержения близкой связи с регбистом и остальными мужчинами, мелькавшими на страницах таблоидов. Но факт оставался фактом: позже правда так или иначе всплывала. Журналисты правы: Диане было крайне сложно строить отношения с мужчинами в то время, как ее статус оставался весьма неопределенным. К тому же она постоянно повторяла подругам и другим доверенным лицам, что по-прежнему любит Чарльза, — Диана не хотела разводиться. Если бы она последовала совету вести праведный образ жизни, может быть, ее усилия и были бы вознаграждены. Ведь королевская семья терпела до последнего, а королева испытывала к Диане симпатию, стараясь не принимать однозначно сторону собственного сына. Но проблемы нарастали как снежный ком. Осенью Диана совершила последнюю ошибку, которую

Букингемский дворец уже ей не простил…

* * *

В 1995 году у Дианы было множество мероприятий, в том числе и поездка в Москву. В июне она прибыла в Россию с кратким рабочим визитом, который в основном был связан с детскими благотворительными организациями. «Moscow Times» назвала визит «строгим и унылым», отмечая, что информации для желтой прессы в нем точно не будет. В течение двадцати четырех часов Диана собиралась встретиться с министром по социальным вопросам, посетить детскую тушинскую больницу, благотворительную организацию, которая обеспечивает инвалидными креслами детей, больных церебральным параличом, увидеть Кремль и посмотреть «Лебединое озеро» в Большом. Надо сказать, русские не придавали какого-то особенного внимания этому визиту. Наверное, сказывались десятилетия жизни без венценосных правителей, да и статус Дианы, когда она ездила без Чарльза, не считался высоким. Представитель Министерства здравоохранения на вопрос журналистов о том, что предпринимает тушинская больница, чтобы подготовиться к визиту принцессы, ответил: «Что вы имеете в виду, спрашивая, как готовится больница? Они делают то, что делает любой человек, к которому должны прийти гости: моют окна, моют пол». Также он сказал, что понятия не имеет, во сколько должна приехать Диана: «Она же принцесса и может делать, что заблагорассудится. Думаю, только королева может сказать ей, что делать».

«Moscow Times» сообщила, что Диана прилетит регулярным рейсом Британских авиалиний и остановится в британском посольстве. «К настоящему моменту российская пресса выказала мало интереса к предстоящему событию, — пишет журналист, — возможно оттого, что принцесса разделит всеобщее внимание с другой знаменитой Дианой: американской певицей Дианой Росс, прибывающей в Москву в тот же четверг». Кадры, снятые в Москве, говорят сами за себя: ажиотажа, хоть чуть-чуть сравнимого с наблюдавшимся в других странах, нет. Дети в тушинской больнице говорили с принцессой спокойно, пытаясь с ней объясниться без малейшего стеснения. В России Диана выглядела немного сбитой с толку, но вполне довольной. Однозначно это не было похоже ни на азиатские страны, где ей кланялись на каждом шагу, ни на Европу и Америку, где на улицах кричали ее восторженные фанаты…

* * *

Последнюю, непоправимую ошибку Диана совершила 5 ноября 1995 года, дав интервью ведущему передачи «Панорама» на канале *BBC*. «Ее телевизионные откровения стали последней каплей, переполнившей чашу терпения самой королевы. Елизавета была оскорблена дерзостью невестки и 12 декабря сообщила премьер-министру Джону Мейджору, что брак ее старшего сына „необходимо расторгнуть в интересах страны“». Знаменательно не только содержание беседы, в которой Диана повытаскивала все оставшиеся в шкафу скелеты, вывалила завалявшееся случайно по углам «грязное белье» и вынесла весь имевшийся в запасе мусор из избы, но и выбранная для показа дата. Диана просила выпустить пресс-релиз, посвященный выходу передачи в эфир, 14 ноября — в день рождения Чарльза, а сама передача вышла 20 ноября в сорок восьмую годовщину брака королевы Елизаветы и герцога Эдинбургского.

В свой день рождения Чарльз находился в Германии, где его тепло приветствовала публика. Он грустно разрезал именинный торт и отказался отвечать на вопрос, что он думает о грядущей передаче. Да и что он мог ответить? Признания Дианы были предсказуемые, несмотря на их полную непредсказуемость. Букингемский дворец также ожидал эфира с беспокойством. Диана обсуждать содержание беседы отказывалась — удар мужу, которого она «любила» и за которого собиралась «бороться до конца», наносила сильный и неожиданный. Сама Диана 14 ноября посетила благотворительное мероприятие, на котором выглядела исхудавшей и ужасно подавленной. Точно так же она смотрелась потом и на экране: в черном платье с кругами под глазами.

Что же услышали зрители 20 ноября? В самом начале беседы Диана винила прессу в повышенном к ней внимании, а затем утверждала, что Чарльз завидовал ее популярности с самого начала их совместных поездок. Потом Диана рассказала о послеродовой депрессии, утверждая, что ничего подобного до того не испытывала. А королевская семья приклеила ей ярлык: «психически неуравновешенная». Она признала, что пыталась наносить себе увечья и страдала булимией — короче, все, в чем ранее признавалась Мортону. На вопрос, а не страдает ли Диана булимией по сей день, она ответила, что все позади, но не смогла сказать точно, сколько лет у нее длилась болезнь. Далее Диана утверждала, что у них с Чарльзом имелось много общих интересов и что идея иметь разные графики мероприятий шла от него. Также Диана подтверждала связь Чарльза с Камиллой, но когда журналист спросил о доказательствах, сослалась на

женский инстинкт. Диана к тому же, наконец, призналась, что принимала участие в создании книги Мортона и позволила своим друзьям отвечать на его вопросы. К тому же она признала, что ее разговор с Гилби имел место, что он очень нежный, однако отрицала с ним какие-либо отношения, выходящие за рамки дружеских. Телефонные звонки жене Хора Диана тоже признала. Впрочем, и тут оговорилась: «Я звонила в течение шести или девяти месяцев, несколько раз, конечно, не в навязчивой манере». И далее утверждала, что звонил маленький мальчик. Интересное замечание — как мог какой-то мальчишка звонить из дворца и, что еще более странно, с мобильного Дианы? Правда, связь с Джеймсом Хьюиттом Диана признала без запинки, сказав, что обожала его. Кроме того, Диана выразила сомнение, что Чарльз сможет справиться с ролью короля.

После передачи маятник качнулся в сторону. Казалось бы, ну что такого произошло — все новости давно уже были рассказаны, однако вспомним, Диана старалась отрицать свое участие в составлении книги Мортона, не признавала своих романов. К тому же она сильно разозлила королевскую семью, высказываясь о них в уничижительном ключе, особенно о перспективах Чарльза в качестве будущего монарха. «Интервью демонстрирует явные симптомы паранойи», — сказал один из комментаторов *BBC*, вторя Лоренсу ван дер Посту, когда-то давно уже поставившему этот диагноз Диане…

На Рождество Диана осталась одна в Кенсингтонском дворце, отказавшись ехать в Сандрингем. Туда отправились Уильям и Гарри.

* * *

В ту осень Диана завела себе нового друга, хирурга Хасната Хана. Она влюбилась в него с первого взгляда, а он не обратил на нее никакого внимания, так как находился на работе и в палату, куда заглянула к другу Диана, зашел проведать тяжелобольного. Хаснату исполнилось на тот момент 36 лет, он приехал из Пакистана и упорно делал научную карьеру в Лондоне. Диана с головой окунулась в новую любовь. Фактически она так окончательно с Хаснатом и не расстанется — их разлучит не Доди Аль-Файед, а смерть…

Глава третья
РАЗВОД

Диана из последних сил пыталась воспротивиться разводу. В феврале 1996 года на встрече с королевой в Букингемском дворце она заявила, что любит Чарльза и не хочет разводиться. Но королева была непреклонна: «Сложившаяся ситуация не принесет добра никому — ни стране, ни семье, ни детям. Будет лучше, если вы разведетесь». В конце февраля состоялась встреча Дианы с Чарльзом. Развод представлялся делом решенным, и на сцену выдвинулись адвокаты.

Тогда же Диана посетила Пакистан. Первый визит состоялся в феврале, второй — в мае 1996 года. Диана была очень серьезно увлечена Хаснатом Ханом и, несмотря на жалкую попытку примириться с Чарльзом, на самом деле серьезно подумывала уехать вместе с Хаснатом в Пакистан и принять мусульманство. Ее подругой стала Джемайма — молодая женщина, которая была замужем за дальним родственником Хасната. Красавица Джемайма сама приехала в Пакистан к мужу из Европы, и Диана спрашивала ее совета по поводу своего возможного замужества (Хаснат, правда, жениться на Диане не собирался, но она, как обычно, принялась рьяно за дело, не узнав мнения потенциального жениха). Подруга не выражала большого оптимизма: она считала, что патриархальная семья Хасната Диану не примет. Так и случилось.

А газеты назвали визит Дианы в Пакистан «противоречивым». Она везде появлялась одетая согласно мусульманской традиции — в брючках, длинной кофте и намотанном вокруг шеи шарфе, в котором ей явно было жарко. Больница, которую посетила Диана, принадлежала мужу Джемаймы. Принцессе удалось привлечь неслыханное внимание к больным и собрать большие средства. Она считала, что это укрепит ее имидж в глазах Хасната, но этого не произошло. Напротив, подобная активность Дианы его тяготила. Тем не менее их отношения какое-то время продолжались, и Диана даже посетила операционную, когда Хаснат проводил там операцию на сердце. Она почитала литературу, связанную с работой любимого мужчины, и пришла к выводу, что вполне могла бы стать хорошей медсестрой. В операционной Диана еще раз доказала — когда захочет, она представляет собой очень крепкого человека. Рядом с ней стояли сестры, готовые дать ей нашатырь, но он не понадобился. Всю операцию Диана сохраняла удивительное присутствие духа. «Она

не упала в обморок. Она не издала ни звука. Более того, прочитав все статьи о технологии операции, она понимала, что и зачем делают руки хирурга в каждое мгновение. И если вид развороченной грудной клетки маленького ребенка не мог не вызвать ужаса в душе женщины, то вид снова забившегося сердца привел ее в полный восторг». Журналисты не сразу проведали, почему принцесса решилась на такой странный шаг. Однако чуть позже они разузнали про отношения с хирургом и тут же поспешили обвинить Диану в преследовании личных целей (до этого они ей приписывали «нездоровое любопытство», никак не понимая, зачем принцесса присутствовала на операции).

* * *

В июле бракоразводный процесс с Чарльзом вошел в завершающую стадию. 13-го числа было составлено соглашение о разводе, которое подписали обе стороны. Памятуя о Саре, оставшейся без копейки денег после разрыва с принцем Эндрю, Диана отстояла все, что только могла, за исключением титула «ее королевское высочество», за который она билась до последнего. Но королева была в этом вопросе непреклонна, и Диану понизили в статусе, впрочем, оставив за ней титул «принцесса Уэльская» (до конца своих дней или пока не выйдет снова замуж). Что же досталось Диане в результате развода: апартаменты в Кенсингтонском дворце, 17 миллионов фунтов единовременно и 400 тысяч ежегодно на содержание штата и офиса. Естественно, за Дианой оставалось право участвовать в воспитании сыновей. Что касается патронирования благотворительных фондов, коих у Дианы насчитывалось более ста, то она тут же выступила с заявлением, что оставит себе наиболее важные: центр помощи бездомным, фонд борьбы с проказой, фонд по борьбе со СПИДом, фонд поддержки английского национального балета и две больницы. Диана не преминула уточнить, что лишение ее титула привело к ослаблению влияния, которое она могла бы оказать. А значит, в новом статусе ей следует резко сократить патронируемые фонды.

Развод вступал в силу через шесть недель после подписания соглашения — 28 августа. В тот день Диана собиралась посетить балетную школу в Альберт-холле. Она тщательно продумала свой наряд, надев красивый, но скромный голубой костюм, а главное, надев на палец обручальное кольцо с бриллиантом, подаренное Чарльзом. Кольцо бросалось в глаза, и журналисты обязательно бы его заметили. Несмотря на любовь к Хаснату, Диана

собиралась продемонстрировать миру, что, как и раньше, любит мужа, правда, теперь уже бывшего. Диана попросилась присутствовать на репетиции. Когда она вышла из здания Альберт-холла, улица была забита толпой журналистов. Как вспоминает водитель Дианы, «…в 10.26 принцесса еще располагала официальным лимузином „ягуар“, а в 10.28 ее уже лишили автомобиля (впрочем, доехать до дома нам все же позволили)».

* * *

После развода в жизнь Дианы начали входить новые друзья, среди которых теперь по большей части были модельеры, представители кино и музыкальной индустрии, богатые люди, не имевшие аристократического происхождения. Именно тогда она сошлась с Элтоном Джоном и Джанни Версаче. Общалась и с такими «страдальцами», как английский телеведущий Майкл Бэрримор, лечившийся от наркотической зависимости, алкоголизма и депрессии, к тому же после двадцати лет семейной жизни признавшийся в нетрадиционной сексуальной ориентации. Майкл был одной из самых высокооплачиваемых звезд британского телевидения, пик популярности которого пришелся как раз на 1990-е годы. И сегодня этот человек замешан в скандалах, связанных со злоупотреблением алкоголя и близкой дружбой с мужчинами. Диана общалась с телеведущим более года: они жаловались друг другу на жизнь и считали, что у британской прессы есть всего три звезды: Майкл, Диана и еще один депрессивный алкоголик, футболист Пол Гаскойн. Шерил, жена Майкла, являвшаяся одновременно и его менеджером, считала Диану повинной в ухудшающемся психическом состоянии мужа: «Ее образ мыслей, по моему мнению, был весьма далек от нормального. Майкл начал терять способность отличать реальность от вымысла». В итоге Шерил сделала все, чтобы «пагубное» общение прекратить, что не спасло брак от развода, который состоялся в 1997 году…

Особенно Диану любили в США, где напрочь отсутствовали монархические настроения. Если в Великобритании находилось довольно большое количество людей, неоднозначно относившихся к поведению принцессы, то в странах с превалировавшими в умах республиканскими идеями (например, во Франции, где к этому примешивалось еще и сильное движение феминисток) Диану просто обожали. Второй сильный всплеск дианомании пришелся как раз на период после развода, когда она

превратилась в кумира простых людей (простых по происхождению, но не всегда бедных и никому не известных). Репортеры тоже продолжали делать свое дело, не давая Диане и шагу ступить без их ведома, а потому ее фотографии постоянно появлялись в глянцевых журналах и таблоидах. Находясь в 1996 году в США, Диана собирала деньги для центра исследований рака молочной железы. «На благотворительном балу присутствовало 800 гостей из мира политики и моды… Хилари Клинтон пригласила ее на завтрак в Белый дом, где 110 гостей устроили ей бурную овацию».

После развода Диане удалось отчасти решить свои психологические проблемы: ведь все специалисты, с кем она общалась по этому вопросу, в один голос ей твердили, что виноват в них Чарльз и условия жизни в королевской семье. Вместо того чтобы выдернуть Диану из собственной зацикленности на детской «травме», связанной с разводом родителей, и на «плохом» отношении к ней мужа и его окружения, врачеватели еще больше ввергали ее в это состояние.

Однако после обретения свободы данная «мантра», видимо, сослужила Диане хорошую службу: она чувствовала себя гораздо лучше, избавившись от «виноватых». Как выяснилось, на место одной проблемы пришла другая. Теперь Диану так одолевали журналисты, как никогда доселе. Правда, частенько она использовала репортеров, выставляя напоказ то, что ей выгодно было выставить, но в целом ситуация складывалась просто невыносимая. Плюс к этому в личной жизни Диана вела себя как прежде, а потому отношения с любимым Хасаном складывались неидеально.

Как истинная «собака на сене», Диана еще и следила за бывшим мужем, продолжая испытывать ревность и неудовольствие от его активного общения с Камиллой. Став свободным мужчиной, Чарльз беспрепятственно и открыто встречался с Камиллой, потихоньку вводя ее в свою не только частную, но и общественную жизнь. Камилла тоже обрела свободу, и помощники старательно лепили положительный образ новой-старой подруги принца. Это Диану страшно выводило из себя: она не понимала, как на место такой красотки, как она, можно поставить страшную «ротвейлершу» Камиллу. Когда у нее возникали неприятности, Диана нередко звонила Чарльзу, что его не сильно радовало. Но он чувствовал ответственность за бывшую жену и терпеливо выслушивал ее жалобы (надо отдать ему должное, он не очень ей помогал морально, говоря что-то вроде: «Я ничего не хочу знать, разберись сама»).

* * *

В 1996 году Диана познакомилась с человеком, общение с которым закончится самым трагическим образом. Этим человеком был Мохаммед Аль-Файед. Своим происхождением Мохаммед никогда не хвастался: он родился в бедной семье в деревне неподалеку от Александрии. Благодаря налаженным с годами связям, часто с людьми, заработавшими деньги сомнительными способами и пользовавшимися плохой репутацией, Аль-Файед сумел сколотить состояние. Он владел виллами в Сен-Тропе, яхтами и даже шотландским замком. В 1979 году Аль-Файед купил парижский отель «Ритц», а в середине 1980-х годов — знаменитую сеть британских универмагов «Harrods». У Мохаммеда был единственный сын Доди, с матерью которого он давно разошелся. Доди не отличался ни образованием, ни приятным характером. С детства он рос заброшенным ребенком, не знавшим материнского тепла (отец запретил ему общаться с матерью), а от отца получавшим лишь дорогие подарки. Когда мальчик подрос, Мохаммед попытался пристроить его в престижное учебное заведение, но очень быстро Доди оттуда пришлось забрать: он был слишком избалован, неспортивен и необразован. Постепенно Мохаммед в отношении сына, подсевшего на наркотики и ставшего знатным плейбоем, выбрал стандартную линию поведения: назначил ему огромное содержание, оставив всякие попытки сделать из него человека.

Обретя богатство, Мохаммед не успокоился: ему, как той старушке из сказки про золотую рыбку, хотелось большего, а именно высокого статуса в обществе. Он пробовал получить британское гражданство, но так как его деловая репутация была более чем сомнительна, просьбу отклонили. Аль-Файед затаил обиду и решил действовать иным путем. Сначала он спонсировал мероприятия, непосредственное участие в которых принимала королевская семья. Он и так и эдак крутился возле королевы, принца и принцессы Уэльских, однако должного внимания не получил, продолжая оставаться изгоем для высшего света Великобритании. После развода принцесса превратилась для Аль-Файеда в лакомый кусочек, который он собирался «скормить» своему сыну. Родство с Дианой, считал Мохаммед, откроет ему путь, закрытый доселе.

В сентябре 1996 года Аль-Файед предложил Диане стать директором «Harrods». Она отказалась, а мачеха Дианы принять этот пост согласилась. Рейн и сегодня, в 85 лет, продолжает свою деятельность в качестве члена совета директоров, путешествует по свету в этом качестве и даже порой лично встает за прилавок.

Но вернемся к Диане. Она не забыла своего богатейшего знакомого и беззастенчиво попросила у него денег на постановку «Щелкунчика» в Английском национальном балете. «Помогите — вы ведь можете себе это позволить! — сказала Диана. — Просто дайте денег! Это пойдет вам на пользу». Принцесса не покривила душой: Мохаммед сделал для «Harrods» отличную рекламу к Рождеству, а вот Диане отношения с Аль-Файедом принесли только неприятности…

* * *

К концу 1996 года Диана превратилась в яркого общественного деятеля, признанного во всем мире. Постепенно за общественную работу ей начали вручать награды: в декабре 1995 года в Нью-Йорке она получила звание «Гуманист года», в октябре 1996-го золотую медаль за деятельность, направленную на помощь нуждающимся, которую вручил ей благотворительный центр, возглавляемый Михаилом Горбачевым, во время конгресса по здравоохранению, проводимого в Италии. Ее истинным призванием действительно оказалась благотворительная деятельность. И если бы не постоянные перемены настроения, если бы не дикое напряжение, связанное с преследованием ее папарацци, если бы не ссоры с близкими людьми, которые она сама и провоцировала, если бы не подозрительность и крайняя неуверенность в себе, то у Дианы были бы все шансы начать писать судьбу с чистого листа. К сожалению, в личной жизни она еще чаще, чем в остальных сферах, наступала на старые грабли. Она просто повисала на мужчине, не давая ему нормально дышать. Хаснату Диана искала работу в Африке, когда он хотел работать в Англии, строила совместные планы, хотя он вовсе не собирался жениться… В конце концов ситуацией умело воспользовался Мохаммед Аль-Файед: ему характер Дианы был на руку.

Глава четвертая
Я НЕ ПОЛИТИК. Я ГУМАНИСТ

Новый год для Дианы начинался противоречиво: с одной стороны, она готовилась к очень важной поездке, которая ознаменовала исторический поворот в мировой политике, с другой — несмотря на уверения друзей в том, что она выглядела счастливой и умиротворенной, внутренние противоречия заставляли ее действовать опрометчиво и непродуманно. Тот короткий период времени, который успела прожить Диана, был отмечен яркими выступлениями, шикарными нарядами, ссорами с близкими и тщетными попытками устроить личную жизнь.

* * *

Какой бы ни была Диана Спенсер, ее вклад в решение гуманитарных проблем человечества настолько велик, что другие нюансы жизни принцессы просто меркнут на этом фоне. Каков был характер человека, вершившего великие дела, каковы его проступки и темные стороны души — эти вопросы отступают с течением времени, чтобы оставить место для благодарности и признательности за куда более важные деяния, повлиявшие на судьбы множества людей. Диана, пытавшаяся найти новое применение своим силам, шагнула на опасный участок дороги, опасный и в прямом, и в переносном смысле этого слова. В 1997 году она организовала активную кампанию по запрету противопехотных мин. Вот уж если кто-то и был заинтересован в убийстве беспокойной принцессы, так это военно-промышленный комплекс: «Производители противопехотных мин представляли собой сплоченное лобби, и шансы на международный запрет этого вида оружия были ничтожны…»

Визит в Анголу в январе был призван привлечь внимание к проблеме. Но критики Дианы прозвали ее *loose canon* — непредсказуемый человек (выражение носит отрицательный характер, так как дословно означает «пушка, сорвавшаяся с лафета»). Они считали, что принцесса полезла в политику, а ей там не место (официально Великобритания выступала против запрета противопехотных мин, пока не будет достигнуто международное соглашение по этому вопросу). Даже во время посещения самого смертоносного района Анголы, так напичканного минами, что и разминированные территории

представляли опасность, к Диане подошли журналисты с провокационными вопросами. «Я не понимаю, о чем вы говорите», — ответила она. А сопровождавший ее сотрудник Красного Креста загородил принцессу, твердо сказав «спасибо» и не дав репортерам продолжить. Но интересно отметить, что журналистов в Анголе было крайне мало. Единицы осмелились приехать вслед за Дианой в страну, где царили нищета и послевоенная разруха, да к тому же можно было случайно подорваться на мине. Папарацци сочли за лучшее подождать возвращения принцессы в безопасном месте…

Диану провели на минное поле, где работала команда британских специалистов. Чтобы в одиночку разминировать один квадратный километр в этом месте, человеку понадобилось бы 80 лет! Каждый день на минах подрывались люди, для помощи которым катастрофически не хватало средств. Диана увидела устрашающее количество инвалидов, в основном потерявших при взрыве ноги. Среди них, естественно, были и дети. На снятых в Анголе кадрах — совершенно другая Диана, отличавшаяся даже от той, к которой успели привыкнуть за время ее посещений палат с тяжелобольными. Диана была в шоке от увиденного, и немудрено. Инвалидам не хватало протезов, но когда Диана спросила тринадцатилетнюю девочку с ампутированной ногой, что еще ей хотелось бы иметь, она ответила: «Игрушку. У меня никогда не было игрушек». Другая семилетняя девочка, тяжело раненная в живот, объяснила Диане, как получила ранение: она подняла мину, полагая, что это игрушка.

Когда Диана заявляла, что поездка носит гуманитарный, а не политический характер, принцесса не лгала — она хотела помочь людям выжить, облегчить их невыносимые страдания, к которым, казалось, они сами уже успели привыкнуть. Узнав, что противопехотные мины активно используются в семидесяти одной стране мира, Диана в отчаянии покачала головой и попросила прислать ей список. Считается, что поездка Дианы в Анголу принципиальным образом повлияла на запрет противопехотных мин. Далее она планировала посетить Камбоджу, Боснию и Афганистан (Диана успела осуществить лишь один из намеченных планов: в августе она съездила в Боснию). Карта в ее комнате в Кенсингтонском дворце была утыкана красными булавками, обозначавшими расположение минных полей. А в июне Диана выступила на конференции в Лондоне по проблемам применения противопехотных мин.

В 2013 году сын Дианы принц Гарри посетил Анголу. После стольких лет, прошедших с момента визита его матери, в стране по сей день в земле остается огромное количество мин. И если бы

Диана за всю жизнь совершила бы только одну эту поездку, ей бы уже можно было ставить памятник, причем не в виде фонтана, установленного в лондонском Гайд-парке, потому что иначе жертв непрекращающейся войны было бы в тысячи раз больше. Активный процесс по полному запрету производства, хранения, экспорта и применения противопехотных мин начался в октябре 1996 года. В течение 1997 года было проведено четыре конференции, и на последней, в декабре, договор был подписан представителями 122 стран. Диане не суждено было увидеть результаты своей работы.

* * *

10 августа был последний день трехдневного визита Дианы в Боснию, где она стала свидетелем последствий, пусть и не такого масштаба, как в Анголе, размещения в стране противопехотных мин. Через 21 день ее не станет. Она не взорвется на мине и не заразится никакой ужасной болезнью. Диана будет находиться в обществе любимого мужчины. Катастрофа станет всего лишь последним звеном в цепи нелепых случайностей. Но пока Диана позировала на фоне боснийских пейзажей: низеньких домиков, ярко-зеленой травы и улыбчивых местных жителей. На тот момент ее деятельность по запрету противопехотных мин уже поддержал премьер-министр Великобритании Тони Блэр. В то же время британские таблоиды смаковали ее личную жизнь (в газетах появились первые совместные с Доди снимки).

В Боснии, как и в Анголе, Диана встречалась с инвалидами, взрослыми и детьми, подорвавшимися на минах. «Принцесса сделала непредусмотренную остановку возле кладбища в Сараеве, где заметила Эльвиру Тадик, 57 лет, которая клала цветы на могилу своего сына. Диана обняла Эльвиру и нежно коснулась ее лица — женщины не знали языка друг друга, но их молчаливая встреча длилась несколько минут». Поездка в Боснию завершила цикл благотворительных визитов Дианы в самые разные страны. Принцесса взяла очень высокую ноту, но соревноваться с самой собой ей не пришлось — это был финальный аккорд.

* * *

Обе знаменательные поездки Дианы проходили на фоне менее значительных событий. Лишь одно из них приведет к трагическому концу, но все они связаны между собой

невидимыми нитями. В первую очередь хотелось бы упомянуть семью Дианы. Отношения с близкими никак не складывались, хотя именно они вроде должны были остаться рядом с ней до последнего. Но семья Спенсер никогда не отличалась сплоченностью. Сара служила у Дианы фрейлиной, однако сей пост ей большого удовольствия не доставлял, потому что лишний раз подчеркивал более высокий статус принцессы. С Джейн отношения всегда были прохладными, неблизкими, а уж после того, как муж Джейн ввязался в конфликт, связанный с публикацией Мортона, вообще сошли на нет. Отец умер, впрочем, из-за болезни он в последние годы, так или иначе, не был способен принимать активное участие в жизни дочери. Мачеха с Дианой периодически общалась, и довольно неплохо: сплошь взлеты и падения. Диана сама признавала, что с этой женщиной она могла бы советоваться, но давние семейные распри не позволяли им окончательно примириться. С братом Чарльзом тоже отношения не складывались. Став наследником титула и Олторпа, он не особенно церемонился с Дианой. Кроме просьбы возвратить ему диадему он ухудшил положение дел письмом, которое отправил сестре еще в 1996 году. «После долгих лет небрежения наши с тобой отношения стали худшими в семье, — писал он. — Думаю, ты и сама заметила, что мы почти не разговариваем… Я всегда готов прийти тебе на помощь… Но 15 лет твоего отсутствия почти уничтожили нашу близость… Я давно смирился с тем, что занимаю самое незначительное место в твоей жизни, и меня это более не огорчает. Для меня и моей семьи такое положение гораздо удобнее и приемлемее, чем те проблемы и боль, какую твоя дружба причинила многим людям… Я боюсь за тебя, — продолжал брат Дианы. — Я знаю, что манипулирование и обман — это часть твоей болезни… и молюсь, чтобы тебе повезло найти квалифицированного и сочувствующего специалиста, который помог бы тебе решить проблемы с психикой». Говорят, Диана плакала, читая письмо брата. Он был во многом прав, однако стоило ли быть таким откровенным в не самый сладкий период в жизни его сестры (тем более зная о ее психологической нестабильности).

Отношения с матерью тоже оставляли желать лучшего. Создается странное впечатление: когда Диана была ребенком, мать уделяла ей внимание, забирая ее и других своих детей на выходные и каникулы. После она будто вычеркнула их из жизни, решив, что во взрослом возрасте им ее любовь и внимание не очень нужны. Но дело было не только в редких встречах. В июне 1997 года Френсис пошла дальше. «Принцесса прекратила общаться с матерью в июне 1997 года после двух телефонных

разговоров… Френсис Шанд-Кид называла ее шлюхой за то, что она „путалась с мерзкими мусульманами“». После смерти Дианы мать провела некоторое время в Кенсингтонском дворце и уничтожила ряд документов. Разрыв отношений расстроил Френсис, а с другой стороны, какой реакции она ожидала на свои слова?

* * *

Расставание с прошлым принимало у Дианы разные формы. Например, по совету сына Уильяма она решила продать на благотворительном аукционе свои знаменитые платья (в частности, то, в котором она танцевала когда-то с Траволтой). Подготовка заняла год. Наряды Диана собиралась выставить на аукционе *Christie's* в Нью-Йорке и передать средства в фонд по борьбе со СПИДом. Диана составляла список планируемых к продаже вещей и подошла к работе очень ответственно. К аукциону были сделаны фотографии — на них Диана предстает в новом образе — такой ее не видели никогда. Фотографии делал Марио Тестино, и эти его работы стали самыми знаменитыми. Позже Тестино не раз приглашали сделать памятные снимки членов королевской семьи. Есть удивительные фотографии принца Чарльза с сыновьями на двадцатилетие Гарри, снимки Уильяма и Кейт. Но фотографии Дианы, ознаменовавшие ее последнюю в жизни фотосессию, навсегда останутся самыми известными в карьере Тестино.

Аукцион прошел весьма успешно: 25 июня все наряды были распроданы. С прошлой жизнью Диана покончила, новую начать так и не успела…

* * *

22 июля Диана вылетела в Милан на похороны Версаче. Во время службы она сидела между Элтоном Джоном, с которым до того находилась в ссоре, и Стингом. Элтон Джон не скрывал слез, и Диана, позабыв былые распри, искренне пыталась успокоить его, приобнимая, как ребенка, хотя сама с трудом сдерживала эмоции. Но в тот момент, когда кто-то страдал сильнее, чем она, Диана умела собрать силы в кулак. Элтону Джону придется несладко: буквально через месяц с небольшим ему предстоит сыграть прощальную песню для Дианы. «Думаю, в конце жизни Диана доверяла не тем людям, — делился позже певец. — Она не

доверяла людям, которым должна была бы доверять, ее истинным друзьям (и правда, в конце жизни Диана рассорилась со многими — пресловутая паранойя преследовала ее по пятам, но кто знает, как бы она потом относилась к новым, „неправильным“ друзьям. — *В. Б.)*… То, что я играл на похоронах принцессы Дианы, было самой сюрреалистической вещью, которую я когда-либо делал. Я не показывал эмоций. Это вовсе не то, что вы должны делать на подобных мероприятиях. Все, о чем я думал, было: не сфальшивь, не сфальшивь. Будь мужественным! Не сломайся и сделай это, настолько хорошо, насколько можешь, не показывая никаких эмоций. Это был невообразимый опыт, и я надеюсь, мне никогда не придется его повторить».

* * *

После приезда с похорон у Дианы состоялось окончательное объяснение с Хаснатом. Сложно судить, что послужило для него толчком для принятия сложного решения. Несколько лет спустя хранивший долгое время молчание Хаснат Хан признает: брак с Дианой был обречен на провал, они не протянули бы вместе и года. Тут сплелось, скорее всего, несколько причин. Во-первых, Хаснат был помешан на работе и ставил перед собой определенные цели. Вмешательство Дианы не помогало ему, а, напротив, мешало строить карьеру. Во-вторых, Диана всегда пыталась заполучить полюбившихся мужчин целиком, со всеми «потрохами» — это в итоге раздражало многих и приводило к краху отношений. У Хасната Диана любила прибираться дома, хотя он, уделяя в операционной исключительное внимание порядку, на своей квартире предпочитал иметь холостяцкий бедлам и честно говорил Диане, что ее помощь только мешает. В-третьих, Диана в 1997 году избрала неверный способ завоевать любимого — она пыталась подтолкнуть его к ревности. Какая из причин вызвала расставание и не существовало ли четвертой и пятой, сказать сложно: Диана погибла, а Хаснат Хан хранит молчание и давать подробные комментарии отказывается, отзываясь о принцессе исключительно в доброжелательных тонах. Как бы то ни было, они расстались в конце июля и, возможно, встретились бы еще, но этому категорически воспротивилась судьба…

* * *

Все это время возле принцессы крутился Мохаммед Аль-Файед, прилагавший значительные усилия, чтобы свести Диану с Доди. Отношения, завязанные Мохаммедом с Дианой, в 1997 году продолжились в июне во время торжественного ужина, когда он оказался (случайно или нет) за столом рядом с принцессой. Аль-Файед не откладывая дела в долгий ящик предложил Диане провести лето у него в доме в Сен-Тропе. Диана, несмотря на предостережения подруг, которые были в курсе репутации Мохаммеда, согласилась. Конечно, принцесса тоже знала, кто он такой, но не стала на этом акцентировать собственное внимание, а может, и просто пошла наперекор общественному мнению. Однако одно дело идти против английского общества в вопросе о запрете противопехотных мин и совсем другое в вопросе общения с человеком с запятнанной деловой репутацией, связанным с торговлей оружием и наркотиками.

К 14 июля следовало доставить Доди в Сен-Тропе, чтобы познакомить с Дианой. К тому моменту сын Мохаммеда был обручен с манекенщицей из США и собрался жениться на ней буквально через три недели. Отец велел с невестой расстаться — какие тут манекенщицы, когда на пороге стоит принцесса Уэльская! Надо сказать, Доди отцу не перечил, прекрасно осознавая, откуда в его карман капают денежки. Он не сомневался в своих чарах: завоевать Диану обаятельному, опытному ловеласу ничего не стоило. Единственным его недостатком являлась наркотическая зависимость. Вскоре Диана продемонстрировала журналистам свою прекрасную фигуру в купальнике возле бассейна у дома Аль-Файеда и на борту его яхты. Доди пока на фото не фигурировал. Одной из причин, по которой Диана решила позировать репортерам, называют месть Камилле и Чарльзу: в июле на телевизионные экраны выходил документальный фильм о Камилле, должный представить подругу принца в выгодном свете. Фотоснимки Дианы затмили собой всё!

Мохаммед Аль-Файед вел игру тонко: он не отзывался худо о королевской семье, но периодически «проезжался» по Камилле, называя ее персонажем фильма о Дракуле, чем безмерно привлекал Диану. Как мы уже писали выше, попытался он примирить принцессу и с мачехой, которая была членом совета директоров в сети его универмагов — продуманный шаг, если вводить Диану в семью. 26 июля принцесса встретилась с Доди в Париже. Пока их свидания удавалось хранить в тайне. Вместе они провели сутки, и Диана пребывала в восторге от заботливого и внимательного Доди, к тому же обладавшего огромными богатствами (отца). 31 июля она вновь прибыла на яхту Аль-

Файеда, но на сей раз они там были с Доди одни, если не считать обслуживающего персонала. 4 августа папарацци разнюхали местонахождение Дианы: то ли Мохаммед так подстроил (сын сообщал ему об успехах в плане соблазнения принцессы, и Аль-Файед-старший был заинтересован в том, чтобы придать дело огласке), то ли вечно следившие за Дианой журналисты сами разузнали о том, где она находится.

Вернувшись из Боснии 11 августа, Диана сразу поехала к Доди. Некоторое время они провели в Англии, а затем перебрались на яхту, на которой курсировали по Средиземному морю. 30 августа пара отправилась в Париж, где в аэропорту их уже стерегли журналисты. «Папарацци уже поджидали парочку, и настроены они были весьма агрессивно. Многие были на мотоциклах. Диану ситуация нервировала, но она к ней за долгие годы успела привыкнуть. А вот Доди нервничал не на шутку. По дороге из аэропорта Диана пыталась успокоить Доди. Он приказывал шоферу ехать быстрее, Диану это пугало куда сильнее, чем внимание репортеров. Дальше ситуация становилась только хуже. Когда после аварии, в которой погибла Диана, папарацци оправдались, объявив, что они приехали на место чуть позже и не могли ее спровоцировать, следователи не учли одного: Диана и Доди оказались в мышеловке, которую действительно захлопнули не папарацци, но в которую они их загнали…»

«Диана, — как вспоминал один из телохранителей, — была вся в слезах». А Доди, наркоман со стажем, не мог принимать адекватных решений. Сначала он отменил ужин в ресторане и перенес его в «Ритц», потом велел подавать взятую напрокат (для отвода глаз) машину к черному ходу. За руль сел подвыпивший шофер, к тому же не имевший опыта вождения лимузина. В 24.20 машина отъехала от отеля, но кучка журналистов их заметила. Началась погоня. Стекла лимузина не были тонированными, и газетчики могли фотографировать сидевших внутри в свое удовольствие. Однако в какой-то момент машина немного оторвалась от преследователей, и шофер решил изменить маршрут. На Елисейских Полях было несколько светофоров, поэтому он свернул к туннелю под площадью Альма.

«Перед въездом в туннель на дороге имелся небольшой бугорок, а за ним яма, после чего дорога резко сворачивала влево. Поль уже оторвался от фотографов. К туннелю он подъехал на скорости от ста восемнадцати до ста пятидесяти пяти километров в час. По правой полосе гораздо медленнее ехал белый „фиат-уно“. „Мерседес“ задел левое крыло „фиата“ как раз в то мгновение, когда машину подбросило на бугорке». В 1.23 ночи машина, в которой ехала Диана, врезалась в бетонную колонну,

разделявшую полосы туннеля. Доди и Диана пристегнуты не были. Доди, как и шофер, погиб сразу. Телохранитель, сидевший на переднем сиденье, хотя и получил тяжелейшие травмы, выжил. Диана прожила после аварии около четырех часов и умерла в больнице. Таблоиды мгновенно начали зарабатывать на ее гибели деньги: нагнавшие машину папарацци сумели сделать множество фотографий в разбитом автомобиле.

Известие о смерти принцессы Уэльской достигло Великобритании. В Балморале принц Чарльз готовился рассказать о смерти Дианы детям. В тот же день вместе с сестрами принцессы он вылетел в Париж. Похороны Дианы собрали в Лондоне несметное количество людей. После церемонии прощания, проходившей в Вестминстерском аббатстве, гроб с телом Дианы повезли в Олторп. Ее брат объявил: «Диана вернулась домой».

На островке в центре маленького озера была похоронена принцесса, которой теперь уже никогда не стать королевой и которую никогда не сможет оживить принц своим поцелуем. «После получасовой погребальной службы близкие разошлись, оставив Диану одну на пустынном острове — такой же одинокой в смерти, какой была она при жизни».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я писала эту книгу, меня спрашивали лишь об одном: как погибла Диана, убийство это или трагическая случайность. Как известно, запоминается последнее событие. Из всей биографии принцессы сегодня людей интересует только финальный эпизод ее жизни. Я считаю смерть Дианы самоубийством, самоубийством длиною в жизнь. Если женщина не умеет быть счастливой, ее таковой не сделает ни один, даже самый лучший мужчина в мире, даже принц… Тем не менее она умела делать счастливыми других: больных и обездоленных. Она стала кумиром для многих женщин новой эпохи. Улыбаясь с обложек журналов, Диана вселяла в людей уверенность, которой ей часто не хватало самой. В этом заключалась ее высокая миссия, за это мы Диане всегда будем благодарны.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

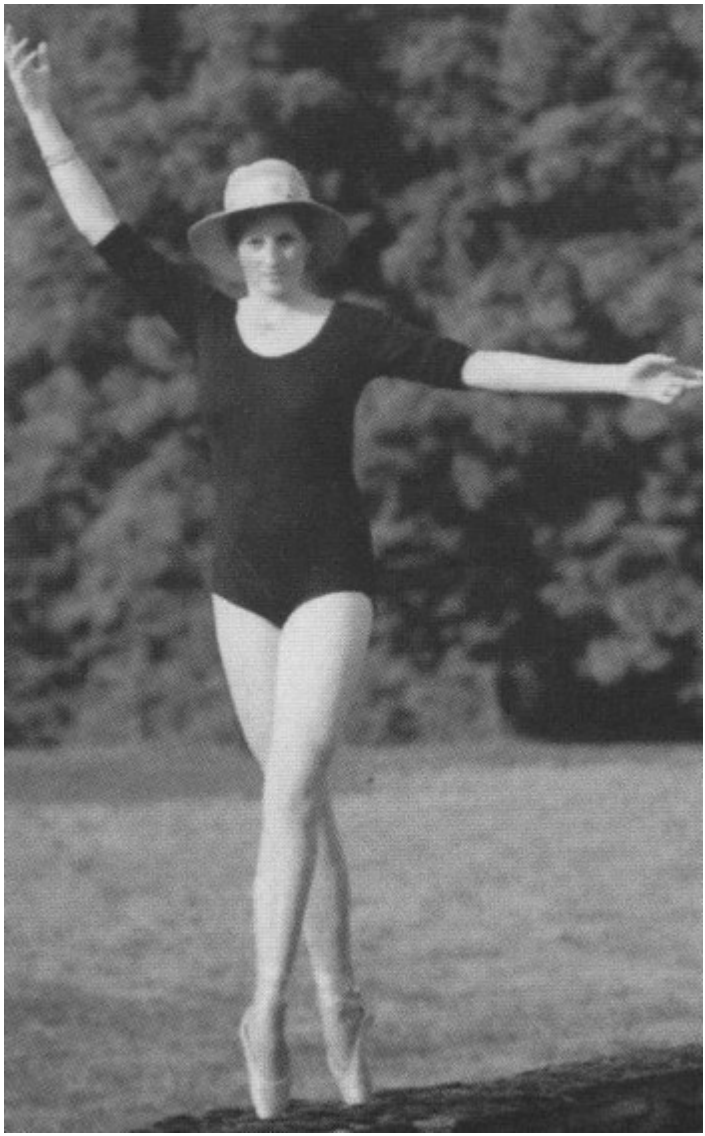
Эдмунд Морис Берк Роше, четвертый барон Фермой и леди Рут Фермой, дедушка и бабушка Дианы по материнской линии

Джон Спенсер, виконт Олторп и леди Френсис Спенсер (урожденная Фермой), отец и мать Дианы

Маленькая леди Диана Спенсер в коляске. Парк-хаус. Сандрингем. Норфолк. 1963 г.

Парк-хаус. Дом, в котором родилась Диана

Диана во время игры в крокет



Балетная позиция в исполнении Дианы

Родовое поместье Спенсеров Олторп в Нортгемптоншире

Подруги и соседки Дианы по лондонской квартире. Слева направо: Кэролайн Прайд (в замужестве Бартоломью), Вирджиния Питман, Анна Болтон

Семья Спенсер в Олторпе. Слева направо: леди Сара Спенсер, Чарльз Спенсер, виконт Олторп, граф Спенсер, леди Джейн Спенсер, леди Диана Спенсер. 1975 г.

Диана и Адам Рассел

Леди Диана Спенсер и княгиня Монако Грейс (Келли) на балу в Голдсмит-холле. 9 марта 1981 г.

Принц Чарльз с подругой леди Сарой Спенсер во время проведения турнира по конному поло в Виндзоре. 1977 г.

Свадебный поцелуй принца Чарльза и принцессы Дианы на балконе Букингемского дворца. 29 июля 1981 г.

Принц Чарльз и принцесса Диана играют с сыном принцем Уильямом во время фотосессии в Кенсингтонском дворце. Декабрь 1982 г.

Принцесса Диана и принц Гарри в мундире офицера

парашютно-десантного полка британской армии на детской площадке в поместье Хайгроув-хаус. 18 июля 1986 г.

Танец принцессы Дианы и Джона Траволты. Вашингтон. Белый дом. Ноябрь 1985 г.

Танец принцессы Дианы и Уэйна Слипа в Королевской опере. 14 ноября 1985 г.

Принцесса Диана пожимает руку пациенту, больному СПИДом. Лондон.9 апреля 1987 г.

Встреча принцессы Дианы с Хиллари Клинтон. 18 июня 1997 г.

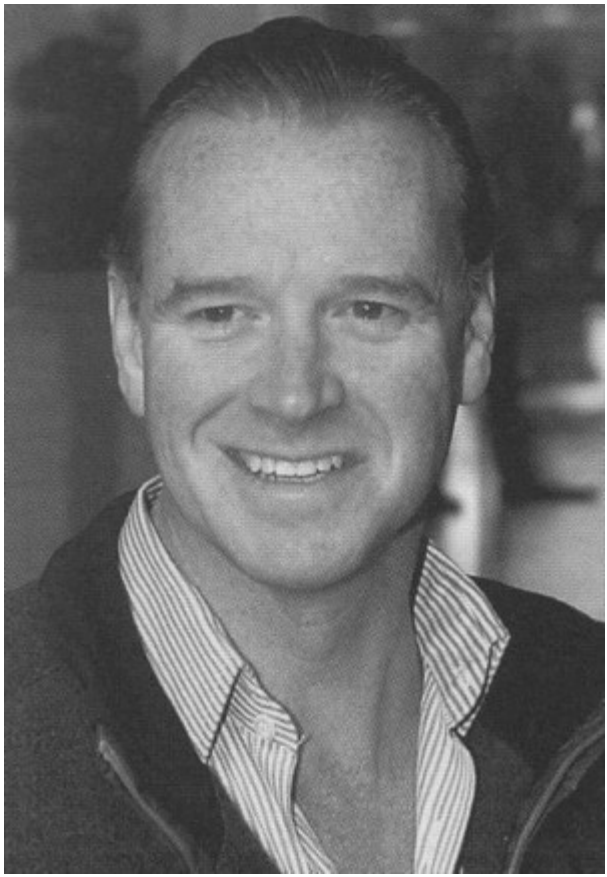
Посещение пациентов хосписа матери Терезы. Индия. Калькутта. 1992 г.

Принцесса Уэльская беседует с пострадавшими от действия противопехотных мин. Ангола.13 января 1997 г.

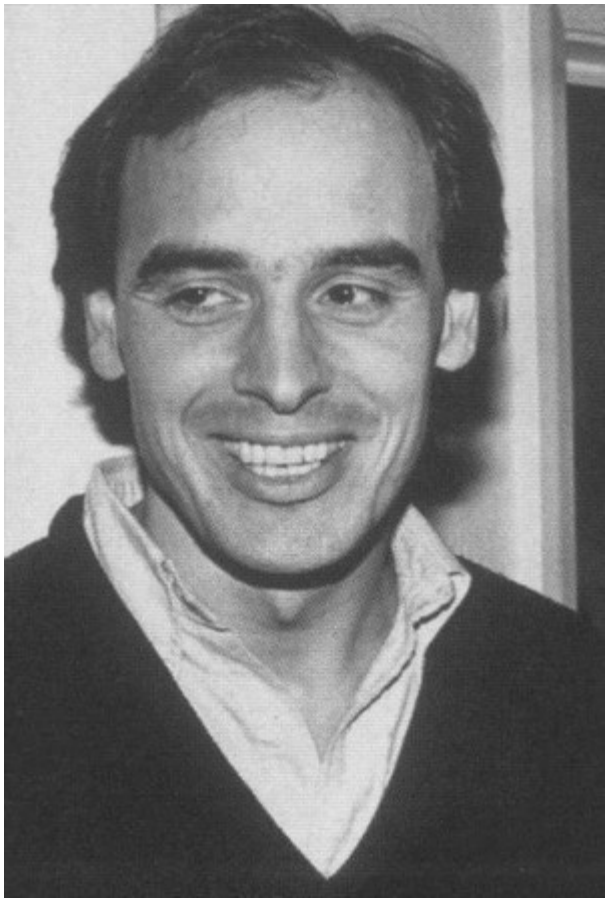
Леди Рейн Спенсер, мачеха Дианы

Камилла Паркер-Боулз (урожденная Шэнд)

Принцесса Диана (слева), Мухаммад Икбал Гуджар и Джемайма Хан в Пакистане. 1996 г.

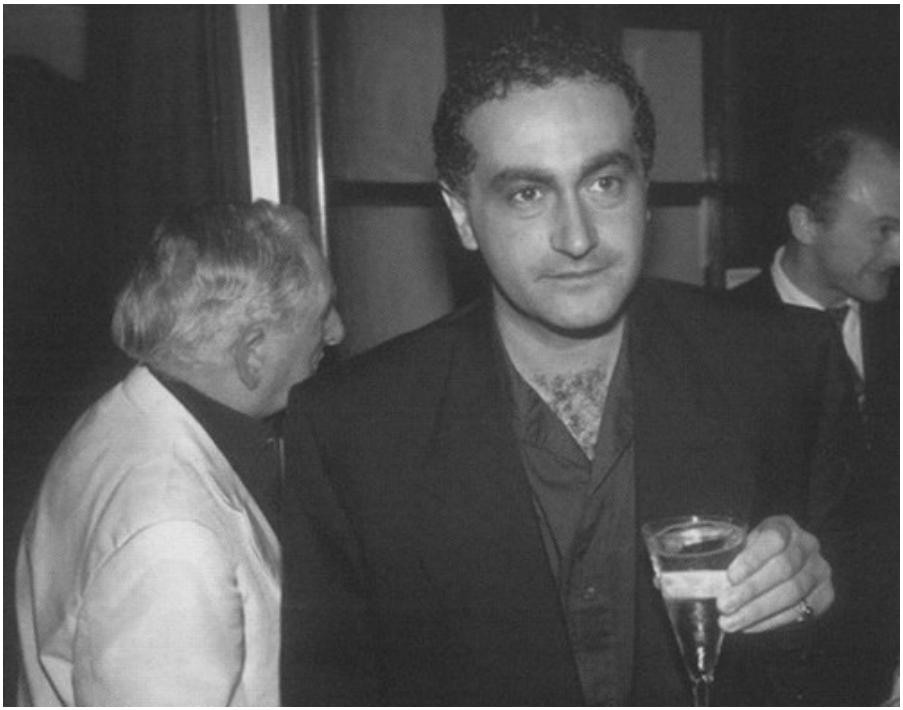


Джеймс Хьюитт



Джеймс Гилби

Принцесса Диана в одном из платьев, выставленных для продажи на аукционе Christie's в Нью-Йорке. М. Тестино. 1997 г.



Доди Аль-Файед

Въезд в тоннель под площадь Альма

Гвардейцы несут гроб с телом принцессы Дианы. 1997 г.

Принц Чарльз с сыновьями Гарри и Уильямом у заваленной

цветами решетки Кенсингтонского дворца. 5 сентября 1997 г.

«Мне нравится быть свободной духом. Некоторые не любят этого, но я такова». Принцесса Диана

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ДИАНЫ СПЕНСЕР

1961, 1 июля — день рождения Дианы Спенсер.

1969, апрель — развод родителей.

2 мая — мать вышла замуж за Питера Шанд-Кида.

1976, 14 июля — отец женился на Рейн Легги.

1977, июнь — сестра Дианы Сара познакомилась с принцем Чарльзом.

Ноябрь — Диана познакомилась с принцем Чарльзом.

1979, июль — Диана переехала в собственную квартиру в Лондоне.

1980, июль — Диану пригласили в Петуорт, где она проводила много времени с принцем Чарльзом.

Начало августа — принц Чарльз пригласил Диану на королевскую яхту во время проведения Каусской регаты.

Сентябрь — визит Дианы в Балморал на Бреймарские игры.

1981, 6 февраля — Чарльз сделал Диане предложение.

24 февраля — официальное объявление о помолвке Дианы и Чарльза.

29 июля — состоялась свадьба Дианы и Чарльза.

Октябрь — первый официальный визит Дианы вместе с мужем (Уэльс).

5 ноября — официальное объявление о беременности Дианы.

1982, 21 июня — у Дианы и Чарльза родился сын Уильям.

1983, март — поездка Дианы и Чарльза в Австралию и Новую Зеландию.

Июнь — поездка Дианы и Чарльза в Канаду.

1984, 14 февраля — официальное объявление о второй беременности Дианы.

Февраль — первый самостоятельный визит Дианы за границу, в Норвегию.

15 сентября — у Дианы и Чарльза родился сын Гарри.

1985, февраль — поездка Дианы и Чарльза в США.

1986, лето — у Дианы начался роман с Джеймсом Хьюиттом.

Ноябрь — поездка Дианы и Чарльза по Ближнему Востоку.

1987, февраль — поездка Дианы и Чарльза в Португалию.

9 апреля — Диана посетила палату для больных СПИДом и пожимала руки пациентам.

Май — поездка Дианы и Чарльза во Францию на Каннский фестиваль.

1988, середина — Диана предприняла первые попытки начать

серьезное лечение булимии и других психологических проблем.

1990, май — поездка Дианы и Чарльза в Венгрию, первую страну — члена Варшавского договора.

1991 — Эндрю Мортон начал писать книгу о Диане.

1992, 29 марта — умер отец Дианы.

Май — визит Дианы в Египет.

16 июня — книга Эндрю Мортона «Диана. Ее истинная история» поступила в продажу.

25 августа — обнародована запись романтического телефонного разговора Дианы с ее другом Джеймсом Гилби.

Октябрь — последняя совместная поездка Дианы и Чарльза (в Южную Корею).

9 декабря — официальное объявление о том, что Диана и Чарльз расстались.

1993, 13 января — обнародована запись романтического телефонного разговора Чарльза с его подругой Камиллой.

27 апреля — Диана произнесла первую серьезную речь в своей жизни. Выступление было посвящено проблеме пищевых расстройств.

1 июня — Диана произносит речь, посвященную психически больным женщинам.

Июль — визит Дианы в Зимбабве.

8 декабря — Диана выступила с заявлением о резком сокращении своего участия в общественной жизни.

1994, осень — вышла книга Анны Пастернак «Влюбленная принцесса», основанная на воспоминаниях любовника Дианы Джеймса Хьюитта.

1995, февраль — визит Дианы в Японию, первый после годичного перерыва.

Июнь — визит Дианы в Москву.

20 ноября — печально знаменитое интервью Дианы программе «Панорама» на *BBC*.

Декабрь — в Нью-Йорке Диане вручили награду «Гуманист года».

1996, февраль и март — визиты Дианы в Пакистан.

28 августа — официально было объявлено о разводе Дианы и Чарльза.

Октябрь — в Италии Диане вручили золотую медаль за деятельность, направленную на помощь нуждающимся.

1997, январь — визит Дианы в Анголу.

25 июня — в Нью-Йорке состоялся аукцион, на котором были распроданы знаменитые наряды Дианы.

Август — последний в жизни Дианы визит — в Боснию.

Июль — август — знакомство с Доди Аль-Файедом.

31 августа 1997 — Диана погибла в автомобильной катастрофе в Париже.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Бенуа С. Диана и Чарльз: одинокая принцесса любит принца… М.: Алгоритм, 2015.

Брэдфорд С. Диана: Жизнь, любовь, судьба. М.: Колибри, 2014.

Мортон Э. Диана. Ее истинная история. М.: Физкультура и спорт, 1997.

Smith Sally Bedell. Diana in Search of Herself: Portrait of a Troubled Princess / Random House Publishing Group, 1999.

Campbell Colin/ The real Diana / St. Martin's Press, 2013.

Snell Kate. Diana, her last love / Andre Deutsch, 2013.

Kohen David. Diana, Death of Goddess / Arrow, 2005.

Emanuel David, Emanuel Elizabeth. A Dress for Diana / Harper Collins Publisher, 2006.

Betty Vacani // The Telegraph. 2003. September 6.

Can Diana Beat Italians at Their Own game? // Royalty. 2010. April. Vol. 4, 10.

Charity Calls to Fill Di's One-Day Visit // The Moscow Times. 1995. 15 June.

Charm Academy: Switzerland's last finishing school // Financial Times. 2010. September 30.

Diana Faints Shock // Daily Express. 1986. May 7.

Diana stopped trusting her true friends before she died says Elton John in 'most candid interview' ever // Daily Mail. 2008. 14 June.

Diana talks about sex life in videos to be shown in America // The Telegraph. 2004. 27 November.

High Fashion and High Spirits at a rainy Royal Ascot // Hello! 1991. № 159. 29 June.

Is This the Last Betrayal? // Daily Mail. 2003. February 15.

Love and War by James Hewitt // The Guardian. 1999. October 29.

Mannakee File // The Telegraph. 2004. 12 December.

Moments that Few Saw… Unseen pics of Princess Diana and prince Charles on their wedding day // Sunday Express. 2015. August 11.

My Pal Di // Daily Record. 1986. April 19.

Prince Charles wailed 'I can't go through with it' on eve of marriage to Princess Diana, biography claims // The Telegraph. 2015. February 3.

Princess Diana wanted to marry Hasnat Khan and movw to Pakistan, friend Jemima Khan reveals// Hello! 2013. 31 July.

Princess Diana's lover James Hewitt suffers closure of Spanish business //The Telegraph. 2013. March 10.

Princess Diana's men 'the royal concern' // The Telegraph. 2007. 22 November.

Princess Diana's Squidgygate's suitorgets married //The Telegraph. 2014. 16 January.

Princess Diana's wedding dress making its way home to sons William and Harry // Heliomagazine. 2014. September 1.

The Peoples' Princess I knew: Diana's extraordinary life remembered by our legendary royal, reporter James Whitaker // Mirror. 2012. August 30.

Wearing tiara caused Princess Diana wedding day headach, brother reveals // Daily Mail. 2010. May 17.

www.bamardos.org.uk

http://www.princeofwales.gov.uk/the-prince-of-wales/royal-duties/countries-visitedjhjkk

notes

Примечания

1

Модные в конце 1970-х годов ободки из бархата указывали на принадлежность к среднему классу.

2

Выглядящее наивным мнение Дианы по поводу отсутствия досужего любопытства в словах Мэри не играет здесь существенной роли.

3

Кольцо на самом деле подбирали уже после приезда Дианы из Австралии. Чарльз действительно не потрудился его купить заранее, не рассчитывая на мгновенное согласие Дианы. Кольцо невесте не нравилось: «Я никогда не выбрала бы такую безвкусицу». Это не помешало ее сыну Уильяму подарить кольцо будущей жене Кейт. Та вроде пока довольна…